

JOURNAL OF

International Scientific Publications:

Language, Individual & Society, Volume 6, Part 2

Peer-Reviewed Open Access Journal

Published at:

<http://www.scientific-publications.net>

Published by Info Invest Ltd

www.sciencebg.net

ISSN 1313-2547, 2012, European Union

Editor in Chief

Sofia Agapova, Russia

Executive Secretary

Junichi Suzuki, Japan

Aislu Tassimova, Kazakhstan

Editorial Board Members

Alireza Valipour, Iran

Bozena Supsakova, Slovakia

Evdokia Lobanova, Russia

Elena Murugova, Russia

Galina Sinekopova, USA

Irina Sidorcuka, Latvia

Igor Klyukanov, USA

Neziha Musaoglu, Turkey

Olivera Gajic, Serbia

Sunil Mishra, India

Simona Stanisiu, Romania

Sibel Turan, Turkey

Svetlana Prishtenko, Ukraine

Tamara Birsanu, Romania

Vladimir Zhdanov, Japan

Tatiana Artyukhova, Russia

Published in Association with Science & Education Foundation

Any paper submitted to the journal of Internationl Scientific Publications: Language, Individual & Society - should NOT be under consideration for publication at another journal. All submitted papers must also represent original work, and should fully reference and describe all prior work on the same subject and compare the submitted paper to that work.

All research articles in this journal have undergone rigorous peer review, based on initial editor screening and anonymized refereeing by at least two referees. Recommending the articles for publishing, the reviewers confirm that in their opinion the submitted article contains important or new scientific results.

The authors of the articles bear the responsibility for their content.

When quoting the articles their author and edition should be mentioned.

It is not allowed the edition of the scientific articles to be copied, multiplied and distributed with the purpose of trade without the permission of the editor.

**DIALECT NEW GROWTHS AS RESULT OF THE INTERLINGUAL INTERFERENCE:
THE CONJUNCTIONS IN DIALECTS OF RUSSIAN NORTH¹**

Elena R. Guseva

Karelian State Pedagogical Academy, Pushkinskaja str, 17, Petrozavodsk, Russia

Abstract

The conjunctions of dialects of Russian North represent difficult rather complete heterogeneous and heterochronic system which structure includes units of praslavyansky fund, the lexemes which have appeared on the Russian ground during the Old Russian period, the dialect new growths which have arisen under the influence of the Finno-Ugric languages are noted also.

In the report the conjunctions fixed in regional dictionaries кéнжса 'when', лéво, ля'ко 'or', etc., reflecting substratny influence which as shows research, is more shown at phonetic level, rather than on lexical and word-formation are considered.

Key words: conjunction, dialect, Russian North, interlingual interference.

1. ВВЕДЕНИЕ

Союзы говоров Русского Севера представляют собой сложную относительно целостную гетерогенную и гетерохронную систему, в состав которой входят единицы праславянского фонда, лексемы, появившиеся на русской почве в древнерусский период, отмечаются диалектные новообразования, часть которых возникла под воздействием финно-угорского субстрата.

Проблема межъязыковой интерференции на уровне служебной лексики является весьма актуальной. Особое внимание диалектологов вызывают функционирующие в говорах Русского Севера, а также в диалектах Сибири, территории позднего заселения русских, постпозитивные служебные слова *дак*, *да*. Синтаксическая черта, по предположению исследователей, заимствована русскими говорами из финно-угорских языков (см. например: Преображенская 1985: 70-72, Лейнен 2000: 471-473, Бакланова 2009: 20-28).

В настоящей статье рассматриваются зафиксированные в региональных словарях союзы *лéво...лéво*, *небéсчего* (*нéбещего*), *ля'ко*, *áлико* (*алико*), *конь*, *кай*, *кéнжса*, отражающие субстратное влияние. Для сопоставления приводятся сведения исторических, этимологических, толковых словарей (сокращения географических названий даются в соответствии с использованными источниками, в некоторых случаях они расшифровываются).

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Международной ассоциации гуманитариев, проект "Союзы в говорах Русского Севера: синхронно-диахроническое исследование", грант в области гуманитарных наук в Беларуси, России и Украине, 2011-2012 гг..

В настоящей статье рассматриваются зафиксированные в региональных словарях союзы *лέво...лέво*, *небесчего* (*нёбещего*), *ля'ко*, *а́лико* (*али́ко*), *конь*, *кай*, *кёнжа*, отражающие субстратное влияние. Для сопоставления приводятся сведения исторических, этимологических, толковых словарей (сокращения географических названий даются в соответствии с использованными источниками, в некоторых случаях они расшифровываются).

2. ЛÉВО

В вологодских говорах отмечен повторяющийся разделительный союз *лέво...лέво* ‘или...или’: *Лέво конфеток принесет, лéво преников.* Верхневаж. (СВГ 4: 33). Союз *лево ... лево*, на наш взгляд, является фонематическим вариантом к союзу *лéбо...лéбо* ‘либо...либо’, известному костромским и сибирским говорам: *Кум, лéбо сват, лéбо дальняя родня.* Костром. *Лéбо ты, лéбо я.* Сиб. (СРНГ 16: 304). Вариант *лево...лево* появился под воздействием финно-угорского субстрата: в лексике северных говоров наблюдается взаимозаменяемость фонем *b* и *v*. Так, например, в русских диалектах, функционирующих на постмерянской территории, отмечены слова, в которых «общерусскому (литературному и диалектному) звуку *b* соответствует *v* и наоборот...»: *колобúшка - коловúшка* ‘небольшой пирожок’, *вараклó - барахлó* ‘тряпье, старье’ (Ткаченко 1985: 28-29). Приведем примеры с номинативной лексикой из говоров Карелии и сопредельных областей. Мена *v* // *b*: *булдырь* ‘волдырь’, *вérва* – *вérба* ‘крепкая нить’ (СРГК 1: 136, 173). Ср.: в русских диалектах при адаптации финно-угорских слов происходит переход *v* > *b* (Матвеев 2001: 129), например: вепсск. *kayi*, люд. *kuayi* > олон., пск., новг., тихв. *кáба* ‘кол для привязывания лодок’, новг. *кóба*, *кóва* ‘кол, шест, пень’ (Фасмер 2: 147). В говорах Русского Севера возможна и обратная замена *b* // *v* в русских словах: *бóль* – *вóль* ‘болезнь’ (СРГК 1: 91). Как показывает приведенная выше иллюстрация из вологодских говоров, мена *b* и *v* возможна и в служебной лексике: *лéбо ... лéбо - лéво ... лéво* ‘или ... или’.

Союз **lebo* представляет собой сочетание праславянских единиц **le* и **bo*. *Lebo* в основном с причинным и разделительным значениями функционирует в западнославянских языках. В чешских диалектах бытует союз *l'ebو* с разделительным и уступительным значениями ‘или, иначе, хотя’. В словацком языке функционирует общеупотребительный причинный союз *lebo* ‘потому что, поскольку; ведь’ и стилистически ограниченный разделительный союз *lebo* ‘или’ (с пометой «народн.»), в диалектах встречаются *lebo* ‘или, потому что’ и *(le)bo - alebo* ‘или ... или’. Польским диалектам известен союз *lebo* ‘или, лишь бы’ (ЭССЯ 14: 174). Я. Бауэр указывает: разделительные союзы *lebo*, *alebo* ‘или’ характерны для языков северо-западной группы (восточноморавских говоров и словацкого языка), *lebo* в моравских говорах нечасто употребляется в обосновательном значении, в словацком языке имеется обосновательный союз *alebo* (лексема *alebo* возникла в результате слияния частиц *a+le+bo*) (Bauer 1972: 399). Древнерусскому языку разделительный союз *лебо* не известен, но в старорусских источниках отмечен причинный союз *для того ... лебо* ‘потому что’ (СлРЯ XI-XVII вв. 8: 183).

2. НЕБÉСЧЕГО (НЁБЕЩЕГО)

Уступительный союз *небесчего*, *нёбещего* ‘хотя, несмотря на то что’ встречается также в вологодских, костромских, ярославских, некоторых среднерусских, сибирских говорах: *Небесчего барин, а врешь. Небесчего просил тебя подождать, а ты один-ка угнался в Рыбкуто [Рыбинск]* (ЯОС 6: 125), *Небесчего старостин сынок, а глуп, как и мы, грешные. Пск.*

Осташк. Твер. Волог. Вытегор. Олон. *Сват небесчего свой, и окрошины взаймы ни даст.* Тихв. (НОС 6: 31) + Переясл. Влад. Нерехт. Костром. Симб. (СРНГ 20: 317).²

Лексема не имеет соответствий в древнерусском, других славянских языках. На наш взгляд, слово представляет собой фонетически измененное сочетание *не весть чего*. Мена звуков *б* // *в* в словах северных говоров, как уже отмечалось, является следствием финно-угорского влияния. Смешение *б* и *в*, отмеченное в русских диалектах на постмерянской территории (Ярославская, Ивановская, Костромская, частично Владимирская области), обусловлено наличием звука *β* вместо *b*, *v* (Ткаченко 1990: 191). Данное явление наблюдается в русских говорах, испытавших влияние вепсского языка. Наличие [б] на месте этимологического [в] отмечается в начале слова перед гласными [а], [о], [у], а также перед [е]: *бендёрка* ‘кофта из плюша, надеваемая под сарафан’ Белом., *вендёрка* ‘пальто до колен, сшитое в талию’ Муром. Влад. (Михайлова 2008: 404-408). В случае с *небесчего ~ не весть чего* мена согласных происходит перед гласным [е]. В дальнейшем редуцированная форма *небесчего < не бесть чего* деэтимологизируется и воспринимается как наречие ‘кстати, к случаю, вдобавок’: *Он добышик-то плохой, да еще небесчего испивает [выпивает?]*, как модальное слово ‘между прочим, к тому же’ (ЯОС 6: 125). В сложном предложении с противительным союзом *а* во второй части лексема приобретает значение уступительного союза: *Небесчего* ‘хоть, несмотря на то, что’ *барин, а времъ.* (Там же).

3. ЛЯ'КО

Союз *ля'ко* ‘или, либо’ отмечен в архангельских говорах: *Полпервого ля'ко к часу там будете.* Онеж. (СРГК 3: 177). Иные лексикографические источники, доступные нам, не содержат сведений об этом союзе.³

Союз *ля'ко* ‘или, либо’ соотносится с вопросительной частицей *лé-ка* ‘разве’, употребляющейся в риторическом вопросе для уверенности в противоположном ответе: *Лé-ка доцеря работница?* Медв. (СРГК 3: 108-109), ср.: в литературном языке в функции частицы *разве*, выражающей сомнение, недоверие, может выступать лексема *или*: *Или ты не знаешь об этом? Или ты решил остаться?* (ТСРЯ: 239). Совмещенная семантика разделительности и вопроса была характерна для древнерусского языка (Лавров 1941: 75).

Кроме *лé-ка* ‘разве’ в северных говорах функционируют ее лексикализованные варианты - частицы *лей*, *ляй*, *лей-ка*, *лей-кось*, *ля*, которые используются:

для побуждения к восприятию какого-либо факта ‘глянь, смотри-ка’;

для выражения побуждения к действию;

с указательным значением ‘вот’;

с усиливательным значением ‘весь, вот ведь’ (СРГК 3: 108-109).

² В говорах отмечено наречие ‘недаром, напрасно’: *Небесчево я и наговаривал ему: полно тебе, парень, брось все к черту.* Холм. Пинеж. Арх. Ворон. Шадр. Перм. Урал., модальное слово ‘между прочим, к тому же’ Нерехт. Костром.: *А я, небесчего, просил тебя подождать.* Даль (без указ. террит.) (СРНГ 20: 317).

³ Определить производящее слово, на первый взгляд, представляется затруднительным. В говорах отмечены слова, имеющие сходный фонетический облик с союзом: например, прилагательное *ля'кий* ‘распрямленный, без крутого изгиба’ в череповецких говорах (СРГК 3: 177), местоимение *лякой* ‘какой’ в калужских говорах (СРНГ 17: 273). Однако эти слова этимологически не связаны.

В исследуемых говорах также широко распространено междометие *глянь-ко* (*ка*), *гле, гле-ко(ка)*, *глей, глей-ко (ка)*, *глень, гли, глю* и т.д., выражающее приглашение посмотреть, обратить внимание на что-нибудь ‘глядя, смотри’ (СРГК 1: 344).⁴ Иными словами, в говорах Русского Севера, а также сибирских диалектах функционируют семантически тождественные лексемы с начальным *г-* и без него.⁵

Появление в русских говорах форм, не имеющих в своей фонетической структуре начального *г-*, объясняется воздействием финно-угорских языков, для которых, как пишет А.К. Матвеев, не характерно наличие групп согласных в начале слова (Матвеев 2001: 127). В служебных исконно русских словах типа *глай-ко* происходит утрата начального согласного. В дальнейшем происходит лексикализация фонетического варианта. Слово без начального *г-*, утрачивая семантические связи с *глай, глай-ко(ка)*, *глайди-кось* и т.д., приобретает иную семантику и иные синтаксические функции: выступает в роли вопросительной частицы *лé-ка* и разделительного союза *ля'ко*. Думаем, употребление данного союза является окказиональным, вместе с тем факт его появления в говорах свидетельствует о потенциальном семантическом и функциональном развитии диалектной служебной лексемы.

4. ÁЛИКО, АЛИ́КО

По нашим данным, союз *алико* не встречается ни в одном из современных и древних славянских языков за исключением северорусских и сибирских говоров. Очевидно, союз является диалектным новообразованием, появившимся в результате присоединения постпозитивной частицы *-ко* к союзу *али*.

Противительный союз *áлико* ‘но, однако’ употребляется в вологодских говорах: *Слыхала я и о Маньке, алико не слыхала, что замуж [выходит].* Выт. (СРГК 1: 18).

Условный союз *али́ко* ‘если’ бытует в новосибирских говорах: *Приду, али́ко терёзвый буду.* Мошков, Белоярка (СРГНО: 10).⁶

В исследованиях по древнерусскому языку, а также в исторических словарях практически отсутствуют примеры употребления лексем с конечным *ко*. Исключение составляют единичные иллюстрации (3) из новгородских берестяных грамот с энклитикой *ка*: *а нуне ка посъли...*; *из ѿрмице ка въсп(и)ши ми грамътицио...*; *да молю ти ся, госъпоже ка моя,* *да посъль...* (Зализняк 2008: 46).

⁴ Отметим употребление в литературном разговорном языке частицы *глядь*, которая выражает неожиданность, внезапность (ТСРЯ: 130).

⁵ На наш взгляд, приводимые в СРГК семантически и функционально близкие слова с начальным *г-* и без него необходимо объединить в одну словарную статью и дать частеречную помету *побудительная частица*. См. также сведения СООН: 52; АОС 9: 97-102, 143-144; СВГ 4: 35, 79; СРНГ 17: 46.

⁶ Отметим, что в сибирских говорах зафиксирован союз с конечным элементом *-ка*. Так, в повести “Живи и помни” В. Распутина в речи бакенщика деда Матвея, жителя одной из деревень на Ангаре, *-ка* используется при наречии, безлично-предикативных словах и при союзе *тоже* (допускаем возможность произвольного употребления автором этой языковой единицы): *- Мне бы только два [бакена. - Е.Г.] подсобить, а те я сам поставлю. А два без напарника не взять. Один он под островом, тата-ка вода не дай бог дурная, не устоять будет. А другой, тоже-ка белый, напротив речки за деревней, где голомыска. Так ты должна помнить, где они в прошлом где стояли. А красные я один потихоньку отведу. Идти от надо-ка поманить кого, а то катер не седни-завтра с проверкой придет. Неохота-ка, чтоб хуже всех было* (Распутин 1986: 148).

В произведениях XVIII в. “просторечная” *-ка (-ко)* и “простонародная” *-тка, -ткась, -тко* употребляются при личных местоимениях, наречиях и вводных словах для выделения этих слов: *мнъ-ка, право-тка, здорова-ка* (СлРЯ XVIII в. 9: 180-181).

Как известно, в современном разговорной речи продолжает функционировать приимперативная частица *-ка*, появившаяся в русском языке сравнительно поздно.⁷ Употребление частиц *-ка, -ко* и др. *не при императиве* наблюдается только в русской диалектной речи.⁸ Данное явление характерно и для других славянских языков, в них зафиксированы *-ка, -ко, -ки* при местоимениях и наречиях, ср.: укр. *тут-ка* ‘здесь’, *нинь-ка* ‘нынче’, болг. *а́з-ка* ‘я’, *днёс-ка* ‘сегодня’, сербохорв. *тебе-ка, теби-ка, дана-ка*, словен. *dóli-ka, dólka* ‘внизу, вниз’, укр. *я́з-ко* ‘я’, н.-луж. *tamko* ‘там’ и т.п. (Фасмер 2: 147). Функция частиц, по мнению И.С. Вахроса, дейктическая: “постфикс подчеркивает соотнесенность с лицами и предметами, находящимися в том или ином отношении к говорящему лицу” (Вахрос 1984: 165). Ср. также: в пинежских говорах встречаются наречия с постпозитивными частицами *-тко, -тки, -ка, -деко* и др.: э’вока, э’водеко, э’вотко, э’ттака, *тутка, тамтка, здесятка*. Г.Я. Симина считает, что частица и ее варианты конкретизируют “общеуказательное значение корневого местоимения” (Симина 1972: 133).

По сведениям А.Б. Шапиро, в русских говорах частица *-ка* и ее варианты используются не только при местоимениях, наречиях, предикативах (*худо-ка*), различных глагольных формах (*есть(есть)-ока*), частицах, выступающих в роли главного члена предложения (*нет-ока, нету-ка*). Частица *-ка* и ее варианты встречаются преимущественно в говорах Русского Севера (А.Б. Шапиро приводит примеры из вологодских, архангельских, вятских диалектов): *Мне-ка племянник помер*. Пуд. Уж не знаю, где-ка таких стариков есть-ока ... Запою писню, и надо мне плакать-ка. ... У меня денёг нет-ока. Волог. (Шапиро 1953: 274-275). Исследователь считает, что частица указывает на желание говорящего вызвать активную реакцию слушающего на высказывание: это может быть ожидание прямого ответа на вопрос, желание узнать мнение слушающего или его отношение к высказываемому и т.п. Думается, основная функция частицы *-ка (-ко)* в диалектной речи – выделение важных в коммуникативном отношении слов. Частица употребляется и в произведениях устного народного творчества, в частности в заонежском фольклоре при преобладающем использовании формы *мне-ка* встречаются *мне-ко, мне-кова*, а также отмечены *ты-ко, ой-ко, впередь-ка* (Кузнецова, Логинов 2001: 54, 68, 93, 114, 161, 219).

Надо полагать, что в исследуемых говорах явление, характерное для славянских языков, поддерживается влиянием финно-угорского субстрата, именно поэтому частотность этих образований выше в северных говорах, чем в других. В этой связи приведем мнение О.Н. Ткаченко относительно лексем с постпозитивными частицами *-ка, -ки*, обнаруженных на постмерянской территории: *А я ему да не дамотки земли-то, а он будетки всé-ка воймовать* [просить, требовать]. Яросл. (СРНГ 5: 33). Частица в данном примере примыкает к местоимению *всé-ка* и формам будущего времени *не дамотки, будетки*.⁹ По мнению исследователя, *-ка* и *-ки* в данном случае восходят к финно-угорским усилительным частицам (типа рус. *-то, же*),

⁷ См. дискуссию о генезисе частицы в работе: Вахрос 1984. Некоторые исследователи считают, что частица связана генетически с финно-угорской частицей *-kaa*. И.С. Вахрос высказывает предположение о том, что она возникла на русской диалектной почве в XVII в. и связана по происхождению со словом *только*.

⁸ Ср. примеры из произведений XVIII в. Возможно, частицы употреблены в стилистических целях: они используются в текстах разговорного характера.

⁹ Ср. примеры А.Б. Шапиро, где частица употребляется с инфинитивом.

которые, очевидно, присутствовали и в мерянском языке, ср. фин. *-kaan* (*-kään*), *-kin* ‘и; также, тоже; даже’ (ФРС: 231) вепс., эст. *-ki* (*-gi*), мар. *-ke*, удм. *-ke*, коми *-kö*, манс. *-ki* и т.п. (Ткаченко 1985: 124, 177).

Подчеркнем, что и для славянских языков характерны подобные образования. Отличие состоит в том, что в русских говорах частица может примыкать не только к местоимениям, наречиям, императиву, но и к другим глагольным формам, безлично-предикативным словам, а также союзам.

5. КОНЬ

Союз *конь* функционирует в юго-восточных архангельских говорах.

Как условный союз ‘если’ *конь* употребляется в плесецких говорах: *Конь детей мало, так еще можно замуж выйти;*

как временной союз *конь* ‘когда’ известен в каргопольских говорах: *Конь угоняли коров-от, так все и пошли.* (СРГК 2: 417).¹⁰

В архангельских говорах функционирует наречие *конь* ‘очень’; в каргопольских говорах, кроме того, отмечено наречие со значением ‘так’; наречие *конь* ‘как, насколько’ бытует в каргопольских, плесецких, подпорожских (СРГК 2: 417), тихвинских, олонецких диалектах (СРНГ 14: 274). В пудожских говорах встречается отрицательная частица *конь*, придающая следующему за ним наречию противоположный смысл (СРГК 2: 417); это явление, характерное для данных говоров, в начале прошлого века отмечал В. Мансикка (Мансикка 1914: 170).

Приведем несколько гипотез относительно происхождения союза *конь*.

Необычная огласовка, отсутствие сведений о союзе в иных лексикографических источниках, ограниченное функционирование слова, только в говорах северного наречия, наличие параллельных форм в финно-угорских языках позволяют высказать предположение, что союз *конь* является заимствованием. В прибалтийско-финских языках со значениями, тождественными диалектному русскому союзу *конь*, ‘когда’, ‘если’, ‘как’, употребляются лексемы *kun*, *kuin*, образованные от варианта основы *ku*- (ед.ч.) и *kuin*- (мн.ч.) древнего вопросительного местоимения из финно-угорского языка-основы (Карелсон 1959: 15; Майтинская 1982: 84). В.П. Федотова отмечает, что союз *kun* (*kuin*, *kui*, *ku*) «наиболее часто употребляется в карельской разговорной речи», союз присоединяет предикативную единицу с изъяснительным, сравнительным, определительно-обстоятельственным, причинным, условным, временными значениями (Федотова 1990: 125-126). Отметим и тот факт, что в финском языке *kun* может употребляться как определительное наречие: *Voi kun olen onnellinen! Ax! Как я счастлив!* (ФРС: 275), ср.: в каргопольских, подпорожских говорах *конь* также известно как определительное наречие ‘как’: *Они у меня конь ходко пашут.* Карг. (СРГК 2: 417). При заимствовании союза, по-видимому, произошла адаптация прибалтийско-финского *u* [y] в о. Известно, что финскому [u] в русском языке часто соответствует [o]: *ложка - lusikki; торг (търг) – turku* ‘ярмарка, площадь’ (Веске 1890: 226). Подтвердим предположение примером из беломорских говоров, которым известно наречие *кόнно* ‘куда’: *Кόнно пошла-то это рано, куда,*

¹⁰ СРГК отмечает союз *конь* и с изъяснительным значением ‘как’: *Гли-ка, конь велика машина.* На наш взгляд, *конь* здесь наречие.

Journal of International Scientific Publications:
Language, Individual & Society, Volume 6, Part 2
ISSN 1313-2547, Published at: <http://www.scientific-publications.net>

про что? (СРГК 2: 415). Наречие является заимствованием, ср.: в тверских говорах карельского языка употребляется наречие *kunne* ‘куда’ (СКЯП: 121), в ливикковском диалекте - *kunna*, *kunne* (СКЯМ: 164), в вепсском языке – *kuna* (СВЯ: 245), в финском - *kunne* (ФРС: 276). В процессе освоения слова русским говором наречие, как и предыдущий союз, претерпело фонетическое изменение: рус. *o* ~ приб.-фин. *u*. Следует отметить, что фонетическое явление *u* > *o*, особенно заметное в быстрой речи, характерно для прибалтийско-финских языков (Карелсон 1959: 14).

Вторая и третья гипотезы указывают на славянское происхождение союза.

В говорах Водлозерья встречаются слова с диалектной приставкой *конь-*: *коньдородный* ‘обладающий какими-либо отрицательными качествами’, *коньцвётный* ‘слабый, болезненный’ (Михайлова 2001: 295-296). По поводу происхождения приставки существует предположение, что *конь-* появилась от отрицательной частицы, которая, в свою очередь, восходит к наречию *конь* ‘как, насколько’, ‘очень’, семантически адекватного наречию *коль*, бытующему в смежных говорах (СРГК 2: 398). Замена конечного *-л'* звуком *-н'* произошла в результате «фонетического «отталкивания» диалектного наречия *конь* от известного *коль*» (Михайлова 2001: 295-296). Союз *конь* в таком случае также восходит к наречию *коль*.

Кроме того, в говорах Русского Севера отмечены лексемы не только с корневым *к*, но и с *т*, что свидетельствует об их славянском происхождении, ср.: ‘*э́сколько* Пт., *э́тонь* ‘так, настолько, в такой степени, сколько’: *Это́нь длиненъ*. Кеноз. (СООН: 141), *тонь* ‘так, столь, настолько’: *То́нь ловко подошло платье на меня*. Пт. Выт. Крг. Лп. (СООН: 119), *конь* ‘сколь’: *Конь мало*. Пт. Крг. (СООН: 40). Материал поморских говоров, приведенный в Словаре И.С. Меркульева, дает основания высказать предположение, что *тонь* образовалось в результате стяжения *толь не*. В словаре *толь не* подается как устойчивое словосочетание ‘очень, весьма’: *Ема дефка у ней толь не красива!* (т.е. очень красивая). Умба. *Прибежала – толь мне не худо!* (т.е. очень худо было). Тетрино. *Толь она не горька* (т.е. очень горькая). Чаваньга (ЖРКП: 147). Сочетания слово *толь* с некоторыми прилагательными и наречиями обозначают качества, противоположные тем, которые ими выражены: *Вот толь велика цяшечка* (т.е. чашечка небольшая). Стрельна. *Толь мало нанесло лесу* (т.е. очень много). Поной. *Залёшки толь мало!* (т.е. много залежки). Тетрино. (Там же). Таким образом, лексема функционирует в экспрессивно окрашенных предложениях с *не* и без него, придавая высказыванию противоположный смысл, ср. примеры из СРГК с *конь* с прямым значением:

наречие ‘так, насколько’: *Цёго разнюнилась, конь упрями-то, подь цай пить*. Плес. *Они у меня конь ходко пашут*. Карг. + Подп.

наречие ‘так’: *Старухи да бабы наедятся блинов с маслом, конь сыты*. Карг.

наречие ‘очень’: *Я конь давно не бывала в Ленинграде*. Карг. *Конь крепка марля, она (жёнка) и задавилась*. Карг. «*Эта девушка конь баская*», - говорили. Плес. (СРГК 2: 417).

Однако частица *конь* может придавать следующему за ним наречию противоположный смысл: *Конь недалеко ушли кони, а значит, далеко-далеко*. Пуд. *Ушел человек, а второй говорит: «Ой, конь близко он ушел», далеко, значит*. Там же. *Oх, как ты конь коротко собираешься, одн-то я быстрей схожу*. Пуд. *Ой, насолила уху-то нынь конь мало, а это много оценъ, значит, понашему*. Там же. (СРГК 2: 417), *конь много ‘мало’*: *Ой, конь много Светланка мне дала липецков, и платья не зашить*. Карг. (СРГК 3: 242).

В СРНГ даются примеры, имеющие прямое и противоположное значение:

наречие ‘как, насколько’: *Ох, конь хорошо у вас в светлице.* Тихвин. Новг. Олон. Конь худо ‘как хорошо’ Пуд. Конь дородно ‘как нехорошо, как плохо’ Олон. (СРНГ 14: 276).

Таким образом, в говорах появились лексикализованные варианты с *к ~ т*, функционирующие с различной семантикой и в различных функциях. Можно предположить, что появление условного и временного союза *конь* – результат фонетических изменений союза *коль* (*конь* < *коль*, *коль* *не*), хотя нельзя с полной уверенностью отрицать косвенное влияние финно-угорского субстрата: следует иметь в виду наличие семантически тождественного союза *кип* и др.

6. КАЙ

В межзональных говорах северного наречия бытует условный союз *кай* ‘если’: *Кай будет сухо, так автобус будёт идти.* Чаг. (Там же).

В этих же говорах встречается пояснительный союз *кай*: *У лежсанки стою, кай у кровати.* Чаг. (СРГК 2: 314). Составители словаря считают, что это разделительный союз ‘или’, однако контекст не позволяет согласиться с этой характеристикой.

В тех же чагодощенских говорах употребляются омонимы, этимологически связанные с союзом. Местоимение в значении вопросительной частицы, которое используется для усиления вопроса в начале предложения: *Кай и у вас так было? Кай зыбыто у меня, ди?* (Там же).

Вопросительная частица ‘неужели’: *Ой, онна бегает, кай никого нету с ей? Кай утонул взаболь?* *Кай никогда не пьет?* (Там же).

Модальное слово ‘может быть, наверно’: *Лежит серое, кай хвоя заморённая. Кай вси зникнулись в саже* (Там же).¹¹

Относительно происхождения омокомплекса *кай* можно высказать две гипотезы.

Лексемы, возможно, имеют параллели в прибалтийско-финских языках, ср.: функции и семантика севернорусских и прибалтийско-финских слов частично совпадают, см. фин. *kai* ‘наверное, пожалуй’ (ФРС: 185); кар. ливв. частица *kai* ‘даже, и’ (СКЯМ: 117). Условный и пояснительный союзы в таком случае восходят к модальному слову или к вопросительной частице.

Кай этимологически связан с местоимением *кой*, ср.: в череповецких говорах используются лексемы *кай* и *кой* в выражении, которое представляет собой восклицание удивления или недоумения: *кай нож, кай усов*¹² (СРНГ 12: 323); *кой нож, кой усов!* (СРНГ 14: 83), ср. также: бранное восклицание, например, при ссоре *кóи жёлви*,¹³ *кóи усови* ‘чего еще надо? какого

¹¹ Кроме того, в говорах встречаются следующие лексемы. 1. Наречие *кай* ‘удобно, хорошо’. Медв. КАССР (СРНГ 12: 323). 2. Наречие *каё* ‘где, куда, отчего, пока и пр.’. Ряз., Калуж., Курск. (СРНГ 12: 303). 3. Модальное слово *кайбыть* ‘к счастью, кстати’. Тобол. (СРНГ 12: 324). Их этимологическая связь с союзом *кай* вызывает у нас сомнения. Отметим также, что *кай* употребляется в сочетаниях *кай быть* ‘как быть’ Иркутск., *кай-бы́дь* ‘как следует, хорошо’. Колым. *Якут*. *кай-бы́дь* ‘изрядно, как следует’ Колым. *Якут*. (СРНГ 12: 323).

¹² Ср.: *усови, усови к усёвий* ‘резкая колющая боль, колики’. Брейт. Пошех. (ЯОС 10: 20).

¹³ В древнерусском языке употреблялись *желвъ*, *желвакъ* ‘желвак, опухоль; шишка’, *желвачокъ*, *(ж)олвачокъ* – уменьшительное к *желвак*; *желва* (*жолва*), *желвъ* ‘черепаха’, *желвъ* ‘еж’ (СлРЯ XI-XVII вв. 5: 81).

черта?’ Карг. Олон. и *кой жолви!* ‘что за шутка!’ Олон. (СРНГ 14: 83). Мена о // а в лексемах *кой* - *кай*, возможно, объясняется тем, что в говорах кроме форм муж. и ср. рода местоимения употребляется и форма жен. рода - *кая*, например: *Эту птицу откупает Он не той-то казною, Кая по земле в расходе.* Олон. *Погляжу с личка...кая девица хороша.* Арх. (СРНГ 14: 82). Определительное и вопросительное местоимение в форме жен. р. *кáя* зафиксировано и в межзональных севернорусских говорах, то есть там же, где отмечен союз *кáй*. Но в выражении *кай нож, кай усов* местоимение и существительные не согласуются в роде, поэтому можно предположить, что чередование гласных о // а не имеет отношения к корреляции местоимений по роду и является собственно фонетическим явлением, а не морфонологическим. Важным представляется тот факт, что в номинативной лексике финно-угорского происхождения, функционирующей в говорах Русского Севера, наблюдается то же чередование, например: *кóйбенки – кáйбенки* ‘рукавицы из кóйбы – оленьей шкуры, шерстью наружу’ (СРНГ 12: 323, 14: 83), ср.: фин. *koipi* ‘шкурка с оленых или с коровьих ног’ (ФРС: 246). Следовательно, и в служебной лексике возможна мена о // a, что объясняется влиянием фонетической системы финно-угорского субстрата. Ср.: в диалектах карельского языка встречаются слова с аффиксальной частицей *-kajo* ‘-нибудь’, которая восходит к русской *-кое* (Гилоева 2003: 14). Но, подчеркнем, в севернорусских говорах союз *кой* (*кое* и др.) с условным и пояснительным значениями не отмечен; он употребляется как повторяющийся в разделительных конструкциях и одиночный – в сравнительных (СРНГ 146 47-48, 81-83; СРГК 2: 384-385, 388; ЖРКП: 60; СВГ 3: 75; НОС 4: 73).

В исторических, этимологических, иных диалектных словарях слово *кай* в этих функциях не зафиксировано. Вероятно, лексема является локально функционирующим диалектным образованием.

7. КÉНЖА

Временной союз *кéнжса* ‘когда’ употребляется в медвежьегорских говорах: *Кéнжса люди пришли, строить начали, всё вырубали* (СРГК 2: 339). СРГК дает лишь одну иллюстрацию употребления союза, в иных лексикографических источниках союз не зафиксирован: он не отмечен в других говорах, не известен древнерусскому языку.

Обращает на себя внимание нетипичный для русского языка фонетический облик слова. В прибалтийско-финских языках в различных огласовках функционируют близкие по звучанию временные союзы и наречия. Наречие, как и частица, в финно-угорских языках является переходной стадией на пути формирования союза от знаменательных частей речи (Майтинская 1982: 92).

Прибалтийско-финские союзы, созвучные севернорусскому диалектному *кéнжса*, образованы через стадию наречия от варианта основы *ko-* древнего вопросительного местоимения, имевшегося в финно-угорском (уральском) языке-основе: фин. (устар.) *konsa*, кар., вепс. *konz*, иж. *kons* (Майтинская 1982: 94), кар. *konža*, вепс. иж. *konZ* (Основы 1975: 106). По данным В.П. Федотовой, в карельском языке союзное слово *kons*, *konša*, *konzu*, *koz* ‘когда’ употребляется в придаточном времени (Федотова 1990: 129). В ливвиковском диалекте карельского языка встречаются наречие *konzu* ‘когда, в какое время’ и союз *konzu* ‘когда, как только’ (СКЯМ: 152). В тверских говорах карельского языка функционируют наречие *konža* ‘когда’ и союз *konža* ‘когда, как только’ (СКЯП: 112). В отличие от приведенных выше прибалтийско-финских слов в корне водского временного союза содержится ‘э - *kens* ‘когда’. В водском языке наблюдается

процесс перехода *o* > 'э в первом слоге лексем, ср.: вод. *eta* 'свой', фин. – *ota*; вод. *ella* 'быть', фин. – *olla* (Основы 1975: 47, 94). Иными словами, в финно-угорских словах возможна мена *o* // 'э. О влиянии водского языка на медвежьегорский говор с полной уверенностью говорить нельзя, поскольку территориально они значительно удалены друг от друга. Можно предположить, что диалектный союз *кéнжса* был заимствован из карельских диалектов. Необходимы дальнейшие разыскания.¹⁴

8. ПО

В костромских говорах в середине XIX в. отмечен соединительный союз *по*, употребляющийся в выражении, которое звучит как приветствие во время обеда *елусь по елусь* 'хлеб да соль'. Солигал. (СРНГ 8: 349). О.Б. Ткаченко считает, что русский диалектный союз *по* восходит к мерянскому соединительному союзу *ra 'и'. Приветствие, в котором употребляется союз *по*, примерно переводится как «пусть будет и пусть будет (у тебя еда-питье)» (Ткаченко 1985: 129]. В русских говорах вследствие деэтимологизации сочетание *елусь по елусь*, в котором сохранился иноязычный союз, по сравнению с финно-угорским выражением приобрело более конкретное значение 'хлеб да соль'.

9. ВЫВОДЫ

В говорах Русского Севера функционируют союзы, отражающие влияние языков финно-угорской семьи. В результате фонетических изменений, происходящих в начале и середине слова (мены гласных и согласных звуков, упрощения групп согласных), в русских говорах появились лексемы *лέво*, *небесчего* (*нёбещего*), *ляко*. В меньшей степени субстратное воздействие проявляется на словообразовательном и лексическом уровнях. *А'лико* (*алико*) возник в результате присоединения постпозитивной частицы *-ко* к союзу *али*: явление, характерное для славянских языков, поддерживается влиянием финно-угорских языков. Союзы *кай*, *конь* < *kip*, *кéнжса*, *по*, возможно, являются заимствованиями.

БИБЛИОГРАФИЯ

Bauer Jaroslav (1972): *Syntactica slavica*, Brno.

Бакланова И.И. (2009): Функционирование союзов *да*, *и* в русских говорах Пермского края и коми-пермяцкой разговорной речи. Живая речь Пермского края в синхронии и диахронии, вып. 3, Пермь, с. 20-28.

¹⁴ В пудожских говорах зафиксированы лексемы *кенжса* 'высокое место в лесу', *кент* 'небольшой лес', которые, возможно, входят в гнездо *кенда* 'песчаный возвышенный озерный берег; возвышенное, поросшее травой место на болоте; бор на песчаном сухом месте; высокий берег острова' в олонецких говорах, связанное по происхождению с прибалтийско-финскими языками, ср.: ск. *kenttä*, *kentti* 'лужайка на ровном сухом месте; песчаное место на берегу реки', *kenttä* 'неплодородный участок земли; ягельник', ливв. *kentti* 'сухая ровная лужайка или песчаное место на берегу реки', *kenti*, *kentti* 'место, заросшее белоусом', вепс. *kend*, *kendäk* 'берег реки или озера, край болота' и т.д. (Мамонтова, Муллонен 1991: 38). Ср. пример из СРГК: Кéнжса люди пришли, строить начали, всё вырубали (СРГК 2: 339), а также пример на наречие *кéнда* 'когда-то': Кéнда здекава леса были, сосна была (Там же). В обеих иллюстрациях речь идет о лесе, поэтому можно предположить, что *кенжса*, *кенда* относятся к категории существительного, а не к наречию и союзу.

Journal of International Scientific Publications:
Language, Individual & Society, Volume 6, Part 2
ISSN 1313-2547, Published at: <http://www.scientific-publications.net>

- Вахрос И.С. (1984): Происхождение приимперативной частицы *-ка*. *Studia Slavica Finlandensia*, т. 1, Helsinki, с. 165-178.
- Веске М.П. (1890): Славяно-финские культурные отношения по данным языка. *Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете*, т. 8, вып.1, Казань.
- Гилоева Н.М. (2003): Вопросительные, неопределенные и обобщительно-определительные местоимения в диалектах карельского языка, Петрозаводск.
- Зализняк А.А. (2008): Древнерусские энклитики, Москва.
- Карелсон Р. (1959): Союзы в прибалтийско-финских языках, Тарту.
- Кузнецова В.П., Логинов К.К. (2001): Русская свадьба Заонежья: конец XIX – начало XX вв., Петрозаводск.
- Лавров Б.В. (1941): Условные и уступительные предложения в древнерусском языке, Москва, Ленинград.
- Лейонен М. (2000): Параллели северорусских слов *да* / *дак* на Европейском Севере. Коренные этносы Севера европейской части России на пороге нового тысячелетия: история, современность, перспективы, Сыктывкар, с. 471-473.
- Майтинская К.Е. (1982): Служебные слова в финно-угорских языках, Москва.
- Мамонтова Н.Н., Муллонен И.И. (1991): Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии, Петрозаводск.
- Мансикка В. (1914): О говоре северо-восточной части Пудожского уезда. *Известия ОРЯС АН*, т. XIX, кн. 4, с. 168-169.
- Матвеев А.К. (2001): Субстратная топонимия Русского Севера, ч. 1, Екатеринбург.
- Михайлова Л.П. (2001): Живое водлозерское слово. Национальный парк «Водлозерский»: природное разнообразие и культурное наследие, Петрозаводск, с. 295-296.
- Михайлова Л.П. (2008): Лексикализация несистемных фонетических явлений в русских говорах (мена *б* ~ *в*). Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования), 2008, Санкт-Петербург, с. 404-408.
- Основы (1975): Основы финно-угорского языкознания: прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки, Москва.
- Преображенская М.Н. (1985): Служебное слово *дак* в северорусских говорах. Восточные славяне. Языки. История. Культура. К 85-летию акад. В.И. Борковского, Москва.
- Распутин В.Г. (1986): Живи и помни, Таллин.
- Симина Г.Я. (1972): Особенности системы указательных слов в северорусских говорах. Вопросы изучения лексики русских народных говоров. Диалектная лексика, 1971, Ленинград, с. 127-137.
- Ткаченко О.Б. (1985): Мерянский язык, Киев.
- Ткаченко О.Б. (1990): Проблема реконструкции мерянского языка. Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов, т. 2, Москва, с. 190-192.

Федотова В.П. (1990): Очерк синтаксиса карельского языка, Петрозаводск.

Шапиро А.Б. (1953): Очерки по синтаксису русских народных говоров: строение предложения, Москва.

СЛОВАРИ И КАРТОТЕКИ

АОС – Архангельский областной словарь, вып. 1-, Москва, 1980-.

ЖРКП - Меркуьев Н.С. Живая речь кольских поморов, Мурманск, 1979.

КСРГК – Картотека Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей (часть, хранящаяся в Карельской государственной педагогической академии).

НОС – Новгородский областной словарь, вып. 1-13, Новгород, 1992-2000.

СВГ – Словарь вологодских говоров, вып. 1-12, Вологда, 1983-2007.

СВЯ - Зайцева М.И., Муллонен М.И. Словарь вепсского языка, Ленинград, 1972.

СКЯМ - Словарь карельского языка. (Ливвиковский диалект), Петрозаводск, 1990.

СКЯП – Словарь карельского языка. (Тверские говоры), Петрозаводск, 1994.

СлРЯ XI-XVII вв. - Словарь русского языка XI-XVII вв., вып. 1-, Москва, 1997.

СлРЯ XVIII в. – Словарь русского языка XVIII в., вып. 1-, Санкт-Петербург, 1984-.

СООН - Куликовский Г. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении, Санкт-Петербург, 1898.

СРГК - Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей, вып. 1-6, Санкт-Петербург, 1994-2005.

СРГНО – Словарь русских говоров Новосибирской области, Новосибирск, 1979.

СРНГ - Словарь русских народных говоров, вып. 1-, Москва, Ленинград, Санкт-Петербург, 1965-.

ТСРЯ – Ожегов С.П. Толковый словарь русского языка, Москва, 1995.

Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, т.1-4, Москва, 1964-1973.

ФРС – Финско-русский словарь, Москва, 1977.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд, вып. 1-, Москва, 1974-.

ЯОС – Ярославский областной словарь, вып. 1-10, Ярославль, 1981-1991.

HISTORY OF THE PROFESSIONALLY ORIENTED TRANSLATION

Nataliya Nikolaevna Gavrilenko

Peoples' Friendship University of Russia, 6, Mikluho-Maklaya st. , 117198, Moscow, Russian Federation. E-mail: nngavrilenko@narod.ru

Abstract

Special translation has come a long way of development. In the history the first mentioned above are the translations of literary and administrative texts. It is also noted that oral interpretation preceded the written translation in history. The information that reached us about the centres of translation of scientific and technical texts relate mainly to the Roman Empire. In Middle Ages the antique writings in the field of science and technology came to Western Europe through the Arabic translations of Wisdom school and Toledo school. The translations of antique writings came to Russia from Byzantium.

Key words: *special translation in Ancient Greece and Rome, Arab school of Wisdom, the school of translations in Toledo, special translation in Middle Ages in France and in Russia*

1. ВВЕДЕНИЕ

Современному состоянию профессионально ориентированного перевода предшествовал длительный путь исторического развития, тесно связанный с развитием языка, культуры и науки в целом. На каждом историческом этапе к переводу предъявлялись различные требования. В.Н. Комиссаров отмечает, что “различные формы культурной детерминированности переводческой деятельности составляют своеобразную конвенциональную норму перевода - совокупность требований, предъявляемых обществом к переводам на определенном этапе истории” (Комиссаров, 1999б: С. 69.) К вопросам истории развития переводческой деятельности на протяжении целого столетия обращались многие исследователи как в России, так и за рубежом. Однако все эти исследования касаются, в основном, истории развития перевода библии, литературного перевода, в то время как история профессионально ориентированного перевода остается малоисследованным объектом.

Стремление наиболее полно раскрыть понятие профессионально ориентированного перевода вызвало необходимость анализа отечественных и зарубежных исследований в области истории развития языка, науки и техники, культурологии и переводоведения. Проведенный анализ позволил выделить и описать основные, определяющие этапы становления рассматриваемого типа перевода. В данной статье будут представлены этапы становления профессионально ориентированного перевода в Древней Греции, Римской Империи, арабской Школе мудрости, Школе Толедо и XV-XVII веках в России и во Франции.

2. ПЕРЕВОД НАУЧНЫХ И ТЕХНИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ В АНТИЧНОСТИ

Развитие данного типа перевода тесно связано с развитием науки и техники. Однако сведений о началах науки и техники в древних цивилизациях относительно мало и они разрозненны. Значительно больше таких сведений имеется о развитии науки и техники в Древней Греции и Древнем Риме. «Греческая цивилизация, сменившая на исторической сцене Египет и Вавилон,

является яркой и удивительной страницей в истории человечества. Греки восприняли накопленные до них знания, и с тех пор летопись становления и развития науки не прерывалась» (Кириллин, 1989: С. 14). Эти слова, написанные о развитии науки и техники, с полным правом могут быть отнесены и к истории развития профессионально ориентированного перевода.

2.1. Перевод научных и технических текстов в Древней Греции.

Первыми в истории упоминаются переводы литературных и административных текстов, отмечается также, что устный перевод предшествовал письменному. Самое древнее свидетельство использования устного перевода найдено в Асуане (Assouan), в расшифрованных надписях говорится, что с 3000 года до н.э. богатые египтяне располагали личными переводчиками. Билингвизм этого приграничного района, где рядом существовали нубийцы и греки, способствовал появлению первых переводчиков, о которых история сохранила следы. Греческий историк Геродот (около 484-425 г. до н.э.) не раз упоминает об этом, подчеркивая, что переводчики образовывали независимую касту. Начиная с IX века до н.э. в древнем Карфагене, где рядом жили представители почти 60 национальностей, существовала переводческая каста. Членов этой касты отличали бритые головы, татуировки, на которых был изображен попугай с опущенными (если переводчик знал один язык) или с расправленаими (если он знал несколько языков) крыльями. Сохранились свидетельства о наличии словарей как толковых, с определениями, синонимами, так и многоязычных.

О существовании письменного перевода свидетельствует история, записанная на найденном папирусе (2640-2040 г. до н.э.). В ней рассказывается о молодом скрибе (писце), которому было поручено перевести на греческий язык египетскую книгу, рассказывающую о чудесах Имхотепа (Imhotep), которого приравнивали к богу медицины. Но скриб был ленивым и его перевод продвигался очень медленно. Тогда недовольный Имхотеп наслал на переводчика болезнь и явился ему во сне с книгой в руках. Правильно поняв это ясное послание, скриб быстро закончил перевод и вылечился (Hoof van: 1991).

Тем не менее, переводческая деятельность в области науки и техники в Древней Греции была развита слабо, так как греки, уверенные в собственном превосходстве, полагали, что это иностранцы должны изучать греческий язык.

2.2. Перевод научных и технических текстов в Древнем Риме.

Дошедшие до нас сведения о центрах по переводу научных и технических текстов относятся в основном к Римской империи. Римляне, как и греки, не испытывали большой потребности в изучении иностранных языков. Однако Римская империя была фактически двуязычным государством, и знание греческого языка являлось неотъемлемой частью интеллектуального багажа образованного римлянина. Жители Рима легко понимали греческий язык, но иногда чувство собственного достоинства не позволяло им изъясняться на этом языке. Поэтому аудиенции греческих послов в римском Сенате требовали обязательного присутствия переводчика для перевода ответов с латинского языка.

В эпоху Римской империи появляются первые подписанные литературные переводы: так греческий раб Ливий Андроник в 240 году до н.э. перевел на латинский язык «Одиссею». Ливий Андроник был привезен из греческого города рабом в Рим. Здесь он занимался переводом на латинский язык греческих трагедий и комедий (Ballard: 1992).

Появление в империи переводов в области науки и техники связано с дилеммой, вставшей перед Римом: изучать философское и научное наследие на греческом языке или воспользоваться им, переведя его на латынь. Рим выбрал второй путь, и в столицу хлынули многочисленные греческие ученые империи, привозя с собой целые библиотеки. В большой библиотеке, основанной Августом (Август - Цезарь Август - Римский император с 27 г. до н.э. по 14 г. до н.э.), латинский и греческий разделы имели одинаковое значение.

Таким образом, были подготовлены условия для развития переводческой деятельности не только в административной, политической и литературной областях, но и в области науки. В этот период в большом количестве переводятся научные труды: так в 146 году до н.э. Римский Сенат приказал жителю Карфагена Магону перевести книгу, посвященную сельскому хозяйству; Цицерон перевел дидактическую поэму астронома Аратоса “Небесные явления”; врач Аурелиан (Caelius Aurelianus - II век) перевел на латинский язык греческие трактаты “Острые и хронические заболевания” и “Женские болезни” и др. (Hoof van: 1991).

Интересно отметить, что, если в греческом языке для обозначения слова “переводить” существовало одно слово “*hermeneuein*”, имевшее также значение “объяснить”, то римляне обладали уже целым рядом синонимов для его обозначения: *verto*, *converto*, *transverto*, *imitare*, *reddere*, *translatare*.

Следует также отметить, что, если при переводе Библии переводчики стремились к дословному переводу, так как малейшая неточность могла повлечь за собой тяжкое наказание, то переводчики научных текстов старались передать основной смысл, отдавая предпочтение “вольному” переводу.

2.3. *Распад Римской Империи.*

В 395 году Феодосий Великий разделил Римскую Империю между двумя своими сыновьями. Вскоре Римская Империя столкнулась с религиозными конфликтами, которые способствовали легким победам арабов. На завоеванных территориях арабы стали преемниками драгоценного наследия Античности. Процесс развития на Западе и на Востоке стал приобретать различные формы. Постепенно наметилось разделение христианства на два направления: восточное (православие) и западное, символом которого стал католицизм. «С распадом Римской империи на Восточную (Византия) и Западную (Рим) начинается новый по сравнению с древним средневековым цикл европейской переводческой традиции, действующей в двух направлениях – соответственно в направлении Юго-Восточной Европы и в направлении Западной и Центральной Европы [...] Вот почему в зоне действия европейской цивилизации до сих пор отчетливо различаются два направления европейской переводческой традиции – западно- и восточноевропейское, несмотря на чрезвычайно активное их взаимодействие» (Копанев, Беер, 1986: С. 35).

3. ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ШКОЛА В БАГДАДЕ

В средние века античные труды в области науки и техники пришли в Западную Европу через арабские переводы. Историческим центром по переводу научных текстов стал **Багдад**. В девятом веке мир ислама достиг своего наивысшего расцвета в области науки и культуры, важной составляющей которого явилось развитие переводческой деятельности. С приходом эпохи аббасидов стало возможным говорить о школе по переводу научных текстов (перевод текстов имел такой размах в течение всего IX века, что можно говорить о Багдадской школе,

хотя арабские историки предпочтывают говорить о “команде” или “группе” переводчиков). В эпоху аббасидов исследователи обычно выделяют три последовательных периода: с 753 по 813 г., с 813 по 833 г. и с 919 г. до конца десятого века.

Наиболее значимым для перевода научных и технических текстов был второй период. В этот период в 830 г. халифом Аль-Ма’муном была создана Багдадская школа по переводу философских и научных трудов Греции на основе библиотеки Bayt al-Hikma (“Дом мудрости/знаний”). Отличительной чертой этой школы являлась узкая специализация: переводчик переводил в той области, в которой был специалистом (медицина, астрономия, математика и т.д.). Переводчики стремились образовать касту, представители которой кроме арабского знали сирийский и греческий. Профессия переводчика часто передавалась от отца к сыну.

Наиболее заметной фигурой среди них был врач, философ, лингвист и переводчик Hunayn ibn Ishaq (Хунаин ибн Исхак) (809-875 г.), известный в Средневековье под латинским именем Johannitus. Великолепное качество переводов Хунаин ибн Исхака историографы часто объясняют его высокой компетентностью в области медицины. Переведенные школой Хунаин ибн Исхака тексты относились в основном к следующим областям знаний: философия, наука и медицина. Французская исследовательница Мириам Салама-Карр дает впечатляющий список этих трудов: Аристотель, Платон, Порфирий, Евклид, Птолемей, Гиппократ, и др. (Salama-Carr: 1990 - диссертация 3-го цикла обучения в Высшей школе устного и письменного перевода в Париже (ESIT) была защищена в 1982 г. в рамках направления “Наука устного и письменного перевода” и называлась “Школа Хунаин ибн Исхака и ее значение при передаче греческих знаний на Запад”.).

Наибольший интерес у арабов вызывали труды по медицине и философии, а также по астрономии, о чем свидетельствуют контакты, которые мусульмане поддерживали с Индией, страной, с которой они имели продолжительные торговые отношения. Выбор текстов для перевода зависел как от государственных интересов, так и во многом от личных интересов халифов и влиятельных придворных лиц. Именно так, по всей видимости, халиф аль-Мансур, увлекающийся астрономией, приял к власти в 753 г., получил индийские манускрипты по излюбленной теме и заставил их перевести.

Арабские историки описывают, что переводчики получали поддержку от меценатов и халифов в виде щедрых вознаграждений или даже “зарплат”. Признанные переводчики того времени получали около 500 динар в месяц. Например, халиф аль-Ма’мун платил Хунаину золотом. История повествует, что когда Хунаин переводил медицинские тексты, халиф выплачивал ему золотой эквивалент, равный весу переведенных манускриптов. Переводчик значительно обогатился, переписывая свои переводы на очень тяжелую бумагу.

Являясь распространителями знаний, переводчики занимались также поиском манускриптов. История изобилует примерами, когда заказчики и переводчики прилагали огромные усилия, чтобы достать греческие научные манускрипты и доказать их аутентичность. Количество переводов научных текстов в “Доме мудрости” позволяет провести параллель с соотношением, которое существует сегодня между переводом научно-технических и художественных текстов. Если так называемые художественные переводы пользовались большим распространением, чем научные, потому что они были адресованы более широкому кругу читателей, то переводы научных текстов были не менее многочисленными, хотя распространялись в меньшем количестве и в более узком кругу специалистов.

Journal of International Scientific Publications:
Language, Individual & Society, Volume 6, Part 2
ISSN 1313-2547, Published at: <http://www.scientific-publications.net>

Следует отметить, что арабские переводы предназначались не только высокообразованной части населения. Конечно, чаще всего переводы делались для заказчика (мецената, ученого или халифа), но они также имели и дидактическую направленность. Например, врач-переводчик Хунаин часто делал переводы в области медицины для своих учеников, призывая их уделять особое внимание ясности и понятности своих переводов.

Перевод осуществлялся следующим образом: издатель заказывал текст признанному переводчику, часто последний, если имел слишком много работы, передавал текст менее компетентному переводчику. В связи с этим первая версия, сделанная редактором или “негром”, несколько раз тщательно правилась “официальным” переводчиком. Затем издатель передавал вторую версию писателю для работы над стилем. То же самое происходило и с работами переводчиков-специалистов. Их работу просматривал “официальный” переводчик и/или писатель.

Некоторые переводчики IX века использовали дословный перевод, когда слово являлось единицей перевода. В этом случае, анализировался смысл каждого греческого слова, находился и записывался его эквивалент, затем переходили к следующему слову. У истоков второго способа перевода стоял Хунаин ибн Исхак: фраза читалась целиком, понимался смысл, а затем переводчик излагал понятый смысл, не заботясь о значении отдельно взятых слов. Поэтому переводы Хунаина, как правило, не нуждались в исправлении, за исключением тех случаев, когда области не являлись его специальностью, как, например, математика.

Переводчики, верные средневековой традиции, сопровождали свои переводы комментариями, резюме и объяснительными текстами, которые несли новые знания, побуждали к обсуждению. Этот личный вклад свидетельствовал не только о желании сделать переведенный текст более понятным, но и о желании дополнить его, давая ответы на поставленные вопросы.

Творчество при переводе научных текстов проявлялось и в терминологическом плане. Первые арабские переводчики часто прибегали к транслитерации, с одной стороны, потому, что они недостаточно владели арабским языком, с другой - потому, что в этом языке еще не была сформирована философская и научная лексика. Во время пересмотра этих переводов в следующем веке термины-транслитерации были заменены неологизмами, более соответствующими морфологическим структурам арабского языка.

Можно сказать, что Хунаин ибн Исхак и его школа заложили основы научно-технического словаря, создавая новые термины или придавая специфическое значение существовавшим, но не использовавшимся в научном языке, терминам.

Таким образом, мы видим, что в Средневековые переводы являлся творчеством, так как он способствовал становлению основ целой системы арабо-мусульманской науки, как в плане концептуальных инструментов, так и в плане обогащения арабского языка.

Чтобы закончить этот раздел, добавим, что “Дом мудрости” послужил толчком к усвоению арабами китайского, индийского, персидского и особенно греческого наследия. Эта интенсивная переводческая деятельность продолжалась во всей арабской империи вплоть до ее падения в XIII-ом веке. Только благодаря ей, “впечатляющее количество научных и философских греческих трудов было переведено на арабский и [...] это наследие античной Греции было ассимилировано и внедрено в арабо-мусульманскую цивилизацию, чтобы стать составной частью ее фундамента” (Salama-Carr, 1990: Р. 31). Переведенные труды послужили переводчикам и ученым первичным сырьем, на основе которого они развивали собственные исследования, чтобы затем передать их, в свою очередь, западному миру. Этот новый этап

передачи человеческих знаний от одной культуры другой проходил в Испании в XII и XIII веках. Столица перевода переместилась из Багдада в Толедо.

4. ШКОЛА ПЕРЕВОДЧИКОВ В ТОЛЕДО

Толедо сменил город Корду (халифат Корду пал в 1031 г.), который являлся главным культурным центром Ислама. В его библиотеках были собраны не только оригинальные труды арабских ученых, но и многочисленные переводы с греческого языка на арабский. Падение господства Мавров в Испании сделало доступными эти библиотеки христианскому миру и послужило толчком к уникальному явлению в истории человечества и важнейшему для истории перевода: Толедо как магнит стал притягивать ученых со всех уголков Европы.

Работы Школы Толедо, так обычно называют переводы, сделанные в Испании в районах городов Толедо, Барселона и Таррагона в XII и XIII веках, представляют собой основные вехи в передаче философских и научных знаний в Средневековье. Опираясь на философские и научные труды греко-арабского наследия (работы в области медицины, астрономии и астрологии занимают привилегированное место), эти переводы делались в основном с арабского языка на латынь в XII-ом веке и с арабского языка на вульгарный испанский - в XIII-ом веке. Они оказали огромное влияние на развитие научной мысли в Западной Европе, значительно расширив понимание Мира, и дав возможность приобщиться к арабскому исчислению и алгебре, открыть систему мира Птолемея и познакомиться с медицинской мыслью греко-арабского мира.

Перевод научных трудов с арабского языка на латинский начался в середине X века. В это время на севере Испании создавались длинные рефераты восточных научных трудов, в которых не указывалось ни имени автора, ни имени переводчика. Только начиная с XII века, в Толедо начинается серьезная, систематизированная и авторская переводческая работа.

В 1135 году епископ Раймонд, возглавлявший церковь в Толедо с 1125 по 1152 г., основал Колледж переводчиков, настоящую школу, где велись занятия, и где более полутора столетий итальянцы, французы, англичане, евреи, фламандцы рядом с испанцами занимались переводами под покровительством церкви.

Перед переводчиками стояла сложная задача: изложить на латинском языке обильный материал, чтобы использовать эти научные достижения и передать их новым поколениям. Часто переводчик сам отправлялся на поиск этих манускриптов. Некоторые переводчики покидали родные страны и отправлялись искать "Альмагест" Птолемея, как итальянец Герардо из Кремоны (1114-1187 г.), шотландец Скот (1175-1234 г.), англичанин Ателард из Бата (?-1130 г.). Возвращаясь в свою страну, они преподавали своим ученикам то, что узнавали во время путешествий. Сделанные переводы, безусловно, способствовали обмену и распространению знаний, но это был обмен знаниями, в основном, среди специалистов, так как в обществе-получателе лишь ограниченное количество грамотных людей имели доступ к научным трудам.

Переводчики XII века представляли собой не однородную группу, вдохновляемую каким-либо сувереном, как было в XIII веке при правлении Альфонса X (1221-1284 г.), а были своего рода представителями грамотных латинян, в большинстве своем членов католической церкви.

Способ передачи знаний в эту эпоху основывался на цитировании и комментариях. При переводе научных текстов использовались формальные трансформации, направленные на создание текстов, соответствующих нормам латинского языка, опускались абзацы, касающиеся

Journal of International Scientific Publications:
Language, Individual & Society, Volume 6, Part 2
ISSN 1313-2547, Published at: <http://www.scientific-publications.net>

исторических и географических реалий арабского мира. Массовое использование транслитераций (техника, которая способствовала появлению большого количества незнакомых и непонятных слов в латинском языке), частое использование семантических заимствований (способ, с помощью которого определенное научное значение присваивалось слову, существовавшему в языке перевода) и присутствие сокращений (которые ни один сборник не помогал расшифровать), указывает на то, что переводчик не заботился о ясности изложения, а видел в своей деятельности скорее средство расширить свои собственные познания, чем поделиться ими с другими.

Наиболее значимыми фигурами в области перевода научных и технических текстов являются Хуан из Севильи, Доминикус Гундисальви и Херардо из Кремона. Хуан из Севильи перевел персидские книги по математике и астрономии, благодаря которым на Иберийском полуострове были окончательно введены арабские цифры. Доминикус Гундисальви перевел “Метафизику” Авиценны и “Источник жизни” (Fons Vitae) испанского философа Авицеброна (Garcia Yebra, 1983: Р. 311). Херардо из Кремона приехал в Толедо в 1167 г., мечтая познакомиться с трудом Птолемея “Almageste”. Законченный им в 1175 г. перевод является своего рода трактатом по астрономии и компиляцией математических знаний Античности. Переводы Херардо из Кремона, которых насчитывается 74, относятся, в основном, к областям математики, физики, астрономии, алхимии, медицины.

В XIII веке принятие испанского языка как языка перевода и требование ясности переводимых текстов такого мецената как Альфонс X, для которого тексты, по его собственным словам, должны быть *llanos de entender* (легко понятными), является доказательством стремления не ограничивать переведенные знания узким кругом специалистов. С улучшением условий деятельности переводчиков (появление помощников у основного переводчика) растет забота о распространении знаний, в предисловиях к переведенным научным трудам часто стало указываться на важность текста на вульгарном языке для *omnes entendudos*, то есть для грамотных. В это время велась значительная работа по определению и созданию лексикографии.

Школа Толедо соединила в себе культуру двух различных сообществ (христианский и мусульманский миры). Отставание в области культуры и науки Западной Европы от арабского мира не могло не повлечь за собой ту жажду знаний, которая объясняет, почему столько блестящих умов предпочли посвятить себя переводу, а не научным исследованиям. Они, таким образом, становились гарантом передачи знаний Античного мира и осознавали всю значимость своей миссии.

5. ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПЕРЕВОД В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

5.1. Профессионально ориентированный перевод во Франции.

До XV века переводческая деятельность во **Франции** была еще слабо развита. Появившиеся в XIII веке первые французские университеты (в Монпелье, в Париже) были не в состоянии собрать крупные библиотеки, так как научные манускрипты стоили дорого и были малочисленны. Это являлось препятствием для научного прогресса и, соответственно, для развития переводческой деятельности. Только в период правления короля Карла V (1338–1380 г.), который собрал в башне Лувра около тысячи манускриптов и создал королевскую библиотеку, были приглашены учёные для перевода наиболее выдающихся научных и философских трудов Античности. Перевод на французский язык делался с латинских версий.

Journal of International Scientific Publications:
Language, Individual & Society, Volume 6, Part 2
ISSN 1313-2547, Published at: <http://www.scientific-publications.net>

Карл V настаивал на четкости, разборчивости и легкости понимания текстов перевода (Калинин, 1999: С. 154). Отсутствие многих терминов во французском языке вызвало необходимость создавать новые слова. Никола Орем (1330–1380 г.) в предисловии к своему переводу одного из трудов Аристотеля провозгласил за переводчиком право создавать научные и технические термины (Hoof van, 1991: Р. 26).

К сожалению, начинания Карла V остались без продолжения, и до конца правления Людовика XII роль переводов в области науки на французский язык оставалась весьма скромной.

Развитие книгопечатания повлекло за собой увеличение количества переводов. Отправной точкой книгопечатания в Европе явилось создание немецким изобретателем Иоганном Гуттенбергом в сороковых годах XV века ручного печатного станка.

Во Франции первая типография, размещенная в зданиях Сорбонны, была создана гуманистом Жаном де Пьером (?–1496 г.). Появился класс читателей, которые хотя и не знали греческого языка или латыни, но хотели познакомиться с научными и философскими трудами античного мира. Именно в это время было сформировано новое понятие перевода. Введение глагола *traducere* итальянскими гуманистами положило конец многочисленной синонимии, которая царила до этого. Во Франции понятие перевода стал выражать глагол *traduire*, созданный в 1539 году переводчиком и лексикографом Робером Этьеном (1503–1559), от корня которого в следующем году Этьен Доле (1509–1546) образовал слова *traducteur* и *traduction* (Hoof van, 1991: Р. 30).

Контакты современников Карла VIII с представителями итальянского Возрождения имели огромное влияние на развитие французского языка и на судьбу перевода на Западе. В это время очень мало переводчиков владело греческим языком. В науке в основном господствовал латинский. Плеяда вернула к жизни греческий, призывая вновь обратиться к античным оригиналам, подражая им при переводе, внося, таким образом, красоту во французский язык. И.В. Калинин отмечает, что «в конце средневековья во Франции обозначается ведущий способ перевода, который отвергает буквальный перевод во имя понятности и элегантности выражения, популярный вплоть до начала XIX века» (Калинин, 1999: С. 154).

Однако в это время намечаются и два других направления: с одной стороны, появляется интерес к переводу современной иностранной художественной литературы, с другой – к переводу специальной научной и технической литературы, почти забытой со времен «Дома мудрости» и школы Толедо. Наравне с переводами греческого и римского наследия, появляется большое количество переводов с итальянского, немецкого языков трудов современных ученых в области астрологии, математики, медицины, сельского хозяйства и географии (внушительный перечень этих переводов дает исследователь перевода Ван Хооф) (Hoof van, 1991, р. 42–44).

Достижения Греции и Рима в области математики, геометрии, механики и некоторых других областях имели огромное значение. Тем не менее, общепризнанно, что основы современной науки были заложены только в XV–XVII веках, и связывается это, прежде всего, с именами Г. Галилея и И. Ньютона (Кириллин, 1989: С. 16).

В эпоху Возрождения наука выходит из-под влияния церкви, французский язык начинает постепенно вытеснять из науки латинский язык. Ученые гуманисты Паре, Палисси, Рамюс, Белон, Бовель и многие другие представители французского Ренессанса писали свои научные труды на французском языке. Известный французский математик Форкадель, который также писал свои работы на французском языке, перевел на французский язык труды Архимеда, Евклида, Прокла (Кузнецов, 1991: С. 116). Использование французского языка в науке

Journal of International Scientific Publications:
Language, Individual & Society, Volume 6, Part 2
ISSN 1313-2547, Published at: <http://www.scientific-publications.net>

повлекло за собой создание терминологического словаря научного стиля французского языка, появился первый технический словарь – *Le Dictionnaire de médecine* (1564 г.) Анри Этьена.

5.2. Профессионально ориентированный перевод в России.

На средневековую **Россию** огромное влияние оказала Византия. После распада Римской империи Византия продолжала поддерживать традиции образования, грамотности, развивала такие науки, как астрономия, медицина, естествознание. Однако духовная жизнь в Византии находилась под строгим контролем церкви и государства. «В Византии произошла трансформация античных представлений, и в ментальности утвердились иные, сформированные на основе православной традиции взгляды» (Семенникова, 1998: С. 82).

Византии удалось распространить православное вероучение, принести проповедь христианства другим народам, особенно широко славянам. В 864 г. греческий монах Кирилл (827–869 г.) и его брат Мефодий (825–885 г.) были посланы императором Византии для распространения христианства среди славянских народов. Оба монаха владели древнеславянским (древнеболгарским) языком, который еще не имел письменности. Братья создали алфавит (кириллицу) и перевели с греческого на старославянский язык Новый Завет, Псалтырь и Молитвенник.

Крещение Руси состоялось в 988 г. После принятия на Руси христианства русским книжникам открылся огромный мир новых образов и идей, пришедших из Византии. Через эту литературу Русь познакомилась с философским и научным наследием греческой Античности. Однако ориентация в духовной сфере на Византию отрезала Древнюю Русь (а за ней и Россию) от античного наследия в его первозданном виде. В России античное наследие усваивалось либо в «восточенном», византийском варианте, либо, позднее, в «ренессансном», европеизированном виде (Семенникова, 1998: С. 178).

Монголо-татарское нашествие XIII века значительно затормозило экономическое, политическое и культурное развитие восточнославянских государств. Тем не менее, Русь не прерывала торговых отношений с Европой, контактировала через паломников, путешественников, дипломатов и купцов с большинством стран известного тогда мира.

В период правления Ивана III (1462–1505 г.) было окончательно свергнуто монголо-татарское иго. Объединение русских земель в Московское государство создало предпосылки для развития национальной культуры, а тем самым для развития науки и техники.

Административные и военные реформы, проведенные Иваном IV (Грозным, 1530–1584 г.) способствовали дальнейшему распространению научных знаний. Известный ученый Н.М. Карамзин писал, что Иван Грозный, «верный своей интуиции», изъявлял «уважение к искусствам и наукам, лаская иноземцев».

В 1564 году появилась первая, напечатанная на русском языке книга. Переводы стали составлять важную часть древнеславянской книжности. Эти переводы были выполнены, как правило, греками, и язык перевода был «искусственный письменный общеславянский». Главным посредником и передатчиком переводной литературы была Болгария (Семенец, Панасьев, 1989: С. 214). Однако вся переводимая литература жестко контролировалась русской церковью, не допуская никаких отступлений от христианской ортодоксии, никаких новшеств, особенно западного толка. Тем не менее, следует отметить, что практически вся богословская литература была основана на аристотелевской космологии. Естественно-научные представления, пусть и в христианско-символическом преломлении, проникли в Русь через

такие переводы, как «Физиолог», «Шестоднев»¹⁵¹, в которых помимо прочих давались сведения по астрономии, основанные на достижениях античной науки: о планетах, зодиакальных созвездиях, размерах небесных тел, о равноденствии и солнцестоянии, наклоне эклиптики к плоскости экватора и т. д. Все это было изложено «с точки зрения, близкой к естественнонаучной, почти не прибегающей к вмешательству божественных сил» (Баранкова, 1978: С. 59).

XV веку по праву принадлежат следующие труды в древнерусском переводе: «Метафизика» Аристотеля, «Космография», включавшая в себя фрагменты геометрии Евклида, «Шестоднев», «Луцидариус». Некоторые переводы выполняются уже не только с греческого, но и с латыни и древнееврейского. К ним относят «Логику» Авфисафа, «Тайную тайных» (Кузаков, 1991; Райнов, 1940; Баранкова, 1978).

Древнеславянские переводы, вообще, и русские, в частности, в большинстве случаев оставались анонимными. К первым известным русским переводчикам относят Дмитрия Герасимова (умер ок. 1530 г.) и переводчика Власия, которые работали под покровительством архиепископа Геннадия Новгородского над составлением полного библейского кодекса, для чего требовалось перевести ряд книг, отсутствовавших в славянских переводах. В первой половине XVI века попало на Русь и было переведено латинское сочинение Максимилиана Трансильвана о Молуккских островах, плавании Магеллана и др. Предполагается, что переводчиком был Дмитрий Герасимов. Перевод был почти дословным, воспроизведен даже латинский синтаксис, опущено то, что, по мнению переводчика, уводило рассказ в сторону или являлось лишним (Семенец, Панаев 1989: С. 233).

Позднее центр переводческой деятельности переместился из Новгорода в Москву. В начале XVI века по приглашению Великого князя Василия III в Москву прибыл афонский ученый монах Максим Грек. Он не знал церковнославянского языка, поэтому сначала его переводы делались в два этапа (он переводил с греческого языка на латинский, а затем его помощники переводили с латинского на старославянский язык). Максим Грек был очень грамотным человеком, знал кроме родного греческого языка латынь и, очевидно, итальянский, обладал глубокими филологическими познаниями, считал, что переводчик должен быть высокообразованным человеком, знать не только иностранный язык, но и все грамматические и языковые тонкости, говорил о необходимости тщательного анализа текста (Громов, 1983).

В этот период на Руси существовало два стиля: литературный (в котором скрещиваются книжные и обиходные средства языка, присутствует старославянская лексика и архаизмы морфологии) и деловой (который принято называть приказным языком и который использовался при составлении деловых бумаг, юридических актов, официальной и частной переписки). Письменным языком оставался старославянский (староцерковный) (Винокур, 1959: С. 63–66).

¹⁵¹ «Шестоднев» – произведение философско-богословского характера, состоящее из шести трактатов и объяснявшее вопросы мироздания, получило на Руси вплоть до XVIII века большое распространение и, безусловно, важно для истории перевода научных и технических текстов. Наиболее известными являются «Шестоднев» Василия Великого и «Шестоднев» Иоанна – болгарского экзарха (жил в столице Болгарии в IX–X веках), который представляет собой перевод «Шестоднева» Василия Великого, а также компиляцию из сочинений Георгия Нисского, Иоанна Дамаскина, Аристотеля, Демокрита и др.

В большинстве случаев ранние переводы научных трудов были дословными, поэтому часто непонятными. Желание переводчиков передать неисчислимые лексические и синтаксические особенности греческого языка приводили к многочисленным ошибкам и неточностям. Переводчикам приходилось изобретать терминологию (Семенец, Панаев, 1989: С. 215–222).

Таким образом, концу XV века во Франции переводятся с латинского языка научные труды Античности. Французский язык постепенно вытесняет латинский язык. Наука выходит из-под влияния церкви. Наряду с переводами с латинского языка переводятся современные научные труды с итальянского и немецкого языков. Появляются первые авторские переводы научных и технических текстов. Переводчиками отвергается буквальный перевод, создаются новые слова из-за отсутствия соответствующих терминов во французском языке. В XVI веке, в эпоху популяризации знаний, закладываются основы терминологии научного стиля французского языка.

В XVI веке в России, несмотря на значительное количество переводов западноевропейской и греческой литературы в области науки и техники, в основном переводились религиозные тексты. Научные представления приходят только через богословскую литературу. Труды в области науки и техники переводятся с греческого на старославянский, который был языком искусственным, на котором писали, но не говорили. Переводы часто анонимные. До XVII века используется в основном дословный перевод. Хотя известен и перевод-пересказ, однако по сравнению с европейскими государствами он применяется редко. Тем не менее, на Руси уже отмечается важность фоновых знаний для переводчика, необходимость владения как языком оригинала, так и языком перевода. Но крупных переводческих школ еще не возникло.

6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Знание будущими переводчиками истории становления профессионально ориентированного перевода будет способствовать более глубокому пониманию процесса перевода, его роли в развитии научной мысли и осознанному выбору стратегии перевода. Проведение спецкурса «История развития перевода научных и технических текстов», кроме знаний в области перевода профессионально ориентированных текстов, дает возможность пополнить знания студентов в таких областях, как история страны изучаемого языка, история развития науки и техники, формирования научной речи в данной стране, что будет способствовать формированию межкультурной компетенции профессионального переводчика. На базе данного спецкурса целесообразно разрабатывать учебные пособия, направленные на знакомство с наиболее известными в стране изучаемого языка и России учеными и с их основными открытиями и достижениями.

REFERENCES

1. Баранкова Г.С. Об астрономических и географических знаниях//Естественнонаучные представления Древней Руси, М.: Наука, 1978: 48-62.
2. Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку, М.: АН СССР, 1959: 492.
3. Громов М.Н. Максим Грек, М.: Изд-во «Мысль», 1983: 198.
4. Кириллин В.А. Страницы истории науки и техники, М.: Наука, 1989: 494.

5. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. Курс лекций, М.: ЭТС, 1999: 192.
6. Копанев П.И., Беер Ф. Теория и практика письменного перевода. Часть 1. Перевод с немецкого языка на русский, Минск: Выш.шк., 1986: 270.
7. Калинин К.А. История перевода во Франции и франкофонной Канаде) // Тетради переводчика, М.: Изд-во МГЛУ, 1999, Вып. 24: 153-164.
8. Кириллин В.А. Страницы истории науки и техники, М.: Наука, 1989: 494.
9. Кузаков В.К. Отечественная историография истории науки в России X-XVII вв., М.: Наука, 1991: 359.
10. Кузнецов В.Г. Функциональные стили современного французского языка (публицистический и научный). - М.: Высш.шк., 1991. - 160 с.
11. Райков Б.Е. Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России. 2-е изд., М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947: 391.
12. Семенникова Л.И. Цивилизация в истории человечества, Брянск: Курсив, 1998: 340.
13. Семенец О.Е., Панасьев А.Н. История перевода, К.: Изд-во при Киев. ун-те, 1989: 296.
14. Ballard M. De Ciceron à Benjamin, Presses Universitaire de Lille, 1992: 301.
15. García Yerba V. Teoría y práctica de la traducción, Madrid : Ed. Gredes, 1984: 874.
16. Hoof van, H. Histoire de la traduction en Occident, Paris : Duculot, 1991: 368.
17. Salama-Carr M. Traduction à l'époque abasside, Paris, Didier, 1990: 122.

MEANS OF DECTIC COHESION IN RUSSIAN AND FRENCH

Lina V. Dudnikova, Tatyana V. Milevskaya

Southern (Uzhny) Federal University,

Russia, Rostov-on-Don, 33, Sadovaya St.

Abstract

The article is devoted to the means of deictic cohesion in Russian and French. The correlation between deixis and anaphora, categories of pronouns and pronominal reference are researched. Particular attention is paid to the role of particles and modal words in the outline of coherent text.

Key words: *deictic cohesion, deixis, anaphora, pronominal reference, particles, modal words.*

Текстовая категория связности, обеспечивающая целостность текста и опосредующая развитие темы, представляет большой интерес для исследователей. В рамках лингвистики текста в отечественном и зарубежном языкоизнании выявлены различные лексические и грамматические элементы, которые выступают в качестве эксплицитных показателей связи как минимум двух компонентов текста. Так, по способу выражения отношений между компонентами текста выделяют когезию лексическую (лексико-семантическую) и грамматическую (действительную и синтаксическую) [Милевская, 2003: 67].

Синтаксическое представление отношений грамматической когезии опирается на довольно широкий диапазон средств (соотношение модально-временных планов, параллелизм структур, порядок слов, актуальное членение, эллипсис, бессоюзие и т.п.), поддерживаемых интонационно. К средствам действительной когезии могут быть отнесены местоимения разных разрядов, а также модальные слова и частицы.

Под дейксисом традиционно понимается использование языковых выражений и других знаков, которые получают интерпретацию только при помощи обращения к физическим координатам коммуникативного акта - его участникам, месту и времени [Кибрик, 1992: 208]. В речи дейксис реализуется единицами, которые носят название «действительные элементы» или «действики». Функционирование действительных элементов в речи всегда зависит от системы действительных координат коммуникативного акта. Все виды указаний ориентированы на говорящего. Он находится в центре системы координат.

Дейксис может выявляться в аспекте парадигматики и в аспекте синтагматики. Лингвисты отмечают три точки зрения по вопросу соотношения дейкса и анафоры: анафора и дейксис не имеют четких границ и тесно переплетаются (Арутюнова Н.Д., Лайонз Дж.); анафора является одним из видов дейкса (Сребрянская Н.А., Бюлер К.); анафора и дейксис представляют собой два независимых явления (Кибрик А.А., Бругманн К.). В данном исследовании в зависимости от того, производится ли указание на лингвистический контекст или на ситуацию акта речи мы рассмотрим анафору как вид дейкса, наряду с другим его видом - собственно дейксисом.

Анафора представляет собой отношение между языковыми выражениями (словами или словосочетаниями), состоящее в том, что в смысл одного выражения входит отсылка к другому

Journal of International Scientific Publications:
Language, Individual & Society, Volume 6, Part 2
ISSN 1313-2547, Published at: <http://www.scientific-publications.net>

[ЛЭС, 2002: 32]. Она ориентирована на внутреннюю организацию текста и реализуется в контекстуальном поле указания, обеспечивая семантическую связность дискурса. Собственно дейксис ориентирован на внеязыковую действительность, отражаемую в содержании высказывания, и реализуется в вещественном поле указания.

Выделяя дейктическую когезию, мы подчеркиваем разнообразные проявления функций местоимений при реализации различных референциальных соотношений (отношений соотносительности), реализуемых различными группами местоимений в дискурсе и тексте [Милевская, 2003: 212]. Дейктические местоимения отсылают к тому или иному референту, выделяя лица, предметы или явления относительно дейктических координат.

Бенвенист Э. утверждает, что дейктические средства призваны служить инструментом для обращения языка в речь. Дейктические слова - это своего рода «подвижные определители», приложимые к любому референту [Бенвенист, 2002: 285].

Падучева В.Е. рассматривает референцию как действие (соотнесение) осуществляемое говорящим: это отдельная составляющая речевого акта, а референция как результат (соотнесенность) - это отношение, в которое вступают языковые выражения в контексте речевого акта. Таким образом, дейктическим называется такой элемент, который выражает идентификацию объекта – предмета, места, момента времени, свойства, ситуации – через его отношение к речевому акту, его участникам или контексту [Падучева, 1995: 244]. У дейктических слов обращение к контексту речевого акта работает на нужды идентификации (объектов, моментов времени, участков пространства и др.).

Местоименная референция, являющаяся одним из способов выражения отношений связности, охватывающим любой вид объединения предикативных единиц - от бинарных структур до самостоятельных произведений, широко представлена в русском и французском языках.

Местоимения представляют собой сложный для интерпретации объект, что проявляется в разноречивых трактовках местоименной семантики в целом, неоднозначных толкованиях семантики и функций отдельных местоименных разрядов, разницей в оценке иерархии местоименных слов. Проблема их значения и употребления важна для понимания многих аспектов организации связного текста.

По мнению Шведовой Н.Ю., система местоимений, характеризуемая четкостью и глубиной своего строения, по своей природе самодостаточна, она обращена, в то же время, ко всем другим классам слов и с ними сложно взаимодействует. По уровню абстракции эта система стоит над всеми другими классами слов: она осмысливает их устройство и их взаимные связи [Шведова, 1998: 8].

Местоимения в русском и французском языках делятся на различные лексико-грамматические группы: личные, указательные, притяжательные, неопределенные и др. В целом системы разрядов местоимений имеют больше сходств, чем различий: во французском личные объединены с возвратным, в русском они разграничены; в русском выделяют вопросительно- относительные местоимения, во французском эти группы разделяют.

Местоимения всех разрядов активно выполняют связующую функцию. Поскольку они отражают ситуацию речи и служат для обращения языка в речь, центральной группой являются личные местоимения, выражающие соотнесенность с лицом речи в наиболее чистом и вместе с тем дифференцированном виде. Так, например, личные местоимения третьего лица

Journal of International Scientific Publications:
Language, Individual & Society, Volume 6, Part 2
ISSN 1313-2547, Published at: <http://www.scientific-publications.net>

единственного и множественного числа часто выступают в роли связующих слов. Рассмотрим примеры:

В начале года Дон вошел в число четырех ведущих регионов России по развитию сети многофункциональных центров. Сегодня они действуют уже в 31 муниципальном образовании области.

Rares sont les cyclones qui naissent en mer d'Arabie, les conditions de température et d'humidité y sont pourtant favorables. Mais pour qu'ils grossissent et s'épanouissent, encore faut-il que les vents soient faibles et gardent une même direction sur les 10 premiers kilomètres de l'atmosphère, pour ne pas déformer et cisailleur le tourbillon.

Эти полипредикативные конструкции организуют семы **многофункциональные центры** и **les cyclones**, представленные рядом слов, образующих одноименное семантическое поле. Личное местоимение **оны** в русском и его эквивалент **ils** во французском фокусируют внимание на референте. Оно отсылает к антецеденту, названному в предтексте (**многофункциональные центры** и **les cyclones** соответственно), оформляя таким образом связь между двумя предложениями.

В качестве средств связи используются и другие местоимения, характеризующиеся специфическими семантико-стилистическими функциями в организации речи. Одни из них связывают только контактные предложения, другие могут относиться к большой части текста и связывать ряд предложений общим смыслом. Так, указательные местоимения могут соединять и два предложения, и два сложных синтаксических целых. Например:

Семье Алфераки принадлежал квартал земли в центре Таганрога, на котором он и решил выстроить новый дом. Прекрасно образованный, тонко чувствующий искусство и разбирающийся в красоте, Алфераки хотел сделать свой особняк украшением родного города.

Это стало очевидным, как только таганрожцы узнали имя будущего архитектора. В качестве зодчего Алфераки привлек самого Андрея Штакенинейдера - профессора Санкт-Петербургской академии художеств и личного зодчего императора Всероссийского.

Здесь два сложных синтаксических целых связаны с помощью указательного местоимения **это**, отсылающего к содержанию последующей предикативной единицы. Если провести трансформацию предложений и заменить данное указательное местоимение на союз **что** (... Алфераки хотел сделать свой особняк украшением родного города, **что** стало очевидным...), то мы увидим, что, как и союзные слова, которые традиционно используются для связи предложений, указательные местоимения активно реализуют отношения когезии. В ряде предложений также представлены повторяющиеся лексемы **дом-особняк**, **архитектор-зодчий**, которые скрепляют связи как внутри сложных синтаксических целых, так и между ними.

И если личные дейктические местоимения обозначают самих участников речевого акта, то указательные дейктические местоимения должны определяться через самих этих участников с помощью таких дополнительных понятий, как общее поле зрения говорящего, степень выделенности объекта в поле зрения, указательный жест говорящего, нахождение в центре внимания и др. [Падучева, 1995: 246]. Например:

Comme les oiseaux pollinisateurs vivent moins longtemps que la gloxinia, leur disparition a été mise en évidence bien plus rapidement. Cela crée un décalage temporel entre la disparition rapide des oiseaux et le déclin plus progressif des plantes.

Journal of International Scientific Publications:
Language, Individual & Society, Volume 6, Part 2
ISSN 1313-2547, Published at: <http://www.scientific-publications.net>

Указывая на предтекст, местоименные средства связи, как например во французском местоимение *cela*, позволяют не допустить неоправданного повтора слов, делают текст информативно насыщенным и более компактным, усиливают основное свойство текста - его связность.

Ряд местоимений выполняют в предложении те же синтаксические функции, что и существительные. Они могут замещать любую другую часть речи и даже целое предложение. Поэтому многие лингвисты (Шахматов А.А., Пешковский А.М. и др.) выделяют также разряды местоимений по грамматическим признакам: местоимения-существительные, местоимения-прилагательные, местоимения-числительные и местоимения-наречия. Местоименные существительные указывают на лицо или предмет, местоименные прилагательные - на признак предмета, местоименные числительные - на количество. Особый интерес представляют местоименные наречия, которые не называют различных обстоятельств, а лишь указывают на них или служат для обобщения, а также для выражения вопроса. Приведем примеры дейктической когезии в русском и французском языках на основе местоименных наречий:

Требования к соискателям места добровольного помощника на Универсиаду «Казань 2013» высокие. Сюда съедутся люди во всего мира, и именно волонтеры будут непосредственно общаться с участниками соревнований. Найти общий язык – главная задача добровольцев.

L'étude du maïs Bt a porté sur cinq États de la Corn Belt, la grande région céréalière du centre des États-Unis. Là où le taux d'utilisation du maïs Bt est très élevé - le Minnesota, le Nebraska et l'Iowa. Et là où il est un peu plus faible - l'Illinois et le Wisconsin.

В примере взятом из русского языка второе предложение соединено с первым местоименным наречием *сюда*, употребленным вместо имени существительного с предлогом (как например, в Казань, на Универсиаду) и выражают значение места. Во французском языке местоименное наречие *là* скрепляет части текста, подчеркивая семантическую цельность всей конструкции, и так же связано с предшествующим контекстом, в частности с географическими наименованиями *cinq États de la Corn Belt, les États-Unis*.

Выполнять связующую функцию в тексте могут и модальные слова. Они служат для акцентирования внимания получателя речи на наиболее существенных с точки зрения автора фрагментах текста, маркируя тем самым связность элементов обрамляющего текста, находящихся в отношениях когезии. Природа модальных слов, выделенных грамматистами в самостоятельный разряд лишь недавно, далеко не проста и неоднозначна: синтаксические функции и семантическая структура модальных слов - иного рода, чем у частей речи и таких частиц речи, как союзы и предлоги [Виноградов, 1975: 77].

Модальные слова в русском языке рассматриваются либо как самостоятельная часть речи (Виноградов В.В.), либо как отдельный категориальный класс (Милославский И.Г.), либо как грамматическая единица вне частей речи (Щерба Л.В., Сидоров В.Н.). Однако в современном французском языке их следует считать функционально-семантическим разрядом внутри наречий, а не отдельной частью речи [Гак, 2000: 206]. Большинство из модальных слов являются переосмыщенными наречиями на -ment и только два: certes и peut-être - не восходят к наречиям.

Реферовская Е.А. и Васильева А.К. также выделяют среди наречий особый тип - наречия мнений, которые в свою очередь разделяются на модальные наречия и наречия, выражющие чувства [Référovskaya, Vassiliéva, 1983: 336].

Балли Ш. определяет модус как активную ментальную операцию по оценке диктумного содержания, и утверждает, что в конечном счете модальные слова используются для экспликации и акцентуации авторской позиции с целью представления знаний отправителя речи, его ментальной сферы [Балли, 1955: 112].

Модальные наречия выражают отношение между высказыванием и объективной реальностью. Их общим значением является оценка описываемого события с позиции говорящего. Оценка может быть чисто рациональной или включать в себя эмоциональный элемент.

Части речи в более аналитическом французском языке в большей степени, чем в русском, подвержены конверсии и транспозиции, поэтому лексико-грамматический разряд модальных лексических единиц пополняется за счет модальных лексических сочетаний с именем существительным. Но следует учесть, что подобные образования характерны и для наречных выражений вообще. Можно считать, таким образом, что зона перехода между функционально-сематическими полями наречий и других функционально коррелятивных модусных элементов во французском направлена в пользу наречий. Ведь подавляющее большинство слов, относимых к модальным, употребляются одновременно и как обычные качественные наречия [Гак, 2000: 207]. Обратимся к примерам:

*Si les Français lisent autant, alors que leurs rythmes de vie se sont diversifiés, c'est que l'édition a su s'adapter aux évolutions de leurs modes de vie. **Evidemment**, le livre au format «de poche», né dans les années 50 pour diffuser à petit prix classiques et rééditions, est devenu un secteur clé, qui représente un volume vendu sur quatre.*

Этот текстовый фрагмент объединяют компоненты, реализующие тождественную сему *livre*. Наречие **evidemment** приобретает модальное выражение тождественное русскому *конечно*. Оно отсылает нас к предшествующему контексту, способствует выражению авторских интенций (действительности и уверенности) и соединяет предикативные части между собой.

Активно реализуют связующую функцию и частицы, сама коммуникативная функция частиц - быть коннекторами. Простота морфемного состава и функциональное тождество сближают частицы с союзами, поэтому многие из них в литературе квалифицируются как гибридные служебные слова, союзные частицы или союзы-частицы.

Частицы представляют собой служебные слова, неспособные к самостоятельному употреблению. От других служебных слов - предлогов и союзов они отличаются функционально: частицы выражают общие логико-смысловые, эмоциональные и модально-волевые оттенки слова или словосочетания, а также предложения в целом. Частицы также можно рассматривать, по аналогии с местоимениями, как класс слов, объединенных тождественной функцией. Все частицы обладают коммуникативной функцией, состоящей в рематическом выделении, интенциональной актуализации нового. Таким образом, прежде всего частицы специализируются не на выражении отношений связности, данная функция для них является вторичной.

Во французском языке существует ряд слов, остающихся за пределами традиционной классификации. Трудность квалификации частиц объясняется их объективными свойствами. Во французском сравнительно мало слов, которые, выполняя функцию частиц, по форме отличались бы от наречий, местоимений. Собственно частиц во французском языке сравнительно немного: *-ci, -là, ne, si, quant, voire, -da*.

Французские исследователи (Бидуа Г., Вагнер Р., Пиншон Ж. др.) обычно включают их в класс наречий. Между тем, при более последовательном анализе эти слова можно разделить на две группы: служебные и самостоятельные. Так Реферовская Е.А. и Васильева А. К. различают

частицы и самостоятельные слова, замещающие целые предложения, слова-фразы [Référovskaya, Vassiliéva, 1983: 345]. Теньер Л. среди частей речи также выделил класс mots-phrases или phrasillons, представляющих собой разновидность не только слов, но и фраз [Tesnière, 1976: 167].

Гак В.Г. разделяет частицы на три группы по семантике: указательные, категориально-коммуникативные и дискурсивные [Гак, 2000: 225]. В качестве примера рассмотрим указательные частицы, которые также могут выполнять связующую функцию:

La quantité de méthane produite dépend en effet de la nature de la végétation ennoyée, de son abondance, du climat mais aussi de l'âge du réservoir. Plus celui-ci est vieux, moins il en génère.

Данный пример состоит из сочетания полноструктурных синсемантических предложений. Действическая когезия осуществляется с помощью частицы *-ci*, которая оформляет связи между первым и вторым предложениями. Следует отметить ее связанное употребление, полуслитное написание, а также соотнесенность с указательным местоимением *celui*, которое она уточняет, указывая на предтекст *réservoir*.

Таким образом, и в русском, и во французском языках действические средства способствуют процессу интеграции сегментов текста, активируя составляющие его структуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка./ Ред. и предисл. Р.А. Будагова. - М., 1955.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика. 2-е изд. - М., 2002.
3. Виноградов В.В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. - М.: Наука, 1975.
4. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. - М.: Добросвет, 2000.
5. Кибrik А.А. Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис. - М., 1992.
6. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. - М.: Большая Российская энциклопедия, 2002.
7. Милевская Т.В. Грамматика дискурса: монография. - Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2003.
8. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. - М., 1985.
9. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Изд. 2-е. - М.: Просвещение, 1976.
10. Шведова Н.Ю. Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства. - М., 1998.
11. Référovskaya E.A., Vassiliéva A.K. Essai de grammaire française. T. I, II- М., 1983.
12. Tesnière L. Eléments de syntaxe structurale. - P., 3e éd. 1976.

**MODERN TECHNOLOGIES OF RESEARCH
OF SPEECH DEVELOPMENT OF THE CHILD**

Olga V. Epifanova

Public budgetary educational institution of additional professional education
(professional development) of specialists academy of professional development and retraining
of educators Policeman Buxanceva str., bl. 32, 400120, Volgograd, Russia

Abstract

Interest to how the child speaks, doesn't weaken within centuries. Philosophers, physiologists, teachers, psychologists, linguists, logopedists were engaged in studying of children's speech. At the present stage of development of logopedics objective methods of research of the child's speech development become priority. Each logopedist knows, how difficult is to describe in details speech nuances, interesting speech samples, vivid speech examples of children with speech pathology. Reliable ways of fixing of children's speech expressions are the digital dictaphone, acoustic system, the personal computer. The electronic speech card used by us has the numerous attached sound files with demonstrative objective examples of primary inspection of a speech development of each child. It includes the control-verifying materials for speech exercises for training disabled children (verses, stories, and fairy tales). It directs logopedist's attention at ways of correctional and developing training of children with phonetic and phonemic disorders; permits to foresee possible results of logopedical influence and ensures more exact logopedical diagnosis. Computer technologies in the context of logopedical aspect permit also to record children's spontaneous statements, unique expressions of children's speech creativity, both individual, and collective. The article is devoted to the problem of use of modern technical means in logopedic work with children with speech development deviations.

Key words: diary of supervision over development of speech of the child, longitudinal supervision, ontolinguistic, logopedics, work in a mode of further development, dictophone, digital dictophone, camera, Web-camera, personal computer, information and communication technologies, sound pronunciation, intonation, didactic possibilities

1. INTRODUCTION (ВВЕДЕНИЕ, ИНТРОДУКЦИЯ)

Интерес к тому, как ребёнок говорит, не ослабевает в течение столетий. Изучением детской речи занимались выдающиеся философы, физиологи, педагоги, психологи, лингвисты. S. Tseitlin последовательно показывает сменяющие друг друга со второй половины XIX века периоды «дневниковых штудий», «кросс-секционных штудий», «лонгитюдных срезовых штудий» (2000 р.р.7-9), позволившие не только накопить необходимый для детской психолингвистики материал, но и разработать передовые для своего времени методики обследования. Во второй половине XX века на смену дневникам пришли документальные записи фрагментов речи ребёнка, фиксируемых с заранее назначенными интервалами. Западные специалисты в области детской речи сделали огромный рывок в технике сбора материала, в разработке экспериментов и в решении проблем, связанных с автоматическим

анализом полученного материала. Создание компьютерных систем, обеспечивающих запись, расшифровку, кодировку и автоматический анализ фактов детской речи, способствовало превращению лингвистики детской речи в одну из перспективных и передовых лингвистических дисциплин. Самая известная из компьютерных систем, разработанная американскими учёными Л. Спектором, К. Сноу и Б. Мак-Винни (Carnegie Mellon University), носит название CHILDES, что расшифровывается как Child Language Exchange System. Существует пакет программ, позволяющий проводить автоматический анализ текста. Благодаря усилиям американских учёных, создан международный банк детской речи. Сотрудничество в области исследования детской речи укрепилось благодаря усилиям Международной ассоциации по изучению детского языка (IASCL – International Association for the Study of Child Language), объединяющей учёных и практиков из разных стран и основанной для содействия развитию международного и междисциплинарного сотрудничества в области исследования детского языка. Наряду с лингвистами в ассоциации принимают участие и специалисты в области речевой патологии. Это продолжение традиции, начавшейся уже давно. Постоянно расширяется и круг обсуждаемых проблем. Особенностью последней конференции 2011 года в Монреале стало внимание к речевым аспектам диалогического взаимодействия взрослого и ребенка, а также попытка рассмотреть лингвистический механизм ошибок и сбоев при усвоении ребенком письменной формы речи. Благодаря участию российских учёных в проводимых на Западе конференциях, созданию информационных систем и общих баз данных возрастает возможность широкого обмена идеями, материалом, литературой, возможность организации совместных научных проектов. На современном этапе можно говорить о становлении самостоятельной научной дисциплины — онтолингвистики, имеющей не только собственный предмет исследования (речевую деятельность ребенка), но и собственные методы, отчасти заимствованные из арсенала психолингвистики, отчасти разработанные самостоятельно применительно к особенностям речи детей. Разнообразие школ и лингвистических концепций, фундаментально разработанный понятийный аппарат, сильная экспериментальная база — всё это позволяет исследователю, педагогу, психологу, логопеду, учителю, воспитателю включиться в изучение речи ребёнка, имея значительный «начальный капитал».

2. MODELING TOOLS (МОДЕЛИРОВАНИЕ ИНСТРУМЕНТОВ)

Надёжным «капиталом», ресурсом логопедии — науки, изучающей нарушения речи, их преодоление и предупреждение средствами коррекционного обучения и воспитания, является взаимодействие со смежными науками: медициной, психологией, лингвистикой. Являясь одним из разделов специальной педагогики, логопедия изучает причины, механизмы, симптоматику, течение, структуру нарушений речевой деятельности, систему коррекционного воздействия. Как и любая прикладная наука, современная логопедия существует в нескольких последовательных режимах: выживания, функционирования по имеющимся правилам и в режиме дальнейшего развития. Режим функционирования предписывает учителю-логопеду заполнение многочисленной бумажной документации: речевых карт, планов, динамики продвижения, дневников результативности. Но всё это только косвенно имеет отношение к речевой продукции ребёнка, так как носит налёт субъективности фиксирующего данную продукцию учителя-логопеда. Записать транскрипциейискажённое (в отличие от замены и смешения) произношение звуков по-русски — задача не из лёгких. Трудно словами передать тембровую окраску голоса, ускорение или замедление темпа речи, чересчур громкое или же, наоборот, слишком тихое звучание. В речевых картах мы наблюдаем записанные однотипными

клише характеристики звучания речи совершенно непохожих друг на друга воспитанников, обучающихся. Каждый учитель-логопед знает, насколько трудоёмко подобное протоколирование, детальное описание нюансов, интересных речевых образцов, ярких примеров детских высказываний. Иногда невозможно, имея лишь бумажные записи, доказать родителям правомерность выводов и суждений относительно состояния речи их ребёнка. Они его знают больше и слышат чаще, чем воспитатель и учитель. У русских есть пословица: «Что написано пером, не вырубишь топором». Настоящий каламбур для современного логопеда, пытающегося выйти за рамки режима функционирования. Бумажные носители для него – настоящая «топорная» работа. Работа выматывающая, не приносящая удовлетворения, неизбежно приводящая к синдрому эмоционального сгорания (СЭС). Существование в режиме развития, напротив, предполагает качественное наращивание всё новых возможностей и их реализацию, пробуждение внутренних ресурсов каждого педагога, переход от рутинного течения к творческому началу, использование современных методов фиксации речевого развития ребёнка. Для нас совершенно очевидно, что для достижения хорошей результативности, логопедические занятия периода обследования речевого развития в детском саду и в школе должны быть эмоционально окрашенными, привлекательными, вызывать у ребёнка живейший интерес и желание приходить в кабинет логопеда, работать над речью дома. Наглядные пособия, демонстрационный и раздаточный материал, картинки-символы, опорные схемы, игры – вот то, без чего невозможно обойтись для создания мотивационных установок. В новейших условиях решение задач гуманизации процесса воспитания и обучения, охраны и укрепления психического и физического здоровья детей, их полноценного развития, формирования стойкой мотивации и произвольных познавательных интересов невозможно без создания современной предметно - развивающей среды. На помощь учителю-логопеду, его воспитанникам, обучающимся, их родителям приходят информационно-коммуникационные технологии (ИКТ).

К дидактическим возможностям ИКТ относятся:

1. незамедлительная обратная связь;
2. компьютерная визуализация учебной информации;
3. компьютерное моделирование изучаемых и исследуемых объектов;
4. архивирование - хранение огромных объёмов информации с возможностью лёгкого доступа к ней;
5. автоматизация информационно-поисковой деятельности;
6. автоматизация процессов организации, управления коррекционно-педагогической деятельностью и контроля над её результативностью.

(Подробнее: on the site The publishing house of the First of September, festival Open lesson, 2008/09)

Использование компьютерных заданий не заменяет привычных коррекционных методов и технологий работы, а является дополнительным, рациональным и удобным источником информации, наглядности, создаёт положительный эмоциональный настрой, мотивирует ребёнка и его наставника; тем самым ускоряет процесс осознания проблем в развитии говорения и чтения. В процессе замысла, создания новых заданий, с использованием компьютера и диктофона, развиваются и совершенствуются креативные качества учителя-логопеда. Специалист становится творцом, автором; происходит его профессиональная и

личностная самореализация, растёт уровень его компетентности. Дети чувствуют этот переход своего наставника в новое качество. Желание взрослого разнообразить деятельность, сделать встречи интересными и познавательными, приводит потенциальных участников коррекционного процесса к началу общения, взаимопонимания, развивает личностные качества детей, «творит» отношения учителя-логопеда, учеников и их родителей в русле сотрудничества. В целом, способствует оптимизации работы по развитию детской речи, воспитанию навыков контроля и самоконтроля, формированию мотивации логопедических занятий, умению правильно оценить имеющиеся ресурсы, увидеть возникающие проблемы и стремиться к их преодолению.

Предлагаем вашему вниманию текстовую запись рассказа шестилетней Софики, девочки – билингва грузинского происхождения, начавшей обучение в 1 классе российской гимназии, по серии картинок «Заяц и снеговик». Содержание предъявляемой серии из 4-х картинок: «Бежал заяц. Видит, стоит снеговик. Очень захотелось ему достать вкусную морковку. Прыгал, прыгал – не достал. Принёс зайчик лестницу. Тянулся, тянулся – не дотянулся. Сел зайчик, пригорюнился: «Как мне достать морковку?» А в это время выглянуло солнышко, снеговик растаял, и зайчик достал морковку». Записанный после детального прослушивания аудиофайла рассказ девочки: «Здесь заяц хотела взять морковочку. Не взял, потому что не могла, потому что сверху была. Никак не может этот. И потом на втором картинке с лестницей идёт взять. Но не может. На лестнице посидела. А третьим картинке и сидит. Потом чё-то придумал! Придумал: я пойду потом, когда солнце на эту сделает. Я потом выйдет. И потом он так покушал». Рассказ Софики полон аграмматизмов категорий рода и падежа.

3. ABOUT THE TECHNOLOGY (О ТЕХНОЛОГИИ)

На современном этапе развития логопедии качественно-количественные методики становятся приоритетными в обследовании речевого развития ребенка. А надёжным способом фиксации речевой продукции являются цифровой диктофон, акустическая система, персональный компьютер. Электронная речевая карта воспитанника имеет прикреплённые звуковые файлы с доказательными объективными примерами первичного обследования состояния речи, контрольно-проверочных занятий различных этапов логопедического воздействия. Мы записываем заранее подготовленные образцы речевой продукции (стихи, рассказы, сказки), спонтанные высказывания, неповторимые продукты самостоятельного детского творчества, как индивидуального, так и коллективного, делаем записи – сопровождения и комментирования. В школе фиксируем на диктофон результаты систематизированной методики исследования навыков чтения (СМИНЧ), теста оперативных единиц чтения (ТОПЕЧ), проектной методики «Незаконченные предложения» и просто образцов детского чтения и декламации. Аудиозаписи тестирования по СМИНЧ D. Ivanenko on the site Festival of Research and creative works of students (audiovisual archives, 2012). В работе на логопедическом пункте детского сада № 21 г. Волгограда кассетный диктофон стал применяться с 1996 года. Постоянные «интервью», с возможностью последующей педагогической рефлексии позволяли запечатлеть быстротечные мгновения жизни, пробегающие в работе над собой моменты взросления воспитанников, преодоления недостатков речевого развития, формирование навыков контроля и самоконтроля. Цифровой диктофон имеет гораздо больше возможностей. Существуют программы, переводящие человеческую речь в текстовую запись. Подтверждением того, насколько детям интересны звукозаписывающие устройства, являются игрушки с встроенными диктофонами. Не раз приходилось слышать возражения коллег, о том, что диктофон голос до неузнаваемости

искажает и дефектного звучания не передаёт. В этой связи мы были обрадованы поддержке, прозвучавшей в ходе конференции “Psychological-pedagogical and social aspects of the correction of speech development”, посвящённой 50-летию психолого-педагогической классификации отечественной логопедии и 100-летию Р.Е. Левиной (Russia, Volgograd, state pedagogical University, 2008). Профессор, доктор педагогических наук, заведующий кафедрой логопедии МГГУ им. Шолохова, главный научный сотрудник ФГУ “Scientific-clinical center of otorhinolaryngology” (Russia, Moscow) Olga Orlova высказала недоумение по поводу того, что логопеды редко используют в своей работе это замечательное техническое средство. (Lecture “Communication disorders voice and innovative technologies to overcome them”, 18 November 2008). Поддержка окрылила, вдохновила, родила новые задумки и планы. В том числе и с использованием ИКТ (информационно-коммуникационных технологий). Если Ольга Святославовна была «крёстной матерью» нашей технологии, то «крёстным отцом» и вдохновителем, поддержавшим нашу идею, стал Professor of the Department of General and applied psychology of the St.Petersburg pediatric Academy, doctor of medical Sciences, the candidate of psychological Sciences Alexander Kornev. В ходе the author's workshop “Modern methods of prevention and correction of dyslexia in children. Multi-disciplinary model” (4-6 October 2010, Saint-Petersburg), учёный поддержал нашу идею. Аудиокассеты и CD-диски с записями тестирования по его авторским методикам наших волгоградских школьников разных поколений находятся в полном распоряжении учёного и его студентов.

4. SOME EXAMPLES OF GRID APPLICATIONS (НЕКОТОРЫЕ ПРИМЕРЫ ПРИЛОЖЕНИЙ)

4.1. *Application description and main features use a digital voice recorder in the survey of pronunciation* (Прикладное описание и главные особенности использования цифрового диктофона в обследовании звукопроизношения)

Сканировать пособия для обследования речевого развития воспитанников не составило для нас большого труда. Картинный материал (T. Filicheva, G. Kache, 1989) отлично смотрится в цифровом формате. Детям гораздо интереснее называть предъявляемые в ходе обследования картинки в режиме слайд-шоу на экране монитора. Ведь картинки в движении – это мультимедиа. А ребёнка привлекает всё движущееся. Одновременно, при просмотре, выполняются просьбы и инструкции логопеда. И всё это записывается на диктофон. А затем, если это диктофон цифровой, запись переводится в личный звуковой файл ребёнка, целостно или фрагментарно. При наличии соответствующей несложной программы можно преобразовывать файлы, уменьшая их «вес». Затем эти записи легко продемонстрировать родителям, членам психолого-медицинско-педагогического консилиума учреждения. Собственные записи с удовольствием слушают и сами дети.

В ходе обследования мы проверяем поэтапно:

- произношение гласных звуков [А], [О], [Ү], [И]; согласных звуков раннего генеза: [П], [К], [Х], [М], [Н], [Ф], [В] в твёрдом и мягким звучании и твёрдого варианта согласного [Т].
- произношение звуков [Л'], [Й] и йотированных гласных [ЙА], [ЙО], [ЙЭ], [ЙУ], гласного звука [Ы].
- произношение свистящих звуков: [С], [С'], [З], [З'], аффрикаты Ц [ТС] и мягкого варианта согласного звука [Т'].

Journal of International Scientific Publications:
Language, Individual & Society, Volume 6, Part 2
ISSN 1313-2547, Published at: <http://www.scientific-publications.net>

- произношение слов со звонкими согласными раннего генеза: [Б], [Б'], [Д], [Д'], [Г], [Г'].
- произношение шипящих звуков: [Ш], [Ж].
- произношение сonorных звуков: [Л], [Р], [Р'].
- произношение мягкого шипящего звука [Щ] и аффрикаты Ч [ТЩ].

Для обследования произношения различных групп звуков нами были подобраны картинки, где нужный звук есть в начале, середине, конце слова. Обязательна и позиция в стечении других согласных. Ведь ребёнок может правильно произносить звук в начале и середине слова в прямом закрытом или открытом слоге (дук, пида). И иска^жать его в обратном закрытом слоге конца слова или пропускать его в стечении согласных: [пow] (пол), [кубн'ика] (клубника). Имеют значение и уровни нарушенного произношения: от полного неумения произносить звук, до недостаточной автоматизации произнесения в словосочетаниях и предложениях: сом, весы, лес, но [Фон'a п'ёт фок] («Соня пьёт сок»). А также недостаточной дифференциации, иначе различения, от сходных звуков: [Натаса йэст шушк'i] («Наташа ест сушки»). Наше обследование звукопроизношения всегда носит игровой, диалогический характер. Приведём примеры словесных игр, используемых при обследовании произношения и различия звуков:

- «Один – много» (синяя сумка – синие сумки, железный замок – железные замки, Соня пьёт сок – Света и Соня пьют сок)
- «Большой – маленький» (кувшин – кувшинчик, ящик – ящичек скамейка – скамеечка)
- «Он – она» (Женя упал – Женя упала, Женя заплакал – Женя заплакала)
- «Делает – сделал» (девочка рисует бабочку – девочка нарисовала бабочку)
- «Раз – два – три – точно слово подбери» (Рома через дорогу переходит, Рома к дому подходит, Рома в свой дом заходит и т.д.)
- «Кто где спрятался» (мишка залез на шкаф, кот под шкаф, щенок за шкаф)
- «Назови одним словом» (юбка, платье, пиджак, жакет – это одежда)
- «Раз – два – три – четыре – профессия самая нужная в мире» (Часовщик, прищурив глаз, чинит часики для нас)
- «Раз – два – три – четыре – пять – вот про что хочу сказать». Он жёлтый – этот подсо^{дн}ух. Она жёлтая – эта рубашка. Оно жёлтое – это платье. Они жёлтые – эти кружки.
- «Буква слово изменяет, к нему вниманье привлекает» (дом – том, бочка – почка)
- «Буква заблудилась». «На виду у детворы крысу красят малярьи» (А. Шибаев)
- «Магазин», где покупаются игрушки «лишь со звуком С (З, Ш, Ж) в названии. Приготовились? Вниманье!»

В ходе обследования детям предлагается определить существенные признаки, составить рассказ по картинкам со скрытым смыслом и выполнить много других, не менее интересных

заданий. Для повторного обследования необходимо иметь дополнительный набор сканированного картинного материала. Качественно передают диктофонные записи совокупность высоты, силы и тембра, определяющую индивидуальность голоса каждого человека. В процессе записи мы просим ребёнка варьировать высоту голоса - повышение и понижение тона, переход от высокого голоса к низкому и наоборот. Просим изменять силу своего голоса, и записываем произнесение звуков определённой громкости: громко – нормально – тихо. При прослушивании звукового файла передаётся тембр голоса – качественная его окраска: звонкий, тусклый, дрожащий, глухой и т.д.

4.2. Application description and main features use a digital voice recorder in the survey of intonation
(Прикладное описание и главные особенности использования цифрового диктофона в обследовании интонации)

При обследовании и идентификации с помощью цифрового диктофона интонационного комплекса каждого ребёнка можно подтвердить имеющиеся и сделать некоторые новые выводы по всем параметрам обследования интонации. Мелодика речи – совокупность тональных средств, характерных для данного языка, изменение частоты основного тона при произнесении фразы, придающее речи различные оттенки: певучесть, мягкость, нежность. Именно это свойство позволяет избежать монотонности. Различается мелодика слога, слова и фразы. Мелодика речи выполняет эмоциональную и грамматическую функции. Принято различать в общем виде грамматически значимую часть фразы (обычно зона последнего ударного слога предложения вместе с предударным и заударным слогами) и грамматически незначимую часть (начало и середина высказывания). С помощью специальных средств мелодика членит речь на отдельные фразы и синтагмы. Мелодика речи показывает также тип высказывания (в большинстве языков различают утвердительные, вопросительные, восклицательные, незавершённые и некоторые другие типы высказываний). Мелодику русской речи оформляют гласные звуки, изменяясь по высоте и силе. Невыразительная в мелодическом плане речь может быть следствием снижения физического слуха ребёнка, недостаточно развитого речевого слуха, неправильного речевого воспитания в семье и целого ряда нарушений речи, например, дизартрии, и её минимальных проявлений. Темп – ускорение и замедление речи, в зависимости от содержания высказывания, с учётом пауз между речевыми отрезками. Дети дошкольного возраста чаще говорят в ускоренном, чем в замедленном темпе. Это отрицательно отражается на внятности, чёткости речи. Артикуляция звуков ухудшается, что и подтверждается при прослушивании аудиозаписей. Ритм речи – упорядоченность звукового, слогового, словесного и синтаксического состава речи, определённая её смысловым заданием. Ритм – равномерное чередование ударных и безударных гласных, образующих слоги, долготы и краткости произнесения, повышения и понижения голоса. Темпо – ритмическая организация речи страдает как физиологически, например, при запинках детского возраста, так и патологически, при заикании. Не обойтись нам и без понятия «ритмико-мелодический» – относящийся одновременно к ритму и мелодике речи. Ритмико – интонационный – просодический (от греч. «prosodia» - ударение, припев) – относится к явлениям высоты, длительности и силы. Ударение – выделение теми или иными фонетическими средствами (усиление голоса, повышение тона, в сочетании с увеличением длительности, интенсивности, громкости) одного из слогов в составе слова или целого словосочетания. Фразовое ударение – выделение группы слов, в зависимости от смысла высказывания, паузами, повышением голоса, большей напряжённостью и долготой произношения. Логическое ударение – выделение паузами, повышением голоса, большей напряжённостью и долготой произношения отдельных слов, особо значимых в высказывании. Работа по обследованию этих характеристик ведётся в

дошкольном возрасте путём подражания – вслед за взрослым ребёнок выделяет интонационно нужное слово или группу слов. Затем акценты произвольно меняются. В начальной школе, при выразительном чтении текста, ребёнок сможет сделать это самостоятельно.

4.3. Application description and main features the use of Web-cameras in the fixing of structure and mobility of articulations (Прикладное описание и главные особенности использования Web-камеры в фиксации строения и подвижности органов артикуляции)

Завершающим этапом обследования является выявление особенностей строения и подвижности органов артикуляции ребёнка. И в этом нам помогает Web-камера (автономная, в виде мягкой игрушки – собачки Web-ки и встроенная в ноутбуке). Эти видеоустройства помогают запечатлеть язык, степень его подъёма, состояние подъязычной связки и другие важные особенности в строении артикуляционного аппарата. Мы имеем возможность показать ребёнку перед Web-камерой, что и как получается (или не получается) именно у него, увеличить изображение, просмотреть его несколько раз, скорректировать позу, амплитуду движения. В таблице 1 представлены снимки Данила, посещающего в 2010 году занятия на консультационном пункте для неорганизованных детей МОУ детского сада № 21. Снимки сделаны Web-камерой собачкой Web-кой (на последней фотографии в таблице) и переданы в компьютер. Увеличив фотографии, можно наблюдать узел, образовавшийся на уздечке языка после неудачно выполненной операции по её подрезанию.

Table 1. Таблица 1. Артикуляционные упражнения, выполняемые перед Web-камерой

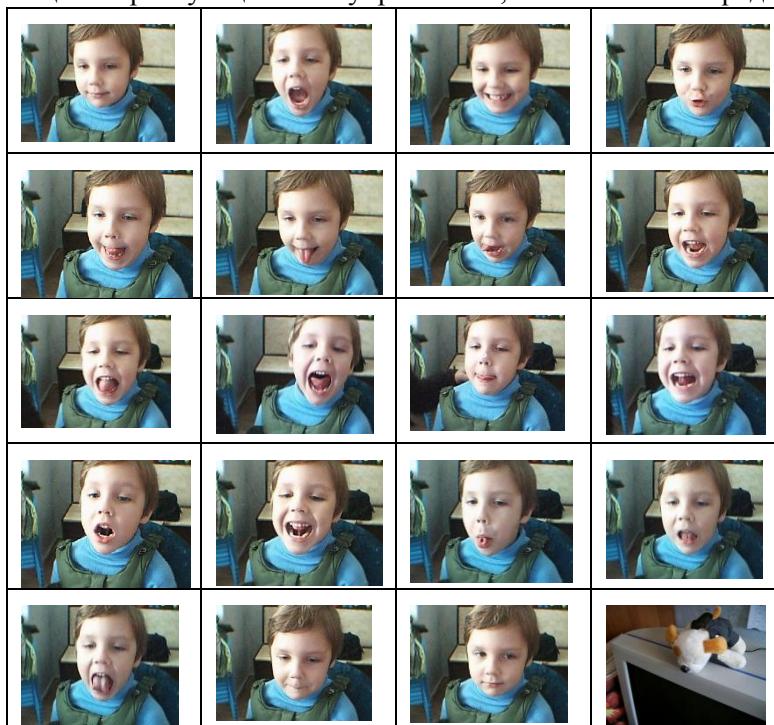
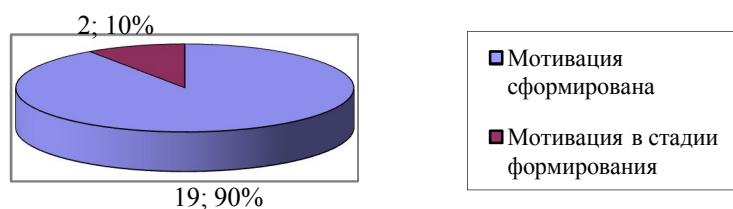

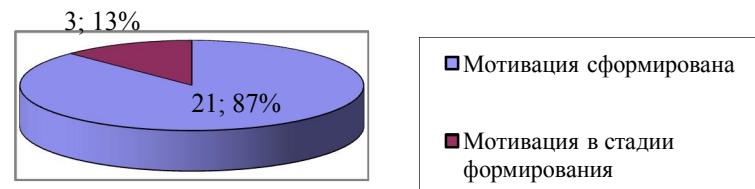
Photo from archive of the Cabinet logopedist of d/s № 21 Volgograd (March 2010)

Вспоминаем вопрос, заданный мамой одного воспитанника на родительском собрании, о приоритетах выполнения артикуляционной гимнастики дома: перед зеркалом или перед Web-камерой? На наш взгляд, это пример зарождения творческого подхода к делу.

О стабильности нашей работы по формированию мотивации к обучению с помощью информационно-коммуникационных технологий свидетельствуют результаты диагностики детей в муниципальном образовательном учреждении детском саду № 21 г. Волгограда (Рис. 1, 2):

Fig. 1. Диаграмма 1. Итоги диагностики формирования мотивации к обучению у детей первой контрольной группы. 2010/11 учебный год. (The data of the teacher-psychologist G. Dmitrieva)

Fig. 2. Диаграмма 2. Итоги диагностики формирования мотивации к обучению у детей второй контрольной группы. 2011/12 учебный год. (The data of the teacher-psychologist G. Dmitrieva)

5. ACKNOWLEDGEMENTS (ПОДТВЕРЖДЕНИЕ, ПРИЗНАНИЕ, БЛАГОДАРНОСТЬ)

Технология «ИКТ в обследовании состояния произносительной стороны речи» имеет сертификат II международной выставки – ярмарки инновационных образовательных проектов – 2011 в городе Ульяновске, сертификат издательского дома «Первое сентября», отмечена дипломом Всероссийского фестиваля педагогических идей «Открытый урок» - 2009 (Москва). Наша работа вышла в финал ярмарки социально-педагогических инноваций – 2010 в городе Отрадном Самарской области и награждена грамотой этого престижного международного форума. Публикации на эту тему были с интересом встречены в материалах 1 районной открытой научно-практической конференции «Учителя и учащиеся в культуре информационного пространства» и на страницах журнала «Здоровые дети». Мы постоянно пропагандируем идею использования диктофона на мастер-классах в МОУ детском саду № 21 и гимназии 15, на своих лекциях в Государственном бюджетном образовательном учреждении дополнительного профессионального образования (повышения квалификации) специалистов

Волгоградской государственной академии повышения квалификации и переподготовки работников образования, среди коллег – логопедов, учителей, воспитателей. Рекомендуем встроенный в сотовом телефоне диктофон для самостоятельного использования своим ученикам. Главным нашим достижением на этом поприще, за 16 лет практики работы с этим замечательным устройством, считаем создание в логопедическом кабинете фонотеки родных на все времена детских голосов.

Предлагаем вашему вниманию загадки, сочинённые повзрослевшими воспитанниками к Региональному конкурсу профессионального мастерства «Дефектолог Волгограда – 2012». (Published in the journal «Health of children», 2012, p.p. 36-39. Additional materials to the article look at the disk).

Вам – загадок «батарея»

Просим отгадать скорее!

Загадка первая:

Не умею, а «пишу», нет ушей, а «слышу».
И за мыслями «слежу» и ошибки «вижу».

Загадка вторая:

Чудесное хранилище для детских голосов,
Стихов, фантазий, текстов,
Прекрасных, добрых слов

Загадка третья:

Он на столике лежал,
Всё, что слышал, повторял.
Логопед его мне дал,
Я услышал, что сказал.
Я в руках его держал,
Речь мою он повторял.

Загадка четвёртая:

На ушко я ему шепну стихотворенья строчки.
И он запомнит всё тотчас с начала и до точки.
Мои ошибки повторит и тем меня он удивит.
Я не хотел так говорить, - скажу ему я честно,

Не дочитал, не доучил, ошибки сразу допустил.
И двойку чтоб не получить, мне надо лучше поучить,
А чтоб пятёрки получать, мне надо много раз читать.
Ты батарейки приготовь, и как всегда, не прекословь.

Загадка пятая:

Раз, два, три, четыре...
Устройство это нужное в мире!
Два, три, четыре, пять...
Лучше нам и не сыскать!
Три, четыре, пять, шесть...
У нас устройство это есть!
Четыре, пять, шесть, семь...
С ним бед не знаем мы совсем!
Пять, шесть, семь, восемь...
Его всегда с собою носим!
Включаем, «запись» нажимаем
И голоса детей узнаем!
Диктофон. Диктофон. Диктофон!

Из наших диктофонов и фото- и видеоустройств можно создать интерактивный музей. Нас радует, что это не такие громоздкие устройства, как то, что выписывал из Америки прославленный австралийский логопед Лайонел Локк из фильма Хелены Бонэм Картер «King's speech» («Король говорит!») об английском монархе Георге – VI.

«Мы придумали загадки!
Нас устроили отгадки?
Ну, конечно, это он –
Добрый друг наш диктофон!
Вы послушайте, друзья,
Расскажу коллегам я,
Как используется он,
Старый друг наш диктофон!
И музей мы открываем,
В его залы приглашаем!

Интересен будет в нём
Каждый новый диктофон!
Технология моя,
Помогает всем, друзья!
Мы в грядущее возьмём
Цифровой наш диктофон!

6. REFERENCES (ССЫЛКИ, РЕКОМЕНДАЦИИ)

Epifanova O., 2012, Children's Health, *Music library of relatives of children's voices*, №2 (Русский)

Filicheva T., Kache G, 1989, *Methodological guidance to the didactic material to rectify deficiencies of speech in children of preschool age*, Education, Moscow (Русский)

Orlova O., 2008 'Communication disorders voice and innovative technologies to overcome them', paper presented to the conference Psychological-pedagogical and social aspects of the correction of speech development, Volgograd, 18 November

The publishing house of the First of September 2008/09, O. Epifanova, *Verbal and cognitive development preschoolers media*, Festival of pedagogical ideas Open lesson, <<http://festival.1september.ru/articles/519204/>> (Русский)

The publishing house of the First of September 2009/10, Epifanova O., *Information and communication technologies in the survey of speech*, Festival of pedagogical ideas Open lesson, <<http://festival.1september.ru/articles/569914/>> (Русский)

The publishing house of the First of September 2011/12, D. Ivanenko, *Automated reading - global skill*, Festival of Research and creative works of students Portfolio, <<http://portfolio.1september.ru/work.php?id=599068>> (Русский)

Tseitlin S., 2000, *The language and the child. Linguistics children's speech*, Humanitarian publishing centre VLADOS, Moscow (Русский)

**FEATURES OF THE OPERATION OF FOREIGN LANGUAGE VOCABULARY IN THE
LANGUAGE OF MODERN PROFESSIONAL SPEECH LANGUAGE PERSONALITY OF
THE JOURNALIST (BASED ON THE STUDENT NEWSPAPER "UNIVERCYTI")**

Olga. G. Shchitova, Svetlana. L. Savilova

National Research Tomsk Polytechnic University, Russia, Tomsk, 30, Lenina St.

Abstract

The article deals with the peculiarities of foreign language vocabulary in speech (professional) modern linguistic identity (for example, young journalists of the city of Tomsk). The main features of foreign language vocabulary in newspaper text classification Bogoslovskoi. A new term ksenoleksika.

We analyze the process of borrowing in the denotative areas, the operation of foreign-language word-forming elements in the Russian language.

Key words: features of the operation of foreign language vocabulary, latest ksenoleksika, terminology function, Expressive function, of emotive function, attractive, feature euphemistically function, suggestive function, kontaktoustanavlivayuschaya function.

Особенности функционирования иноязычной лексики в речи носителей русского языка всегда привлекала внимание лингвистов. Это связано с обилием в русской речи ХХI в. названий новых явлений, предметов, понятий в различных сферах деятельности: политике, экономике, науке, быту, торговле, искусстве. Развитие науки и техники, расширение экономических, политических, профессиональных и личных контактов между жителями России и Западного мира способствуют активизации взаимодействия между русским языком и западноевропейскими языками. В России резко возрастает число людей, знающих несколько языков.

Особое значение в лингвистике в настоящее время приобретает культурно-антропоцентрическая теория коммуникации. На новом этапе социального общения решающую роль в формировании общественного сознания получает личность и ее языковая культура. Тем самым филология становится фундаментом всего гуманитарного знания.

В энциклопедическом словаре «Культура русской речи» различные уровни обобщения объекта лингвоперсонологического анализа соотнесены Е.Я. Шмелёвой с самостоятельными значениями термина: «Языковая личность – носитель того или иного языка, охарактеризованный на основе анализа произведенных им текстов: а) как индивидуум и автор этих текстов со своим характером, интересами, социальными и психологическими установками; б) как типовой представитель данной языковой общности и более узкого входящего в нее речевого коллектива или усредненный носитель данного языка; в) как представитель вида «хомо sapiens» (человек разумный), неотъемлемой свойством которого является использование знаковых систем и прежде всего естественного языка» [Шмелева Е.Я., 2003].

Journal of International Scientific Publications:
Language, Individual & Society, Volume 6, Part 2
ISSN 1313-2547, Published at: <http://www.scientific-publications.net>

Индивидуализация речи каждого носителя языка обусловлена влиянием множества факторов (гендерные, возрастные, психологические территориальные, образования и профессии), одни из которых связаны с ситуацией общения, другие – с постоянными характеристиками человека, общества и языковой системы. [Иванцова Е.В., 2010].

Под языковой личностью понимается совокупность языковых способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются: а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью.

Структура языковой личности по концепции Ю. Караулова состоит из трех уровней: вербально-семантического, когнитивного, прагматического. Для личности журналиста эти уровни приобретают особое значение в процессе осуществления доверительного контакта с аудиторией.

Учитывая данную трехуровневую структуру языковой личности, можно сделать вывод, что мировоззрение личности выступает как результат соединения этих уровней и воплощается в создаваемых на экране текстах. Лингвистический анализ этого материала, при достаточной протяженности текстов, позволяет реконструировать содержание мировоззрения личности.

Проблема языковых контактов является одной из центральных в лингвистике. Особую актуальность она приобретает в современной языковой ситуации, когда по многим социальным и психологическим причинам в русский язык активно заимствуются различные элементы иностранного происхождения. Усиление процесса заимствования иноязычных слов является одной из характерных черт, отличающих нынешний этап развития нашего языка от предшествующих [Крысин Л.П., 2001], и представляет собой естественное явление языковой эволюции. «Объем иноязычных заимствований в наше переходное время существенно вырос, и стремление поставить искусственные заслоны этому естественному процессу ни к чему не приведет. В условиях глобализации современного мира заимствования неизбежны и необходимы. Они не представляют опасности для национальной самобытности такого богатого языка, как русский, но разумную меру соблюдать здесь тоже полезно» [Караулов Ю.Н., 2001].

В последние годы, как известно, произошло заметное обновление лексического состава в газетно-публицистическом стиле русского языка. На социальные и экономические перемены в жизни нашей страны чутко реагирует и фразеологический состав языка, и его терминологический фонд. Это, прежде всего, заметное пополнение русского языка новыми, заимствованными из других языков словами (и словосочетаниями).

Одной из причин проникновения заимствований в язык является появление новых сфер деятельности. Часто такие иноязычные слова относятся исключительно к профессиональной лексике. Особенно часто употребляются слова, принадлежащие к экономической, технической сферам.

Международный обмен языковыми ценностями – одна из важнейших черт развития языка. В современном русском языке в связи с внедрением Интернета, активной экономической и политической позицией, которую занимает Россия на мировой арене в последние десятилетия, и увеличением количества международных контактов, активизируется процесс заимствования.

Молодежь всегда отличалась стремлением к самовыражению и выделению своей субкультуры. Молодые люди активно влияют на формирование своего образа в глазах окружающих.

Индивидуализация речи каждого носителя языка обусловлена влиянием множества факторов (гендерных, возрастных, психологических, территориальных, образовательных и профессиональных), одни из которых связаны с ситуацией общения, другие – с постоянными характеристиками человека, общества и языковой системы [Иванцова Е.В., 2010].

Иноязычная лексика является одним из важнейших источников пополнения лексикона личности студента. Это объясняется не только лингвистическими, но экстралингвистическими факторами.

По утверждению В.Г. Костомарова, «как и в большинстве стран мира, США в сознании россиян, особенно молодежи, все более укореняются в качестве центра, излучающего если не законодательно, то привлекательно технические новшества, образцы общественного порядка и экономического процветания, стандарты жизненного уровня, эстетические представления, эталоны культуры, вкусы, манеры поведения и общения»[Костомаров В.Г., 1999].

Процессам заимствования в современной лингвистике посвящены многие теоретические исследования. Активизация межъязыкового контактирования характерна для русского языка последних десятилетий XX и начала XXI веков. Следствием этого оказалось проникновение в русский язык значительного количества иноязычной лексики, что, в свою очередь, поставило необходимость их изучения (В.В. Колесов, В.Г. Костомаров, Л.П. Крысин, С.М. Любощиц, И.О. Наумова, Н.В. Новикова, М. Осоргин, С.В. Подчасова, Р.Н. Попов, Г.Н. Скляревская, И.С. Улуханов, А.Д. Васильев, В.А. Чеснокова, Т.В. Новикова (2003), Г.Е. Шилова (2005), Е.В. Маринова (2008), Е.А. Калиновская (2011) и др.). Следует отметить не только интенсивность самого процесса языкового заимствования, но и активизацию употребления в речи носителей русского языка ранее заимствованных слов.

Интерес для исследования представляют отдельные стороны данного языкового явления: заимствование в аспекте культуры речи, функционирование заимствований в текстах разных функциональных стилях (в том числе в средствах массовой информации, социолингвистический аспект функционирования заимствований (Л.П. Крысин, Г.Н. Скляревская, Л. Ферм, М.И. Черкасова, О.Г. Щитова и др.).

Кроме того, изучаются проблемы языка газеты, газетных жанров (В.Г. Костомаров; Л.П. Лысакова; Г.Я. Солганик и др.).

Целью данной работы является выявление характерных черт функционирования новейшей ксенолексики (иноязычных неологизмов) в публицистической деятельности журналистов в современном студенческом газетном дискурсе.

Обратимся к понятию *новейшая ксенолексика*.

Для лексических единиц иноязычного происхождения, употребляющихся в русском языке последних двух десятилетий, более подходят общепринятые терминологические сочетания иноязычные слова, слова иноязычного происхождения. Вслед за О.Г. Щитовой мы используем однословный термин ксенолексика (греч. ξένος ‘чужой’). Термин *ксенолексика* имеет более широкое значение по сравнению с термином заимствование [Щитова О.Г., 2003].

В объем понятия *ксенолексика* входят слова иноязычного происхождения, находящиеся как на самых ранних, так и на поздних этапах ассимиляции в языке-реципиенте (принимающем языке): иноязычные вкрапления, иностранные слова (варваризмы), экзотизмы, заимствованные слова [Щитова О.Г., 2012].

Journal of International Scientific Publications:
Language, Individual & Society, Volume 6, Part 2
ISSN 1313-2547, Published at: <http://www.scientific-publications.net>

Материалом для исследования послужили тексты томской городской студенческой газеты «Университи».

Лексика публицистики интенсивно пополняется иноязычными словами преимущественно английского (американского) происхождения: журнал *AutoWeek*, *ди-джей*, *The best, ноу-хай, ньюсмейкер, рейсинг, секонд-хенд, саммит, топ-10, секондхаус* «Нередко эти магазины прячутся в каких-нибудь переулках, в секондхаусах – не очень фешенебельных зданиях», *фастфуд, фриланс, холдинг, хостел*.

Особенно активно процесс заимствования происходит в денотативных сферах: компьютерной (*торрент-трекер, модем, тюнинг*); спортивной (*джампинг, драйв, паркур, руфинг*); медицинской (*интернет-аддиктивное (зависимое) поведение*); экономической (*билборд, дефолт, инвестиции, ротация, платежная система «CITY MONEY»*); культурной (*продактплейсмент, рэп, трек, хастл*); бытовой (бытовая техника (*айфон, блендер, гриль, питчер, темпер, холдер, шейкер*), одежда и обувь (*ботильоны, бренд, милитари, casual, тренд*), образовательной (*бакалаев, кампус, магистратура*), в наименованиях лиц (*бариста, копирайтер, менеджер, ньюсмейкер, руфер*)).

За основу взята классификация функционирования иноязычной лексики в русском языке В.Р. Богословской [Богословская В.Р., 2003].

1. Группа номинативных функций.

Эта группа ориентирована на отношение «знак – предмет» и включает в себя следующие функции терминологическую, информативную, заместительную:

1.1. Терминологическая функция заключается в обозначении специальных понятий, используемых в определённой сфере деятельности:

билборд (термин рекламного дела) ‘рекламный щит на улицах городов’: «Огромные « билборды » на проспекте Ленина»,

casual (moda): «В основном модели в моей коллекции были представлены в стиле casual. Это так называемая «уличная одежда»,

ニュースメイカー (журналистика) ‘автор новостной ленты’: «У нас есть сотрудники, которые в месяц зарабатывают стабильно по 45–50 тыс. рублей, – сказал наш ньюсмейкер».

1.2. Информативная функция включает в себя познавательную, указательно-выделительную, металингвистическую.

Слово *фриланс* ‘работа без определенного графика’ выполняет указательно-выделительную функцию, так как является идеографическим синонимом, уточняющим, конкретизирующим слово *работа* (лексема *фриланс* не зафиксирована в словарях [Крысин Л.П., 2008]). «Нашлась другая работа в той же сфере. От фриланса тоже никогда не отказывается – денег лишних не бывает».

Лексема *рейсинг* ‘скоростные гонки’ выполняет указательно-выделительную функцию, так как является идеографическим синонимом, уточняющим слово *гонки*. «Посоревноваться в мощности, красоте и профессионализме водители имеют возможность на ежегодных *рейсинг-заездах*» [7. №3, 27.02.2010. С. 10].

Номинация *аниме* ‘японская анимация’ заимствована в русский язык через японское **アニメ** (инф.) [*anjime*], от англ. *animation* ‘анимация’. В отличие от мультфильмов других стран,

предназначенных в основном для просмотра детьми, большая часть выпускаемого аниме рассчитана на подростковую и взрослую аудитории, и во многом за счёт этого имеет высокую популярность в мире [<http://ru.wikipedia.org/wiki/Аниме>]. «*Нынешняя популярность аниме (японский язык) в России на самом деле никакой не феномен*».

Слово *аниме* выполняет в тексте указательно-выделительную функцию, так как оно является уточняющим, конкретизирующим лексему *анимация* (именно японская).

1.3. Заместительная, или синонимо-дифференцирующая, функция иноязычного слова реализуется в тексте, если оно используется в качестве синонима по отношению к исконно русским или ранее заимствованным словам.

Данную функцию выполняет англизм *руфер* – (от англ. roof ‘крыша’) – *крышелаз*, *крышер*: «Прогулки по крышам, они же крышинг – движение, распространенное в основном в крупных городах России. В русском языке нет устоявшегося названия для людей, увлекающихся этим занятием. Их называют «руферы», «крышелазы», «крышеры» и т. д. Но в нашем Томске также есть руферы»;

Лексема *TV-чат* – (от англ. chat ‘разговор’) средство для общения пользователей по сети в режиме реального времени, а также программное обеспечение, позволяющее организовывать такое общение в данном контексте выполняет не только синонимо-дифференциирующую функцию (заменяя русское слово разговор), но и экзотическую (использование латиницы для привлечения внимания читателей). *TV-чат* – «*Впервые TV-чат вышел в эфир 12 декабря 2003 года*».

2. ГРУППА ПРАГМАТИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ.

Эта группа ориентирована на отношение «человек – знак» и представляет следующие функции.

2.1. Экспрессивная функция включает в себя следующие частные функции: эмотивную, аттрактивную.

2.1.1. Эмотивная функция – выражение оценочного и эмоционального отношения субъекта речи к тому, что происходит во внешнем и внутреннем для него мире); разновидности данной функции: адмиративная (вызывающая восхищение) и репрессивная (приводящая раздражение читателя/слушателя).

Номинация *OK* ‘все отлично, хорошо’ реализует эмотивную адмиративную функцию. Цель употребления данной единицы – привлечь внимание читателя, показать восхищение каким-либо явлением, действием «SMS – и все *OK?*».

Слово *фейк* ‘подделка’ выполняет эмотивную репрессивную функцию. Эмотивная функция заключается в том, что оно показывает эмоциональное отношение к предмету автора публикации, репрессивная провоцирует раздражение читателя, так как возможно использование стилистически нейтрального синонима подделка. «*A! Это фэйк, для большего пафоса*».

2.1.2. Аттрактивная функция новейшей ксенолексики представлена в молодежном дискурсе языковой игрой. Под языковой игрой понимается осознанное нарушение нормы.

Игровая функция как разновидность эмотивной реализована в словосочетании «*заSALEнная* (цена)». Цель употребления данной единицы – привлечь внимание читателя при помощи

совмещения, наложения значений русского слова *засаленная* и иноязычного *sale* ‘скидка’. В данном случае для реализации языковой игры используются также паралингвистические средства, а именно иноязычная графика и капитализация (написание части слова заглавными буквами): «*Скидки в больших магазинах – это, конечно, хорошо, но даже заSALEнная цена не всегда приемлема для кошелька (если он есть) студента*».

В слове «*АНИМЕлочи*» выражена аттрактивная игровая функция как разновидность экспрессивной. Она реализована в заголовке статьи, который привлекает внимание читателя к публикации. Иноязычное слово *аниме* является производящей базой заголовка «*АНИМЕлочи*» образованного способом гаплогогии.

Аттрактивная функция включает в себя также суггестивную функцию.

Суггестивная функция (функция внушения) определяется способностью слова воздействовать на психику, умонастроения индивида и тем самым определять его действия. Эта функция реализуется в ритуальных речевых жанрах (заговорах, молитвах, мантрах), в формулах аутотренингового, «магнетического» или гипнотического внушения и т.п.

В рекламном слогане используется несколько ксенолексем (бренды, тренды, эксклюзив), которые совместно представляют суггестивную функцию лексики. Используя фонетически рифмующиеся лексемы, автор рекламного объявления при помощи суггестивной функции воздействует на психику читателя, «завораживает», «притягивает» внимание и взгляд читателя многократно, следовательно, определяя остановить свой выбор именно на данном магазине. [7. №18 19.06.2010. С. 14].

2.2. Эвфемистическая функция реализуется в тех случаях, когда лексические единицы иноязычного происхождения «маскируют» неприятные явления при их обозначении, заменяют табуированную лексику, вызывающую негативные эмоции, такие как страх, стыд, отвращение.

Англицизм латинского происхождения *абсентеизм* ‘уклонение от своих обязанностей’ заимствован в русский язык из английского через латинский язык (от лат. *absens* (*absentis*) – отсутствующий, англ. *absenteeism*). Политическое поведение, характеризующееся бездействием употреблен вместо слов, таких как *бездействие*, *равнодушие*, имеющих отрицательную коннотацию. Он маскирует негативный оттенок лексического значения подобных слов. [<http://ru.wikipedia.org/wiki/Абсентеизм>]. «*А абсентеизм, кстати, – это то, с чем Избирательная комиссия Томской области усиленно пытается бороться*».

Слово *пикап* ‘знакомство с целью соблазнения’ заимствовано в русский язык из английского языка (англ. *pick up* – разг. познакомиться).

Данный англицизм употребляется вместо исконно русского слова *соблазнение* (характеризующееся набором максимального количества «жертв»), имеющего отрицательную коннотацию. Слово *пикап* маскирует негативный оттенок лексического значения слова *соблазнение*.

«Пикап – это только соблазнение? Чтобы знакомиться, пикаперы пользуются заготовленными фразами. Пикаперы читают художественную литературу, развиваются по жизни, обогащают внутренний мир девушек. Есть ощущение, что пикаперы – сборище неудачников. Организовывать тренинги по пикапу – пока его единственный способ заработка. Пикап – это просто инструмент, а как его используют мужчины, зависит только от них».

2.3. Контактоустанавливающая функция (предназначение языка быть средством завязывания контактов между индивидами) включает рекогнитивную (функцию узнавания), или фатическую: «Эй, пипэлы...» (из студенческого анекдота). Лексема «пипэлы» заимствована из английского языка (people – люди). Для носителей молодежного сленга контактоустанавливающая функция проявляется в создании оппозиции «свои» – «чужие» и в опознании и индикации «своих». Для всех остальных на первый план выходит задача преодоления языкового барьера, получения своего рода допуска к информации.

3. Под стилистическими функциями часто понимаются текстообразующая и стилеобразующая.

Ксенолексика в речи современной молодежи выполняет стилистическую текстообразующую функцию, обеспечивая целостность текста и являясь средством связности текста студенческой газеты. «Пикап – это только соблазнение? Чтобы знакомиться, пикаперы пользуются заготовленными фразами. Однажды парень попал к пикаперам. В пикапе для знакомства есть фразы типа: «Я потерял своего белого коня. Вы его не видели?» Пикапом он больше не занимается?». В данном тексте иноязычный неологизм тематически «встраивается» в лексические средства, образуя с ними тематическое единство: *пикап, соблазнение, знакомство, тренинг, средство*; для связанности данного текста используется также лексический повтор: *пикап, пикапер*. Вследствие употребления иноязычного слова текст теряет отрицательную коннотацию.

Помимо этого, ксенолексика молодежного сленга выполняет в русском языке деривационную функцию, активно участвуя в словообразовании на русской почве, а также в образовании новых лексических значений (например: *крышер, крышинг, пикапер*, «В стиле *pin-up*» (англ. topinup – прикалывать, то есть плакат, прикалываемый на стену) – изображение красивой, часто полуобнажённой, девушки в определённом стиле. В русском языке употребляется для обозначения конкретного стиля американской графики середины XX века).

В студенческой газете, кроме книжной, употребляется и разговорная, а также просторечная (жаргонная) лексика: дрейфить – разг., шутл. то же, что не бойся; абита – прост, абитуриент др. Употребление иноязычного слова в качестве разговорного является свидетельством успешной ассимиляции его в русском языке.

Заимствуются в основном имена (больше – существительные (43), меньше – прилагательные (3), реже – глаголы).

Многие филологи (О. Н. Трубачев, Н. А. Ревенская, А. А. Региня) отмечают, что газеты изобилуют излишними иностранными словами, упрекают СМИ в чрезмерном увлечении заимствованиями из других языков, решительно возражают против терминологической избыточности (*рынок–маркетинг, оценка–рейтинг*), протестуют против потока иностранных слов “от стагнации до презентации” и “от брифинга до консорциума”, заполонивших повседневную русскую речь [Изюмская С.С., 2001].

Journal of International Scientific Publications:
Language, Individual & Society, Volume 6, Part 2
ISSN 1313-2547, Published at: <http://www.scientific-publications.net>

Наиболее большой группой новообразований современного русского языка являются неологизмы-заимствования, которые связаны с изменениями в нашей социально-экономической, политической, культурной и духовной жизни. В основном это американизмы и англизмы (*имиджмейкер, мультиплекс, тюнинг*).

В русском языке функционируют не только иноязычные слова, но и иноязычные словообразовательные элементы (приставки *супер-, мега-*; суффиксы *-инг, -ер*, суффиксоиды *-мейкер, -мен* и др.): *суперигра, мегапроект, брифинг, инжиниринг, кастинг, майнинг, тренинг, крышинг* (образование собственно русского слова на базе исконно русского слова при помощи иноязычного суффикса); *имиджмейкер, крышер, ньюсмейкер, плеймейкер, хитмейкер, спайдермен, шоумен*.

Процесс освоения иноязычных слов русским языком обогащает родной язык, делает его еще более ёмким, выразительным и развитым. Это не только восприятие слов из других языков, но и их творческое освоение на всех уровнях языковой системы, формальное и семантическое преобразование в соответствии с самобытными, исконными особенностями русского языка и высокой степенью его развития.

В заключение можно сказать, что особенностью функционирования иноязычной (ксенолексики) лексики является разнообразие реализованных общих и частных функций в современной студенческой газете (номинативной, экспрессивной, эмотивной, терминологической, эвфемистической, суггестивной), а также совмещение различных функций: экзотической и заместительной, эвфемистической и текстообразующей.

Многочисленные англо-американизмы, проникающие в русский язык – явление закономерное, отражающее активизировавшиеся в последнее десятилетие экономические, политические, культурные, общественные связи и взаимоотношения России с другими странами, в частности с Америкой.

Список использованной литературы

Богословская В.Р. Англицизмы в русской спортивной лингвокультуре 20 века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2003. – 105 с.

Википедия [Электронный ресурс]. URL <http://ru.wikipedia.org/wiki/Абсентеизм>; <http://ru.wikipedia.org/wiki/Аниме>; [http://ru.wikipedia.org/wiki/Пикап_\(себлазнение\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Пикап_(себлазнение)) (дата обращения: 29.03.2012).

Иванцова Е.В. Лингвоперсонология. Основы теории языковой личности. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2010. – 158 с.

Изюмская С.С. “Вечный” вопрос о мере использования иноязычных слов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rustranslater.net/index.php?object=stat2> (дата обращения: 29.03.2012).

Караулов Ю.С. О состоянии современного русского языка // Русская речь. 2001. № 3. С. 25–30.

Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. – СПб.: Изд-во , 1999. – 320 с.

Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. – М.: Русский язык, 2008. – 856 с.

Университети. – Томск: Дом молодежи, 2010–2012. – № 2–77.

Journal of International Scientific Publications:
Language, Individual & Society, Volume 6, Part 2
ISSN 1313-2547, Published at: <http://www.scientific-publications.net>

Шмелева Е.Я. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник. М.: Флинта: Наука, 2003. 840с.

Щитова О.Г. Новейшая ксенолексика в современном русском языке: таксономический аспект. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2003. – Вып. 2. – Ч. 1. – С. 331–339.

Щитова О.Г. Новейшая ксенолексика в русской речи XXI века: к определению объема понятия [Электронный ресурс]. URL: <http://sjs.tpu.ru/journal/article/view/237/234> (дата обращения: 26.03.2012).

THE VISUAL LANGUAGE OF ADVERTISING COMMUNICATIONS

Svetlana V.Pryshchenko

Department of graphic design and advertising,

National Academy of Managerial staff of culture and arts,

21 I.Mazepa str., Kyiv 01015, Ukraine. E-mail: akademiki@ukr.net

Abstract

This article serves a purpose of analyzing Advertising communications issues in the context of mass culture: prevalence of stereotype, primitiveness and vulgarity, depersonalization of national image. The stylistic aspects and the development trends of modern Advertising graphic have been considered. And the emphasis was made on analyzing and instantiation of composition means, specific Art style attributes presence and national characters. The author has noted that the use of pictorial means in Advertising for sales promotion is a complex task, relative to the necessity of the directional psychoemotional and associative influence on consumers of different social classes, with consideration of their ethnocultural traditions.

Key words: Ad communication, mass culture, Ad graphics, visual language of Advertising, image, stylistic trends, Ad aesthetics, ethnocultural traditions, neofolk, Ad graphic design.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы. Главная цель рекламы – получение прибыли от продажи товара или услуги. Несмотря на это, она имеет не только коммерческую составляющую, – не менее важной, а возможно, более важной на сегодняшний день в жизни общества выявляется **культурологическая составляющая рекламы** и её важная воспитательная функция. Реклама является продуктом культуры, и одновременно, её зеркалом, отображающим моральные нормы и систему ценностей социума. Именно на культурной и мировоззренческой платформах должна базироваться визуализация рекламной идеи.

В XX веке промышленное производство ориентировалось, в основном, на количественный выпуск продукции, а реклама выполняла большей частью информативную функцию, подчеркивая одновременно физические характеристики товаров и услуг или их утилитарность (полезность). На границе II–III тысячелетий ориентация производства на социальные группы потребителей, существенное изменение политики сбыта обусловили и смену заданий и характера рекламы: на первый план выходят и становятся актуальными социально-психологические, культурные и эстетические факторы. Сегодня потенциальные клиенты и потребители должны получить от рекламы не столько **рациональный** сигнал, сколько **эмоциональный**. Данный период ознаменовался глобальным кризисом потребления. Реклама в этих условиях становится чересчур агрессивной, навязчивой, эпатажной, часто неэтичной.

В современном информационном пространстве визуальные рекламные коммуникации становятся одними из важнейших элементов идентификации товаров, услуг и их производителей. В начале XXI ст. они приобрели особую динамику – Интернет-реклама и электронные издания стремительно вытесняют традиционную печатную рекламу. Постепенно

сформировался **рекламный дизайн**, который объединяет достижения искусства и коммерческого дизайна (стайлинга). Известное высказывание «Уродливое плохо продаётся» выдающегося американского дизайнера и рекламиста Реймонда Лоуи наиболее точно определяло задачи коммерческого дизайна США в середине XX века. Целью его было привлечение потребителей и повышение сбыта за счет слишком яркого внешнего вида, часто не соответствующего внутреннему содержанию. Однако, не смотря на чересчур прагматический подход к формообразованию, деятельность американских дизайнеров, маркетологов и менеджеров дает бесценный опыт учета психологии потребителя и умения воплощать его стилевые предпочтения.

Противником стайлинга выступил дизайнер Виктор Папанек, теперь всемирно известный, который еще в 1970-х годах философски осмыслил суть дизайн-деятельности, и в частности рекламного дизайна: «...в эпоху массового производства, когда все должно быть спланировано и спроектировано, дизайн стал самым действенным средством, используя который человек создает новые инструменты, изменяет окружающую среду и, как следствие, изменяет общество и самого себя. Это налагает на дизайнера серьезную общественную и моральную ответственность. Кроме того, требует от дизайнера большего понимания проблем потребителей [Папанек, 2004]».

Рекламный дизайн как специфическая разновидность графического дизайна, где интегрируются дизайн, маркетинг, рекламные стратегии, социология, психология и культурология, занимает теперь позицию лидера среди других видов дизайна благодаря развитию рекламного бизнеса. Возникнув из прагматической необходимости массового производства, он стал социокультурным явлением, который состоит из трех направлений [Костина, 2003]:

- утилитарно-потребительского;
- знаково-эстетического;
- визуально-информационного.

Реклама, будучи средством массовой информации, играет ведущую роль в формировании представлений современного человека об окружающем мире. Коммуникативная функция рекламы проявляется в целенаправленном, системном информативном влиянии на целевую аудиторию с целью изменения поведения её представителей. Однако, визуальный язык рекламы существенно изменился в соответствии со сложными и противоречивыми процессами глобализации на протяжении прошлого века. Современный вид рекламных обращений значительно отличается от рекламы предыдущих столетий и по изобразительным средствам, и по методам психологического влияния на потребителей. Поэтому проблемы национального стиля в рекламе необходимо рассматривать целостно в социокультурном контексте. Наше мнение полностью совпадает с утверждением философа, профессора Юрия Афанасьева, который отрицает определение этнодизайна как возрождение народных ремесленных традиций. Он отмечает, что «... транснациональные корпорации, лукаво играя на чувствах местных жителей, делают вид, что таким образом популяризуется национальная культура – на самом деле выхолащивается культурное содержание стилистических элементов и они превращаются в экзотический декор [Афанасьев, 2011]».

Цель статьи – охарактеризовать проблемы рекламных коммуникаций в контексте массовой культуры, стилистические аспекты и тенденции развития современной рекламной графики.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование культурно-эстетической компоненты рекламной отрасли имеет целью систематизацию визуальных средств рекламного информирования и комплексное определение их функциональной и изобразительной специфики в коммуникативном пространстве. Автор статьи впервые рассматривает рекламную графику не с позиций экономики, маркетинга или менеджмента, а с точки зрения её художественно-эстетического уровня. Анализ изданий и публикаций позволяет сделать выводы про недостаточный уровень исследований эстетических аспектов рекламных коммуникаций и связь их с региональной ментальностью. Научные работы гуманитарного и искусствоведческого направлений не раскрывают влияния художественных стилей на рекламную графику и причин формирования ее стилистики. Не умаляя значимости отдельных работ, важно подчеркнуть, что пока вне поля зрения остаются такие актуальные и важные вопросы, как **закономерности развития** визуального языка рекламы, мотивация потребителей и пути нахождения соответствующих изобразительных средств в процессе создания рекламной продукции для раскрытия рекламной идеи. Учебные издания в первую очередь рассчитаны на руководителей фирм, предпринимателей, менеджеров, маркетологов и студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Реклама», а не на дизайнеров рекламной отрасли.

Ближайшей перспективой можно определить изучение дизайнерами основ маркетинга и рекламной деятельности в структуре дисциплины «Дизайн рекламы», концепцию которой предложила автор данной статьи еще в 2006 году. Интересно, что уже с 2009 года работодатели Киева в вакансиях предпочтение отдают **дизайнерам-маркетологам**, хотя ни одно учебное заведение Украины и России таких специалистов пока не готовит. Отметим, что главным требованием к современному дизайнеру в условиях жесткой конкуренции (чего не было при плановой экономике) является не только художественный вкус и генерация творческих идей, а и способность анализировать и прогнозировать развитие дизайна в определенных направлениях, как общих – относительно возникновения или развития нового стиля, так и узкоспециализированных, например, стилистических тенденций в рекламе, упаковке, WEB-дизайне, интерьере; проводить анализ рынка и учитывать опыт конкурентов, давать предложения, делать выводы по внедрению и эффективности проведенных фирмой рекламных кампаний и презентаций, ребрендинга продукции или предприятия в целом.

Если определять профессионализм с учетом современного рынка, то это три важных аспекта как базовые компоненты: графическая дизайн-подготовка, социологическая и маркетинговая составляющие, при этом необходимо отметить, что без социологического и маркетингового фундамента дизайнер-график может быть прекрасным художником, но не дизайнером рекламы. Готовых рекламных идей, которыми стараются привлечь новичков бизнесе, не существует – каждая рекламная идея зависит от товара (услуги) и комплекса социальных, экономических и культурных факторов, то есть позиционирования на рынке. Разработать оригинальную и эффективную рекламу достаточно сложно даже для профессионалов, так как рекламное обращение должно быть конечным продуктом целого ряда исследований.

Для комплексного изучения визуальных рекламных коммуникаций автором статьи определены следующие методологические подходы:

- **системно-структурный подход**, который дает возможность исследование рекламного дизайна как сферы деятельности и на уровне анализа отдельных факторов, и на уровне их синтеза;

- **социокультурный подход** к эволюции изобразительных средств рекламного информирования позволит понимать рекламную графику как отражение исторических, социокультурных, экономических, политических этапов развития общества. Реклама, как и дизайн, всегда имеет идеологическую платформу;
- рекламную графику следует рассматривать не только как явление культуры на уровне констатации факта или как создание внешне привлекательного изображения, а как производный продукт, обусловленный совокупностью ценностей и норм конкретного исторического периода определенного региона, используя **аксиологический подход**;
- **историко-искусствоведческий подход** имеет значение в раскрытии значительного влияния художественных стилей на рекламное творчество;
- **цвето-графический подход** необходим для стилистического анализа организации рекламной плоскости (композиционного, колористического и шрифтового решений).

Выявлено, что генезис рекламной графики как формы социокультурных коммуникаций обусловлен целым рядом факторов, среди которых основными детерминантами выступают экономические, политические, социальные и культурные этапы развития социума:

- прагматические, в зависимости от существующих товарно-экономических отношений, развития каналов коммуникаций и конкретных коммерческих заданий;
- культурологические, в зависимости от социокультурных реалий определенных форм общественных систем и национально-психологических аспектов ментальных групп;
- эстетические, в зависимости от идеологических платформ и исторических процессов развития общества, влияющих на трансформацию социальных структур, духовной и материальной культуры, а также на формирование художественных стилей.

Роман Сапенько рассматривает коммуникативные, семиотические и культурно-эстетические аспекты рекламы, отмечая, что «стержнем и ядром любого рекламного сообщения является аксиологический комплекс посредством которого реклама может прикоснуться к индивидуальным ценностям и стремлениям потребителей. Этот комплекс является базисом для всех остальных элементов мира рекламы [Сапенько, 2005]». Следует добавить, что реклама сегодня активно формирует моду на определенный стиль жизни, социальное поведение, принципы потребления и моральные нормы.

Высокий художественный уровень достигается не за счет внешней «красивости», а благодаря глубокому проникновению (инсайту) в суть товара или услуги, которые необходимо прорекламировать. Каждый человек имеет собственные идеальные образы товаров и услуг и мотивацию совершения покупок. И очень многое зависит от того, насколько дизайнер рекламы сможет совершить коммуникативную функцию передачи необходимой информации потребителю. Предметом информации является не просто изображение, а его содержательное наполнение, поскольку просто оригинальная картинка может и не выполнить рекламную функцию. Перед дизайнером стоит сложная задача создания определенного визуального образа, который соответствовал бы определенному содержанию и определенной культуре.

Основной проблемой рекламного творчества является противоречие между коммерцией и эстетикой. Для эффективности рекламы необходимы два фактора: содержание должно полностью соответствовать выбранной цели рекламы и быть ориентированным на выбранный сегмент рынка. Еще одним существенным недостатком является дисбаланс между эстетической

Journal of International Scientific Publications:
Language, Individual & Society, Volume 6, Part 2
ISSN 1313-2547, Published at: <http://www.scientific-publications.net>

и коммерческой эффективностью рекламы: можно привести не один пример, когда рекламное обращение создано по законам композиции, но оно не работает, товар не покупается, потому что визуально рекламная идея не решена, не определено позиционирование, не найдены рациональные или эмоциональные моменты влияния на целевую аудиторию. Зарубежная реклама, адаптированная к рынкам постсоветских стран, сделана на более высоком профессиональном уровне и апробирована на точность визуализации идеи в течение многих лет. «Произошла значительная коммерциализация, что отразилось на состоянии и характере массовой культуры. Вследствие существенных экономических трудностей, сложностей начала процесса государственности, которые переживала наша страна в конце 80–90-х годов прошлого века, Украина утратила контроль над производством собственного массового культурного продукта и его распространения, отдавши это почти полностью на откуп западным, прежде всего американским, и российским производителям [Кушнарёва, 2009]».

Для понимания рекламных сообщений большое значение имеют семантические аспекты, эмоциональные ассоциации, культурные и социальные корни, которые объединяются в общее, комплексное восприятие. Это отмечают и профессионалы высокого уровня, например, Кен Като, австралийский дизайнер мирового уровня, который еще в 2007 году на Международной конференции HiBrand «Нестандартные брендинговые стратегии» в Москве акцентировал внимание на использовании в рекламном дизайне синергетических решений [21], то есть нахождении ассоциативных моментов в арсенале художественных образов и использовании возможностей рекламных технологий, которые в совокупности составляют совсем другое впечатление, чем использованные по отдельности.

Рекламное искусство можно определить как компромисс элитарного искусства с высокими идеалами и массового, «что попроще» и ориентировано на потребителя, не имеющего высокие культурный и интеллектуальный уровни. Например, человеку без образования, простого физического труда более понятным будет рекламный плакат с использованием фотографии предлагаемого предмета, чем сложная формальная композиция из геометрических элементов, тем более ассоциативная. Из этого вытекает важное положение – социальный аспект эстетического восприятия задает художественно-выразительные средства рекламного обращения [Прищенко, 2007]. Рекламная графика, опираясь на достижения элитарного искусства, вносит в обычное массовое сознание упрощенные и модифицированные элементы, тем самым популяризируя и приближая его к массовому искусству. Часто такая реклама достаточно сложная, непонятная для большинства потребителей, что противоречит логике рекламной информации, ведь по своей сути рекламное обращение это лаконичное и привлекательное отражение характеристик продукта или услуг, оно должно продавать, а не быть только «шедевром искусства». Рекламное искусство априори не может быть элитарным, оно рассчитано на массовое восприятие, среднее сознание, стандартизированное коллективное поведение и должно быть доступно всем. В рекламе эстетическое восприятие потребителя ориентировано на мифическое и иллюзорное представление о жизни. Особенную роль в этом процессе играет создание имиджа – идеального образа компании, торговой марки, личности, предмета. Многим потребителям нужны не рекламируемые товары, а их имиджи, символы престижа, возможность таким образом создавать определенный стиль жизни [Костина, 2003].

Сегодня рекламная графика является разновидностью функционально направленной коммуникативной деятельности, однако её стилистика вызывает много замечаний с эстетической точки зрения. Оценивая большую часть рекламных обращений, можно сказать, что они выполнены ниже среднего уровня, очень перегружены элементами и вспомнить их практически невозможно из-за отсутствия оригинальных идей, стилистической выдержанности,

лаконичности и цветовой гармонии. В отличие от произведений искусства, которые уникальны и не терпят процессов стандартизации и уравнивания, произведения массовой культуры повторямы, шаблонны, стереотипны, игнорируют своеобразие. Они отвлекают, забавляют и создают иллюзии, которые реально не могут быть достигнуты [Стефанов, 1973].

Экспансия американской идеологии стала уже не только очевидной, но и опасной. Общество массового потребления непрерывно потребляет. Это уже стало смыслом жизни. Мнения многих работников сферы образования и культуры Украины, России, Белоруссии свидетельствуют про недостаточный культурный уровень подростков и молодежи, отсутствие у большинства уважения к родной культуре и интереса к народным традициям, символам и искусству, прямое копирование чужих для нас образа жизни, моральных ценностей, преобладание образов и поведения персонажей кино и рекламы. Известный факт, что отсутствие собственной народной культуры и национальных традиций в США а вместо этого определенные привычки и пристрастия разноэтнических переселенцев привели к «суммарному продукту», который культивируется и насаждается по всему миру.

Также следует отметить, что в рекламном дизайне продолжает преобладать стилевой хаос – склонность к чрезмерному иллюстрированию, желание соединить в одном рекламном сообщении разные композиционные принципы, формы из разных исторических эпох (ажурные арабские переплетения, орнаменты барокко, украинского ткачества, африканскую малую пластику, компьютерные текстуры, плохо стилизованные природные формы и т.д.). Графические, колористические, композиционные, языковые, семантические средства должны объединяться и обеспечивать эстетическое формообразование рекламной продукции.

Поскольку реклама эволюционировала от иллюстративного сопровождения коммерческой информации до появления новых стилей (или псевдостилей) в рамках массовой культуры II пол. XX – начала XXI ст., в этом контексте выявлены существенные недостатки рекламной графики: преобладание стереотипности, примитивности, вульгарности и фактическое отсутствие национального имиджа у многих стран. В целом, анализируя рекламную среду данного периода, можно сделать вывод, что в ней господствуют поп-арт, китч, эклектика. Тут следует подчеркнуть, что эклектический принцип считается философией современности.

В условиях социокультурной динамики можно наблюдать некоторую «размытость» стилевых направлений или полное их отсутствие, что обобщенно определяется термином «постмодернизм» как наличие характерного эклектизма в постиндустриальном обществе. Постмодернизм имеет собственные типологические признаки: использование готовых изобразительных форм, распространение фотографии и компьютерных спецэффектов (постерилизации, соляризации, изменения цветового диапазона, светящихся букв, цветных контуров, прозрачности, имитации большого количества материалов и техник), заимствование идей из других видов искусств, ремейк, интерпретация, комбинация, фрагментарность, эпатаж, инсталляция, коллажность и тиражирование. Сейчас рамки постмодернизма расширены, происходит формирование новых стилистических тенденций в архитектуре, искусстве, дизайне и рекламе за счет сознательного синтеза в использовании разнообразных элементов, распространяются ирония и придание старым формам нового контекста, сущность цветовой гармонии усложняется, увеличивается количество жанров, переосмысливаются художественные традиции, не исключают друг друга, сосуществуют и оказывают взаимное влияние разные культурные системы, происходит диалог культур.

Необходимо отметить, что в существующих публикациях понятие стиля не обозначается и не характеризуется относительно визуальных рекламных коммуникаций. Если стиль является

совокупностью средств выразительности, присущую произведениям изобразительного или декоративного искусства, архитектуры, объектам дизайна, отдельному автору или группе авторов, школе, направлению, то **стилистику рекламного обращения** можно четко определить четырьмя параметрами: средствами организации плоскости, цветовой гаммой, изобразительными элементами, наличием признаков определенного художественного стиля [Прищенко, 2011]. Среди изобразительных средств рекламы следует выделить три основных – это фото, графика (рисованные элементы) и шрифт (или их комбинация, что встречается чаще всего). Цвет в рекламе имеет психоэмоциональные, ассоциативные и семантические аспекты, которые основываются на физиологическом, архетипическом и историко-культурологическом уровнях. В «эру эмоциональных покупок» цвет становится мощным психологическим инструментом влияния на потребителя. В процессе разработки объектов рекламного дизайна следует учитывать функции цвета в рекламе:

- выразительную – на этапе привлечения внимания;
- психофизиологическую – на этапе восприятия объектов и обобщения форм до простых геометрических фигур;
- эмоциональную – на этапе восприятия прямо- и криволинейных силуэтов в цвете и тоне;
- информативную – на этапе формирования интересов потребителей;
- позитивно-эстетическую – на этапе готовности к совершению покупок.

Систематизация и классификация рекламных обращений XVIII–XX веков позволяет определить хронологическую этапность в выборе изобразительных средств и сделать выводы про значительное заимствование рекламой стилеобразующих признаков [Прищенко, 2011]:

- I этап – наиболее продолжительный (XVIII–XIX ст.), исключительно реалистический, реклама тогда мало чем отличалась от произведений изобразительного искусства (живописи, графики);
- II этап (нач. XX ст. – II пол. XX ст.) – формальный, который основывался на использовании средств авангардного искусства, преимущественно конструктивизма и супрематизма;
- III этап (II пол. – кон. XX ст.) – синтетический, который соединял разнообразные изобразительные средства предыдущих этапов;
- IV этап (кон. XX – нач. XXI ст.) – образно-ассоциативный, в котором на первое место вышли художественная образность, эмоциональность и оригинальность выбранных изобразительных средств, дополненных компьютерными спецэффектами. Среди современных рекламных технологий можно назвать использование ассоциации, аллегории, метафоры, метонимии, гиперболы. Рекламная серия водки «Smirnoff» 1990-х годов может быть ярким примером оригинальных образов, которые сразу запомнились.

Сформировалось и закрепилось негативное явление **псевдонационализации** (например, можно выделить псевдоукраинский, псевдорусский, псевдояпонский, псевдовосточный стили). В рекламе постсоветских стран чаще всего встречается эклектика как механическое соединение элементов разных культур: восточной, и частности японской, египетской, африканской, греческой, индийской, и конечно украинской. Например, в Украине появились названия «Японахата» (сеть суши-баров, которая позиционирует себя как национальная?),

Journal of International Scientific Publications:
Language, Individual & Society, Volume 6, Part 2
ISSN 1313-2547, Published at: <http://www.scientific-publications.net>

«Японарушничок», выражения «с легким влиянием украинских этномотивов», «шароварщина» с устойчивым отрицательным смыслом.

На протяжении XX века доминировали понятия интернациональной сути дизайна, поэтому в индустриальную эпоху наиболее интересные достижения формообразования в дизайне, в том числе и цветообразования, были именно интернациональными, в так называемом «интернациональном» стиле, основой для которого послужила швейцарская графическая модель [Косив, 2002]. Её основные принципы – организация формата по модульной сетке, минимальное количество используемых форм и цветов, шрифты без засечек. Швейцарская графическая модель, по мнению автора статьи, очень близко перекликается с принципами организации плоскости в украинском и российском конструктивизме.

Сегодня минималистический стиль в постсоциалистических странах использует и повторяет лучшие примеры европейских дизайнеров – контрастные цветовые сочетания и подчеркнуто асимметричную композиционную организацию плоскости во многих разновидностях рекламной продукции: плакатах, календарях, каталогах, обложках книг и периодических изданий, рекламных листовках, буклетах, приглашениях, сувенирах. Но сейчас, когда производители ориентируются на малотиражированные изделия, уже становится возможным разграничение национальной стилистики. Европоцентризм теряет свою актуальность, дизайнеры и художники проявляют интерес к восточным и южным культурам. В последнее время идея регионального (или национального) стиля получает все большее распространение. Но это характерно для регионов с сохранившимися древними традициями в народном искусстве и ремеслах.

Использование этномотивов в рекламной графике должно быть не просто «украшательством» рекламной продукции, а поисками национальной визуальной формы, сохранением региональных культурных ценностей в современной жизни. К числу основных перспективных направлений относятся появление и развитие рекламных концепций, элементов дизайна, которые соответствуют региональным особенностям и требованиям местного потребителя на рынке продуктов питания, одежды и обуви, аксессуаров, алкоголя, ресторанов и отелей. Совершенно дико и бессмысленно «национализировать» те объекты, которые производятся в других странах, например, «Лексус в Украине» или «Самсунг в Украине».

Выделим два основных проблемных аспекта использования национальных символов в дизайне и рекламе любой страны:

1. семантический – качество и достоверность интерпретации этномотивов родной культуры в объектах дизайна и рекламы, то есть обоснованная органичная связь «формы и содержания»;
2. имиджевый – визуальная идентификация государства в мировом пространстве, узнавание его товаров и услуг.

Например, неорусский стиль конца XIX – начала XX ст. соединял эстетику модерна с древнерусским и народным искусством, в дальнейшем неорусский стиль существовал в рамках модерна и получил название «русский модерн». Мебель в неорусском стиле впервые появилась на международной выставке 1867 г. в Париже, и в последующем всегда вызывала интерес европейцев. Специалисты того времени отмечали стремление России создать свой собственный стиль, основанный на национальных элементах. Неорусский стиль проявился и в книжной, и в рекламной графике. Необходимо упомянуть иллюстрации и рекламные плакаты И.Билибина, М.Врубеля, Ф.Шехтель иллюстрировал рассказы А.П.Чехова. Искусство плаката развивалось в

Journal of International Scientific Publications:
Language, Individual & Society, Volume 6, Part 2
ISSN 1313-2547, Published at: <http://www.scientific-publications.net>

стиле модерн, который влиял на графический язык и художественную выразительность рекламы. С интересом в этой сфере работали также Лансере, Васнецов, Бакст, Фешин, Сомов, Кустодиев.

И в европейском модерне иногда встречались сочетания орнаментальных форм с местными орнаментальными мотивами, а украинский модерн, к сожалению, оказался малоизученным и практически забытым стилем. Однако, следует принципиально разграничивать понятия НЕО и ПСЕВДО. Использование в контексте возрождения и переосмысливания элементов исторических стилей (неоренессанса, неоклассицизма, необарокко, неорококо, неоготики, неомавританского или неовизантийского стиля) в корне отличается от псевдостилистики, когда механично используются или соединяются элементы существующих стилей.

На основе проведенного историко-культурологического анализа примеров мировой рекламы XIX–XX ст. можно сделать выводы, что на формирование стилистики рекламной графики значительное влияние оказали книжная графика и некоторые художественные стили, в частности модерн и авангардные течения в архитектуре и живописи, особенно конструктивизм, а в Украине также художественные ремесла и народное декоративно-прикладное творчество, которые постепенно переросли в промышленное производство, утратив при этом рукотворную ценность. В условиях интенсивного развития капиталистических отношений в Украине промышленность ориентировалась, в основном, на художественные ремесла и народное творчество [Антонович, 1992] – традиционные и наиболее совершенные формы, цветовые сочетания, мотивы геометрического или геометризованных растительных, зооморфных орнаментов, которые сложились на протяжении столетий. На рубеже XIX–XX ст. украинская национальная школа в своем развитии прошла стремительный путь, освоив все те этапы западноевропейского процесса, которые последовательно сменяли друг друга в Европе на протяжении почти столетия – активно развивался коммерческий плакат, который рекламировал промышленные товары, кондитерские изделия, сигареты, напитки, средства гигиены и косметику. Интересным примером украинского стиля является карта вин, где стиль модерн сочетается с национальными геометрическими мотивами.

Модерн получил распространение на украинских землях со значительным опозданием. Искусствовед Юрий Бирюлов отмечает, что с 1888 года во Львове работала фабрика строительной и художественной керамики И.Левинского, отличительной чертой изделий которой была ориентация на местную народное творчество [Бирюлов, 2005]. В начале XX века в стиле модерна оформлялись и книги: чаще всего это было затейливое комбинирование растительных и геометрических элементов, интерпретация мотивов японской ксилографии, которая оказала огромное влияние на стилистику модерна, или мотивов народного гуцульского искусства. Особенностью украинской графики было тяготение ведущих мастеров к национальным традициям, пластическим мотивам, символическим образам (В.Кричевский, Г.Нарбут, М.Бойчук). Увлечение эстетическими ценностями архаики, византизма, барокко становились базой для создания новой украинской графики, которая была в то время наиболее динамическим видом творчества, в ней наиболее полно отразились все изменения художественных течений. Василий Кричевский, например, нашел своеобразное решение книжных обложек с использованием народного орнамента. Георгий Нарбут плодотворно работал со старославянскими и барочными элементами и в черно-белой книжной графике, и в сфере плакатного искусства, где выявляется органичное сочетание шрифтовых гарнитур, цвета и орнамента. Михаил Бойчук и София Налепинская стояли у истоков украинского графического дизайна. Иван Падалка, ученик М.Бойчука, воплощал принципы бойчукизма при подготовке художников-графиков в Харьковском регионе. В его книжной графике и плакатах

сохраняются традиции и национальные черты старой украинской гравюры, выбойки, лубка, вышивки и росписи [Соколюк, 2002].

Профессор Виктор Даниленко подчеркивает, что наряду с процессами международной интеграции активизируются и процессы сохранения исторической памяти этносов. По его мнению, для развития новых мировоззренческих основ дизайнерской профессии в Украине имеет значение будущая украинская философия, и в частности теория изобразительности О.Хмельёвского, где он обращается к древнеукраинской мифологии и философии [Даниленко, 2005]. Известный болгарский рекламист Христо Кафтанджиев считает, что для национальной рекламы первостепенное значение имеют [Кафтанджиев, 2005]:

- признаки, которые отображают разнообразные характеристики национальной гордости;
- признаки, которые выражают особенности восприятия данного народа представителями других наций, так как у потребителей существуют определенные стереотипные образы относительно и собственной страны, и других государств.

В первом десятилетии III тысячелетия Украина все еще пребывает в поисках возрождения собственной национально-культурной концепции. Сложные исторические процессы сформировали противоречия между стремлением к интеграции с Европой и желанием сохранить национальную самобытность. Следует учитывать, что в процессе развития дизайна в Украине сформировались две идеологические платформы: Восточная Украина тяготеет к интернациональному стилю, а Западная базируется на национальном стиле и в большей степени переосмысливает этнотрадиции и их использование в современном дизайне и рекламе [Прищенко, 2011]. Реклама на украинском языке чаще встречалась, конечно, в западно-украинских землях. Но есть интересный факт, что в некоторых случаях по просьбам рекламодателей в российских газетах и журналах объявления печатались на украинском языке. Например, журнал «Украинское слово» в начале XX века разместил такую рекламу: «Свій до свого! Громадяне-українці! Купуйте скрізь тільки український крем для озуви «Дівчина» (Свой для своего! Граждане-украинцы! Везде покупайте только украинский крем для обуви «Девушка») [Аржанов, 2004]. При этом, на этикетке была изображена украинка в национальном костюме.

Присутствие псевдонациональных черт связано, в первую очередь, со слабыми знаниями истории, культурологи, истории искусств, архитектуры и дизайна. Чаще всего разработчики рекламы не имеют четкого представления не только про идеологические и культурные установки определенной эпохи, но даже про признаки определенных художественных стилей (изобразительные мотивы, шрифт, цветовые сочетания). Избежать этого можно только благодаря глубокому изучению социокультурных региональных аспектов. Сохранение национальных культурных традиций невозможно без понимания тех исторических процессов, которые происходили на этапах становления и развития дизайна, и в частности, рекламной графики.

ВЫВОДЫ

Поскольку рекламный дизайн является относительно новой сферой творческой деятельности в постсоветских странах, то закономерно, что он обращается к уже наработанным изобразительным приемам, интерпретируя «устойчивое» в новом контексте в связи с необходимостью идентификации товаров и услуг на мировом рынке, а также осознания

человеком себя как наследника культурно-национальных традиций. Следует отметить, что объекты промышленного дизайна интернациональны, национальные черты им придаёт ориентация в рекламе на определенную группу потребителей. Исходя из того, что Украина имеет богатейшее культурное наследие, можно утверждать, что культурный базис украинской нации является солидной платформой для дальнейшего формирования стиля **неофольк**. При создании рекламной продукции этнические мотивы должны использоваться целесообразно и обоснованно с учетом этнокультурных традиций, которые значительно повлияли на формирование стилистики рекламной графики.

На основе анализа мировых рыночных тенденций, масштабного кризиса перепроизводства конца XX – первого десятилетия XXI века, массированной рекламной атаки и психологических манипуляций сознанием целевых групп можно сделать выводы, что большая часть рекламы уже не так активно и положительно воспринимается обществом, «рекламный шум» достиг своей критической точки. В ближайшее время уже нужна переориентация на более тонкие подходы к потребителю: более индивидуальные, более корректные, более эстетические. И перед преподавателями вузов стоит сложнейшая задача – в сжатые сроки дать студентам необходимые знания для профессиональной и конкурентоспособной работы в индустрии рекламы.

В рамках обозначенного вектора исследований особое место предполагается отвести поиску и сравнительному анализу семантических корней в использовании изобразительных элементов, колористики и знаковых систем древних культур европейского региона с целью развития межкультурных коммуникаций в современных условиях.

REFERENCES

1. Аржанов Н.П. История отечественной рекламы: сб. статей/ Н.П.Аржанов, Т.А.Пирогова; под общ. ред. Е.В.Ромата. – Харьков: Студцентр, 2004. – 299 с.
2. Антонович Е.А. Декоративно-прикладное искусство/ Е.А.Антонович, Р.В.Захарчук-Чугай, М.Е.Станкевич. – Львов: Свит, 1992. – 272 с. (на укр. языке).
3. Афанасьев Ю.Л. Этностиль в контексте этнокультурной, национальной и глобализационной парадигм/ Ю.Л.Афанасьев// Искусствоведческие записки: сб. научн. работ Национальной академии руководящих кадров культуры и искусств. – Вып. 19. – Киев: Миллениум, 2011. – С. 197–202. (на укр. языке).
4. Бирюлов Ю. Искусство львовской сецессии/ Ю.Бирюлов. – Львов: Центр Европы, 2005. – 184 с. (на укр. языке).
5. Владимирская А.Е. Реклама: учебн. пособие/ А.Е.Владимирская, П.А.Владимирский. – Киев: Кондор, 2006. – 334 с. (на укр. языке).
6. Даниленко В.Я. Дизайн Украины в мировом контексте художественно-проектной культуры: монография/ В.Я.Даниленко. – Харьков: ХДАДМ, Колорит, 2005. – 244 с. (на укр. языке).
7. Кафтанджиев Х. Гармония в рекламной коммуникации/ Х.Кафтанджиев. – Москва: Эксмо, 2005.– 368 с.

8. Косив В. Графический дизайн как средство визуальной коммуникации в обществе// В.Косив// Пластическое искусство. – 2002. – №1. – С. 66. (на укр. языке).
9. Костина А.В. Эстетика рекламы: учебн. пособие/ А.В.Костина.– Москва: Вершина, 2003. – 296с.
10. Кушнарёва М.Б. Основные тенденции развития массовой культуры в современной Украине в контексте глобализации: аналитический обзор/ Украинские культурные исследования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.culturalstudies.in.ua/zv_2009-7.php#kuh8. (на укр. языке).
11. Лагутенко О.А. Украинская графика первой трети XX века: монография/ О.А.Лагутенко. – Киев: Грани-Т, 2006. – 240 с. (на укр. языке).
12. Медникова Г.С. Українська і зарубежна культура ХХ століття: учебн. пособие/ Г.С.Медникова. – Київ: Знання, 2002. – 214 с. (на укр. языке).
13. Папанек В. Дизайн для реального мира/ В.Папанек. – М.: Издатель Д.Аронов, 2004. – 253 с.
14. Прищенко С.В. Художественно-эстетические аспекты рекламы// Искусствоведение Украины: сборник научн. работ. – Киев: СПД Пугачев О.В., 2007. – Вып. 8. – С. 111–118. (на укр. языке).
15. Прищенко С.В. Стилистические тенденции развития рекламной графики конца ХХ – начала ХХІ вв.// Вестник Харьковской государственной академии дизайна и искусств: сборник научн. работ. – Харьков: ХДАДМ, 2011. – № 7. – С. 153–157. (на укр. языке).
16. Сапенько Р.П. Искусство рекламы в современной культуре: монография/ Р.П.Сапенько. – Киев: Типография «Клякса», 2005. – 295 с.
17. Соколюк Л. Графика бойчукистов: монография/ Л.Соколюк. – Харков; Нью-Йорк: Издательство М.П.Коц, 2002. – 224 с. (на укр. языке).
18. Стефанов И. Социалната съдба на изкуството/ И.Стефанов. – София: Народна младеж, 1973. – 192 с. (на болг. языке).
19. Степовик В.Д. Украинская графика XVI–XVIII ст.: эволюция образной системы/ В.Д.Степовик.– Киев: Научная мысль, 1982. – 324 с. (на укр. языке).
20. Украинское искусство и архитектура конца XIX – начала XX ст. – Киев: Научная мысль, 2000. – 237 с. (на укр. языке).
21. www.artgraphics.ru/hibrand.

THE PHILOSOPHY OF KYRGYZ PEOPLE THROUGH THE PRISM OF THE LANGUAGE

Zamira Derbisheva

Foreign Languages High School, Kyrgyzstan Turkey Manas University

Mira Avenue, 56 Bishkek, Kyrgyzstan

Abstract

In the present study, is given an attempt through the language "to describe" the contours of the value of the Kyrgyz people imagination of the world, to trace how the language reflects the worldview, a philosophy of the Kyrgyz life, and setting priorities in life, look through the prism of language based on the national traditions. The study finds as a support the theory of L.N. Gumilev about an ethnic group as the generation of the landscape and biosphere factors as language interpretation of space and time in the Kyrgyz language as it is reflects the manner and form of existence of the Kyrgyz people. To study the problems of language and ethnic ties investigations were made by principal and lexico-phraseological and paremiological fund of Kyrgyz language, as recorded in modern lexicographical sources. The Kyrgyz vocabulary, idioms, proverbs and sayings have helped to "construct" a portrait of the Kyrgyz ethnic group. The Language could say about culture, character and the lifestyle of the Kyrgyz people and mentality.

Key words: national mentality, cognitive feature, linguocultural analysis, paremiology, philosophy of life, life priorities, traditions.

Концепт **жизнь** представляет собой сложное ментальное образование, фокусирующее в себе наиболее важные характеристики существующего в кыргызской культуре восприятия жизни; эти характеристики могут быть установлены с помощью специальных приемов лингвистического анализа.

Существуют общекультурные и индивидуальные характеристики ЖИЗНИ в кыргызском языковом сознании и коммуникативном поведении; эти характеристики раскрываются в значениях слов и устойчивых единиц, которые обозначают и выражают концепт ЖИЗНЬ, с одной стороны, и паремиологических выражениях, интерпретирующих этот концепт, с другой стороны.

Вербализация концепта «Жизнь» в кыргызском языке представлена несколькими лексическими номинациями – *жашоо, өмүр, турмуш, күн*.

Лексема *жашоо* обозначает существование в философском понимании; кыргызу ближе понимание этого слова как периода существования от рождения до смерти. Наиболее употребительные сочетания и клише со словом *жашоо* актуализируют такие аспекты жизни, как ее тяготы (*жашоо кыйын*), ее контрасты (*жашоонун өйдө-төмөнү*), ощущение радости жизни (*жашоо жыргал*, *жашоо-керемет*), отстраненную оценку жизни (*бүт жашоомдо, жашоого болгон көз караш*).

Өмүр - это слово арабского происхождения, которое в толковом словаре кыргызского языка определяется как физиологическое состояние всего живого от зарождения до смерти. Сочетания с этим словом чаще всего указывают на такой момент, как продолжительность жизни *өмүрү* *кыска* *экен*, *узун* *өмүр*, ее скоротечность *өмүр* *сүудай агат*, *өткөн* *өмүр*. Поговорка *өтпес өмүр, сынбас темир болбойт* (букв. жизни нескончаемой не бывает, как и не бывает вечного металла) подчеркивает кратковременность жизни. С данной лексемой образованы устойчивые сочетания: *өмүр* *баян* (биография); фразеологизм *өмүр сүруү* (букв. жизнь+продолжать) обозначает жить, существовать; идиома *өмүрлүк жар* (букв. спутник жизни) называет супруга. В общепринятоом кыргызском этикете часто встречаются выражения-пожелания с культурологической окраской: *узун өмүр каалайм!* (желаю долгой жизни!); *өмүрүңө береке берсин!* (благоденствия твоей жизни!)

Лексема **турмуш** представляет концепт жизнь с точки зрения реального, повседневного ее протекания: *эски турмуши* (старый жизненный уклад), *турмуши шарттары* (условия жизни). Распространенные в речевом узусе сочетания с данным словом демонстрируют жизнь как испытание со всеми сложностями, противоречиями: *турмуши татаал*, *катаал турмуши*, *турмуштун ачуу-таттуусу*, *турмушка бышкан*. Мысль о том, что жизнь – это главный учитель для человека прослеживается в следующем примере: *Турмуши бардыкка үйрөтөт эмеспи* (Н.Байтемиров), что означает «ведь жизнь всему научит». Поговорка *Ойлогон ойду кыстаган турмуши жесет* (букв. задуманную мысль побеждает притесненная жизнь), отмечает, что мечты и планы корректируются обстоятельствами жизни. Фразеологизм *турмушка чыгуу* (букв. выходить в жизнь) – обозначает выходить замуж, *турмуши куруу* (букв. строить жизнь) – жениться.

Лексема **күн (день)** – символизирует день, который выступает как свидетельство жизни, проходящей в хлопотах и в заботах о хлебе насущном. Идиома *күн көр-* (букв. видеть день), то есть жить, существовать. Выражение *көрөр күнүм, ичер суум бар экен* (оказывается, есть день, который мне уготован, еще есть вода, мне предназначенная), демонстрирует надежду и радость выздоровевшего человека, которому суждено жить. Поговорка *куну бутуп, суусу түгөндү* (день его идет к концу, он испил воду до дна), то есть его дни сочтены. Поговорка *балыктын куну көл менен, жигиттин куну эл менен* (жизнь рыбы связана с озером, жизнь молодца — с народом).

Когнитивные признаки, наполняющие рассматриваемый концепт, упорядочивают его содержание и структурируют связи между существующими ментальными сущностями, формирующими концептосферу кыргызского народа.

КП «контрастность». **Жизнь** является особым концептом-антиномией, в котором отношение к жизни неразрывно связано с отношением к смерти как утрате жизни. Для кыргыза жизнь - это самая главная ценность.

Паремиологический фонд кыргызского языка образует набор моделей ситуаций и отношений, возникающих в обществе его носителей. Паремии, по мнению Л.Б. Савенковой, образуют одну из семиотических подсистем, обеспечивающих процесс коммуникации носителей одного языка. Паремии – это вторичные языковые знаки, замкнутые устойчивые фразы, являющиеся маркерами ситуаций или отношений между реалиями. Представление о каждой модели опирается на отдельный концепт, показывающий существование в конкретной этнической культуре определенной ценности. Понятия жизнь и смерть занимают среди культурных концептов одно из центральных мест. Установлено, что русское языковое сознание постоянно соотносит жизнь и смерть, оценивая их. В целом преобладают паремии, отражающие

пессимистическое отношение к жизни и принятие смерти как данности, но с некоторой насмешкой над ней» [Савенкова: 2006]. Жизнь в восприятии кыргыза состоит из контрастов: жизнь-смерть, смех и смерть, смех и слезы. Кыргыз ассоциирует жизнь с луной, которая состоит из темной и светлой половин: «*Айдын жарымы караңғы, жарымы жарық*» (половина месяца тёмная, половина — светлая). В его понимании в жизни и плохое и хорошее всегда ходят рядом: «*Жаман айттай, жасакын жок*» (нет худа без добра). Смех и смерть могут уживаться по соседству: «*Бирөө өлүп жатса, бирөө күлүп жатат*» (один умирает, а другой смеётся) или же: *ый менен күлкү аякташ* (букв. где смеются, там и плачут). Часто случается так, что в одной и той же семье одновременно может быть повод и для радости и для грусти. В жизни человека бывают и взлеты, и падения: «*бирде жигит төө минет, бирде жигит жөө жүрөт*» (джигит то восседает на верблюде, то пешком ходит). Осознание зыбкости грани между счастьем и несчастьем, бедой и благополучием заставляет человека прибегать к философии утешения: «*Жан бар жерде каза бар*» - где есть душа, там есть и смерть. Нельзя не согласиться с таким наблюдением, как *тойсуз үй болсо да, ыйсыз үй болбайт* (бывает дом, где никогда не пирут, но нет дома, где никогда не горюют). Разумно-спокойное отношение у кыргызов к смерти, без излишней паники *өлгөнгө өкүнбө, калганга береке берсін* (букв. об умерших не жалей, пожелай добра оставшимся). Когда у кыргызов умирают близкие, самое главное пожелание при выражении соболезнования — это пожелание здоровья и жизнепродолжения родным и особенно детям покойного. Смерть кыргызы воспринимали как неизбежность, которая может настичь человека в любой момент: *ажал каш-кабактын ортосунда* (букв. смерть между бровью и веком), то есть тут как тут. О неизбежности смерти, которую надо принимать покорно, говорится в пословице: *Баарынан качып куттуууга болот, өлүмдөн качып кутула албайт* (от всего сбежать можно, но от смерти не сбежишь). Ажал айтып келбайт (смерть приходит, не предупреждая). Смерть у киргизов олицетворяется с птицей: *Өткөн өмүр — качкан күши, кайрылып келбайт үндөсө* (прошедшая жизнь — улетевшая птица, на зов не воротится). *Соолбос өмүр, сынбас темир болбос* (неиссякаемой жизни не бывает, не ломающегося железа не бывает). О разумном отношении к жизни и смерти говорится в следующей пословице: *Өмүрдөн жамандык күтпө, өлүмдөн жасакышылык күтпө* (от жизни плохого не жди, от смерти хорошего не жди). Оптимистический взгляд на смерть выражен в выражении: *Өлгөндү түүгөн жесөт* (умершего — рожденный побеждает). Момент утешения при потере близких выражается в следующих поговорках: *Өлгөндүн артынан өлмөк жок* (вслед за умершим не умирают). *Өлгөнгө өкүнбө, тириүүлүгүчү тиле* (об умершем не сожалей, лучше себе жизни пожелай). Подчеркивая ценность жизни в любых ее проявлениях, кыргыз говорит: *дүйнөдө бал таттуу эмес, жсан таттуу* (в мире не мед сладок, а жизнь сладка).

О неразделимости жизни и смерти, об отношении кыргыза к смерти говорится в следующих пословицах:

Өлгөнгө өкүнбө, калганга береке берсін (не убивайся по умершему, пусть оставшиеся будут в здравии).

Өлгөндүн артынан өлмөк жок (вслед за умершим не умирают).

Өлүм бардын малын чачат, жоктун абыирин ачат (у богатого смерть расходует скот и богатство, бедного на позор обрекает).

КП «Неотвратимость, предопределенность». Среди кыргызов были распространены и идеи фатализма. Согласно этим представлениям, судьба человека начертана на его лбу (бешене — это лоб, а в переносном значении «судьба»). Пословица бешенеден көрөмүн означает «я положусь

на волю судьбы». В том же значении употребляется и выражение *маңдайына чийген или маңдайына жазған* (маңдай – лоб, то, что написано на лбу), то есть «ему на роду написано, ему суждено». Ср.: *бешенеге сыйған или бешенеге жазған* – предначертано судьбой. Еще один вариант этого выражения: *Таалайыңа эмнени жазса, ошону көрсүң* - что на роду написано, то и увидишь. Арабское слово *насип* (судьба, доля) достаточно употребительно в кыргызском языке. Выражения *насип болсо, насип буюрса* означают «если соблаговолит судьба, если суждено быть, если посчастливится». *Жүгүргөн албай, буюрган алат* (получит не тот, кто бегает, а тот, кому предначертано свыше). Об изменчивости жизни гласит поговорка: *Оомалуу кезек, төкмөлүү дүйнө* (переменчивая жизнь, переменчивый мир). Какие бы планы не строил человек, жизнь расставит все по-своему: *Ойлогон ойду кыстаган турмуши жеңет* (загаданное в мыслях побеждает притесненная жизнь), то есть жизнь сама вносит корректизы.

КП «религиозный скептицизм». Несмотря на то, что кыргызы считаются мусульманами, они скептически относятся ко многим канонам ислама. Подвергается сомнению главный постулат Ислама о том, что мирская жизнь – это ненастоящая жизнь, то есть ложная, а истинная жизнь в другом потустороннем мире. Поговорка *Жалаң кудайга ишенген жөө калат* (тот, кто уповают только на бога, останется пешим) созвучна русской пословице «На бога надейся – сам не плошай». О том, как вольно трактовали законы мусульманского шариата кыргызы, свидетельствуют следующая поговорка: *Шарыятты укмак бар, куумай жок* (шариат можно слушать, но не бежать вслед). Иначе говоря, кыргызы не были фанатичными проповедниками ислама. Они приняли те каноны шариата, которые не шли в разрез их кочевой философии. Намаз – это молитвы, которые должны совершаться праведным мусульманином 5 раз в день. Кыргызам, которые в основном занимались скотоводством, трудно было строго соблюдать режим регулярных намазов. Во время положенной молитвы они могли быть на выпасе скота под открытым небом, или круглосуточно принимать молодняк, и т.д. Поэтому они считали, что намаз могут читать только ничем не обремененные люди. Отсюда и возникла поговорка: *Намаз-бекердин иши* (намаз – удел бездельника).

Орозо – это главный мусульманский пост, который соблюдается в течение одного месяца. В это время есть разрешается только утром перед восходом солнца и вечером после захода. *Орозда-ачкачылыктын иши* (пост – это удел голодного) или: *Орозда кармоо-оокатсыздын иши* (держать пост (уразу) – удел бедных). Действительно, соблюдение поста для бедных было оправданно с точки зрения экономии на питание. Законы шариата воспринимались кыргызами сугубо pragmatically.

Во все времена у кыргызов было скептическое отношение к мулле: *мөлдөнүн айтканын кыл, кылганын кылба*, что означает: делай то, что говорит мулла, не повторяй того, что он делает. Здесь речь идет о ханжестве муллы, который только на словах проповедует устои Аллаха, а в жизни из-за множества пороков далеко не является примером для подражания среди простых смертных. О недоверии к мулле свидетельствует и следующая пословица: *акырын баскан мөлдөдөн сактан, ала чапан кожодон сактан*, то есть опасайся муллы, тихо ступающего (то есть скромного на вид), опасайся ходжи в пёстром халате. Об алчности муллы говорится в пословице *акы төлөбөсөн, молдо үйүңө да кирбейт*, а именно: если не заплатишь, так мулла даже в дом к тебе не войдёт;

Поговорка *Жуталаң жылы им семиз, тумолуу жылы молдо семиз* (в голодный год собаки жириуют, в год болезней мулла жириует) свидетельствует об негативном отношении к мулле. В годы, когда болезни и хворь уносили много жизней, муллу приглашали для проведения религиозного обряда по усопшему. В награду за чтение молитвы его щедро угождали,

преподносили подарки в виде скота, ковров, одежды. В то время, когда люди теряли близких, мулла на горе людей мог серьезно улучшить свое материальное благосостояние. Ироничное отношение к такому «статусу» религиозного сановника, объяснялось тем, что тот ничем не гнушался и принимал эти подношения безотказно, вводя всех в заблуждение, что он это делает во имя Аллаха.

КП «надежда». Кыргызский человек живет надеждой на лучшее. «Жамандыкты амандык жесет» (все плохое побеждается жизнью), то есть жизнь сильна и может одолеть беду, то есть если человек жив и здоров, то он сможет справиться с любой бедой. Философия оптимизма очень характерна для кыргызского менталитета. Кыргыз считает, что жизнь прекрасна своей перспективой: «Өлбөгөн киши алтын аяктан суу ичет» (живому (неумершему) человеку суждено из золотой чашки воду пить). Поговорка «Бүгүнкүнүн эртеңи бар» (букв. у сегодня есть завтра) дает оптимистическую установку: сегодня плохо, завтра будет хорошо. Идея оптимизма заложена и в поговорках *Батар күндүн — атар таңы бар* (букв. у уходящего дня есть восходящее утро), то есть будет вечер, будет и заря; *жерде жаткан жумуртка асманда учкан күш болот* (букв. лежащее на земле яйцо станет летающей в небе птицей). Поговорка «Аттан айрылсан, айрыл, токумдан айрылба» (букв. коня лишиться можешь, но сбруи не лишайся). Для кыргыза потерять коня – значит лишиться смысла жизни, сбруя – это символ надежды, нельзя отчаиваться при неудаче, нельзя терять надежды опять завести коня. О том, что жизнь состоит из противоположностей, которые и исключают друг друга и вместе с тем предполагают друг друга, свидетельствует поговорка «Ачтын — тогу, арыктын семизи бар» (букв. у голода есть сытость, у худого есть толстый), т. е. голодный человек должен надеяться, что будет сытым, а тощий поправится) или: *арык — семирер, ач — тоюнар* (худой поправится, голодный насытится).

У кыргызов в древности существовала примета, если ворона на лету испачкает кому-то руку, то это к добру. С тех пор бытует поговорка, символизирующая веру в лучшее: «Менин колума да карга чычар» (букв. и на мою руку ворона нагадит), то есть и на моей улице будет праздник.

Вера в то, что все когда-нибудь изменится к лучшему, заложена в поговорке «Жоонун түбү эл борор, тоонун тубу бел борор» (букв. враг в конечном счёте станет другом, гора, оседая, в конце концов перевалом станет). Параллель «враг-гора» достаточно характерна для кыргызского сознания. Одолеть гору – то же самое, что одолеть врага. Жизнь кыргызов проходила в горах. И ему приходилось обживать горы. Ему удавалось осваивать труднодоступные ущелья, преодолевать перевалы, которые постепенно становились пригодными для прохождения.

темноту размером с гору побеждает белизна размером с *томук* (маленькая хрящевидная косточка на бараньей ножке). Верить и надеяться на лучшее, не опускать руки ни при каких обстоятельствах – к этому призывает пословица: *Сарсанаа болбо жогуңа, санаа жокко жеткирбейт* (не печалься своей бедности, мечта не оставит тебя).

Очень часто оптимизм кыргыза граничит с минимализмом, то есть он готов довольствоваться малым: *Жаман жоктон жогору* (букв. плохое лучше, чем ничего). Он умеет ценить и довольствоваться тем, что имеет: *Эртеңки күйруктан бүгүнкү өпкө артык* (букв. сегодняшние лёгкие лучше завтрашнего курдюка). *Жетпести кууба, келбести күтпө* (не гоняйся за недосягаемым, не жди несбыточного).

Journal of International Scientific Publications:
Language, Individual & Society, Volume 6, Part 2
ISSN 1313-2547, Published at: <http://www.scientific-publications.net>

КП «сплоченность, единство». Согласие и единство, в понимании кыргызов были ключевыми в их жизненной философии: *Ынтымак бар жерде* (же элде) *ырыс бар* (там, где согласие, там и благородство). Мысль о том, что в одиночку ничего не добьешься, выражена в поговорке: *Жалгыз дарак токай болбайт, жалгыз таруу ботко болбайт* (одно дерево леса не делает, из одного зернышка (пшена) каша не получится). *Жалгыз жүрүп жол тапканча, көп менен биргэе адаа* (чем найти дорогу в одиночку, лучше заблудиться со всеми вместе). Единство и согласие для кыргызов – не абстрактные вещи. Единство и согласие в семье, в селе, среди родственников, с соседями во все времена было актуально: *ырыс алды — ынтымак* (залог счастья — в согласии). В суровых условиях кочевья они могли надеяться только на общие усилия, поддержку тех, кто рядом: *тирилуктин күчү бирликте* (жизненная сила в единении).

Кыргызы, будучи кочевым народом, жили компактно несколькими семьями, родами, часто в малодоступных друг для друга урочищах. Поэтому им в таких условиях необходимо было держаться вместе, так было легче пасти скот, вести хозяйство. Поэтому и появились поговорки: эл — ыйык, элден чыккан — суюк, то есть народ священен, кто от народа оторвался — беспутен (букв. жидок); Эл ичи-алтын бешик (среди народа - в золотой колыбели). Поговорка *бөлүнгөндү бөрү жейт* предостерегает: того, кто отделяется, волк съест. Кыргызы очень боялись людской кары. Ср.: эл каргаса, жерге баттайт, то есть считалось, если народ проклянёт, то для такого на земле места не найдётся. Напротив, людское благословение – это было священным для кыргыза: *сүү менен жер көгөрөт, эл менен эр көгөрөт* (от воды земля цветет, джигит славен вместе с народом). Единство, согласие среди народа – это то, что старались сохранить кыргызы, но часто смуту и разлад среди людей вносили слухи и дурная молва. Поговорка *тоо арасын суу бузат, эл арасын чuu бузат* сравнивает разрушительное действие сплетен с бурным горным потоком: «горы вода разрушает, пересуды народ разделяют».

Очень часто у кыргызов прибегают к пословице *Күш канаты менен учат, куйругу менен конот* (букв. птица летает крыльями, садится хвостом). В этой пословице заложена особая жизненная философия, значение которой сводится к тому, что как бы человек высоко не летал, он рано или поздно опустится на землю, вернется к своим корням, к своей родне.

Мирное, спокойное время, когда нет распреий, когда повсюду согласие и достаток, у кыргызов ассоциируется с образом упитанной овцы, которая от нагуленного жира не может даже пошевелиться и на ней спокойно могут вить свои гнезда жаворонки: *Кой үстүнө торгой жумурткалаган заман* – время, когда на жаворонок гнездится на овце.

КП «Гармония и благополучие» заключено в выражении: *Биринчи байлык - ден соолук, экинчи байлык - ак жсоолук, учунчү байлык - он соолук* (букв. первое богатство – здоровье, второе богатство – белый платок, третье богатство – десяток овец). В иерархии жизненных ценностей приоритет отдавался здоровью, потом были семейные ценности – жена как хранительница домашнего очага, много детей, а затем материальный достаток. Отношение к богатству у кыргыза выражено в следующей пословице: чыккан — мээнэт, кирген — дөөлөт (букв. всё, что выходит, чего лишаешься, – это убыль (усилия); всё, что входит, – это прибыль (богатство); дөөлөт тоголок болот, мээнэт жалпак болот (букв. богатство круглое, оно как прикатится, так и укатится, а труд приземист, то есть надёжен). Скопидомство, стремление к обогащению часто приводило к утрате человеческих понятий, поэтому как предостережение звучало выражение: *Мал сактаба, ар сакта* (не храни богатство-скот, храни честь).

КП «великодушие». Особая философия, присущая кыргызскому менталитету, заключена в поговорках: *Таши, ташты эриткен аш* – камень – это камень, но камень может растопить угощение; *Таши менен урганды аш менен ур* (того, кто ударил в тебя камнем, нанеси ответный –

угощением). Кыргызы отличались миролюбием. Жизнь в суровых условиях, когда они жили изолированно, в дальних горных кочевьях и могли надеяться только на самих себя, не ожидая помощи со стороны, делало их более терпимыми. Они сознательно старались избегать конфликтов, открытого противостояния с врагами. И когда было возможно, они старались решать конфликты мирным путем. В современной жизни эта поговорка также не потеряла своей актуальности. Кыргызы считают, для того чтобы обезоружить врага, нужно ему нужно поднести щедрое угощение. Ритуал угощения жизни кыргызов – довольно важная часть их образа жизни. «*Бир жолу тамак ичкен жериңе, миң күнү салам бер*» (букв. если хоть однажды ты отведал угощения, тысячу дней привечай). Щедрость была высшим достоинством настоящего киргиза: *айга жетпес ашыңды айылдаштан аяба* (пищи, которой не хватит на месяц, для односельчан не жалей).

В следующей поговорке заключается философская установка, направленная на всепрощение и великодушие: *Жамандыкты унуткан жасакы, жасакылыкты унуткан жасаман* (хорошо, когда забывается зло, плохо, когда забывается добро).

Всегда поощрялось благородство и добрые дела, во имя других: *Элге кылган жасакылык жерде калбайт* (добро, сделанное для людей, не пропадет в земле).

Великодушие кыргызов проявляется даже по отношению к врагам: *Жылуу келген душманды сүүкка чыгарба* (врага, пришедшего с теплом, не выгоняй на холод), то есть если враг пришел с добром, к нему полагалось относиться по-доброму. Врага следовало воспринимать как равного противника: *Касташсаң да, кастын намысын кордабо* (даже если враждуешь, не унижай достоинства врага). Великодушие порой у кыргызов граничит с идеей всепрощенчества: *Өзгөңгө өлүм тилегиче, өзүңө өмүр тиле* (чем кому-то желать смерти, лучше пожелай жизни себе).

Еще более необычный способ проявления благородства, который выглядит со стороны радикальным и диким, рекомендовал в знак примирения отдать врагу мать: *Таши менен урганды аши менен ур, атаңды өлтүргөнгө эненди алып бер* (того, кто ударил в тебя камнем, нанеси ответный – угощением, тому, кто убил твоего отца, отдай в жены свою мать). Это была крайняя мера улаживания конфликтов, когда ради предотвращения кровопролития гипотетически могли пойти такой шаг.

Если провинившийся раскаивается, и пытается убедить в искренности своих намерений, то к такому человеку следовало проявить снисходительность: *Эптуу сүйлөп чөгөлөсө, кулдук кылыш, баш ургун* (если говорит искренне, склонив перед тобой голову - прости его).

Как предостережение от злых намерений по отношению к врагам звучит следующая поговорка: *Бирөөгө ор казсаң, тайыз кас, өзүң секирип чыгарга* (если роешь кому-то яму, то рой помельче, ведь как знать: из этой ямы, может, самому еще придется вылезать).

Жизненные приоритеты и установки

КП «любовь к отечеству». Понятие «отечества» для кыргызов не было чем-то абстрактным. О любви к родине, о патриотических чувствах сложены следующие пословицы и поговорки:

Мекенден айрылганча, өмүрдөн айыл (чем лишился отечества, лишился жизни).

Мекендин бактысы өмүрдөн кымбат (счастье отечества дороже жизни).

Мекендин кадыры башка жерден билинет (значение отечества познается на чужбине).

Journal of International Scientific Publications:
Language, Individual & Society, Volume 6, Part 2
ISSN 1313-2547, Published at: <http://www.scientific-publications.net>

Өз үй-өлөң төшөк, өз эл-өмүрлүк жөлөк (свой дом – мягкая перина, свой народ – опора жизни).

Мекенсиз адам-үнсуз булбул (человек без отечества, что соловей без голоса).

Жерин сүйбөс эл болбойт, элин сүйбөс эр болбойт (не бывает народа, не читающего свою землю, не бывает джигита, не читающего свой народ).

КП «справедливая власть». Символом власти у кыргызов являются обладание уздами или поводьями. Тот, кто держит узды, тот наделен властью. Ср.: *эки тизгин, бир чылбыр, сага бердим* - тебе я даю полную власть; *эки тизгин, бир чылбыр эми колго алыңыз*, то есть, получайте в руки полную власть; *тизгин ээси* - власть имущий; властвующий. При родовом строе вопрос о власти был одним из самых важных. Главная проблема заключалась в том, чтобы власть была справедливой. Как правило, власть находилась у одного из представителей богатого рода, которого выбирали билем. Редко было, чтобы бии были независимы от ближайшего окружения и особенно от родственников, которые, пользуясь своей родственной близостью, притесняли простой народ. Чем меньше было родственников у бия, тем он был объективнее и старался заботиться о народе. И поэтому критерием справедливости власти было отношение бия к своим родичам: *туура байде түүгандуу байде ыйман жок* - у честного хана нет родни - у хана, где много родни, нет чести. Если у власти оказывался человек, чрезмерно радеющий за свою челядь, то от этого страдал простой народ. Эл камын ойлон башкарғандык-кеменгердик – управлять народом, в заботах о нем – признак мудрости. Эл таңдырына кол көтөргөндүк-текебердик (посыгательство на судьбу народа – проявление высокомерия).

КП «лидер должен быть достоин своего народа». Звания «улуу адам» удостаивались народные лидеры. Это звание надо было заслужить своей мудростью, своими добрыми делами, своей непредвзятостью при решении вопросов. Такой человек обладал непререкаемым авторитетом. О таком человеке говорили: *Улуу адам улуу тоо сыйктуу* (великий человек подобен величественной горе). Эл тарткан азапты коюш тарт (раздели испытания своего народа).

О конкурсах, каждый из которых считает себя лучшим, а при необходимости объединить усилия, и не всегда могут прийти к согласию, то в такой ситуации говорят: *Эки кочкордун башы бир казанга кайнабайт* (головы двух баранов не помещаются в одном казане).

Эл умутун эр актаар, эр атагын эл сактаар (надежды народа оправдает джигит, славу джигита сохранит народ).

Элинен качканды бөрү жейт (тот, кто убегает от своего народа, станет добычей волка).

Элин сагынбас эр болбойт, уйрун сагынбас ат болбос (нет джигита, не тоскующего по своему народу, нет коня, не тоскующего по своему табуну).

Коёнду камыш өлтүрсө, эрди намыс өлтүрөт (если заяц погибает в камыше, джигит погибает от позора). Позор для кыргызов был подобен смерти.

КП «добрый совет – половина успеха». Кыргызы издавна многие жизненно важные решения принимали сообща. Свидетельством тому являются многочисленные пословицы и поговорки кыргызского языка, которые активно употребляются и в наши дни. Например: *жасакын кеңеш* — *жарым ырыс*, то есть хороший совет — (уже) половина удачи. Прежде чем начать какое-то дело, перед началом большого значимого события, как правило, собирается совет, на который приглашаются почтенные старейшины-аксакалы. Советы часто собирались и для решения конфликтных ситуаций, где все высказывали свои мнения, а самые уважаемые члены этого

собрания давали советы. Такие собрания начинались словами: *иіри олтуруп, тұз кеңешели* (букв. сядем-ка кругом, да поговорим-ка прямо), что означает: сядем-ка рядом, да поговорим ладком. Принимая решение по всеобщему одобрению, человек как бы делил ответственность за исход дела со всеми остальными, и ему было не так страшно за последствия, поэтому и существует поговорка: *кеңешип кескен бармак оорубайт* (букв. *палец, отрезанный по общему совету, не болит*). Но не каждому по душе были советы других людей. Встречались и такие, которые жили по своим законам, поступали вопреки установленным правилам в семье, в роду, в обществе. Поговорка *сиңер жерге суу жай, угар кишиге сөз айт* советует «орошай ту землю, которая впитывает, говори тому, кто умеет слушать».

Советы могли быть самыми разными. Наиболее распространенными являются советы, связанные с этикой взаимоотношений, с поведением. Поговорка *атың барда жер тааны, атаң барда эл тааны* советует: пока у тебя есть конь, познавай мир (землю), пока у тебя есть отец, познавай людей, то есть отец научит общению. Негативное отношение к тем, кто не трудился, не занимался делом, породило поговорки, советующие избавиться от этих пороков: *бекер жүргүчө, бекер шише*, что означало «чем попусту ходить, лучше даром работай». Считается, что там где безделье, там возникает почва для сплетен и пересудов, поэтому в следующей поговорке советуется избегать плохих людей: *бекерчиден бәзе кач, ушакчыдан көчө кач*, то есть от бездельника беги без оглядки, от клеветника поскорей откочуй. Поговорка *берип берен болгуча, бербей сараң бол* советует «чем давать и слыть добряком, лучше не давай и слыви скupцом».

Еще одно мудрое предостережение: *Балық суунун кадырын суудан чыкканда билет* (рыба оценит воду, когда окажется вне воды).

КП «Терпение – высшая добродетель». Одна из самых главных заповедей у кыргызов – это терпение: *сабырдын түбү сары алтын* (на дне терпения — чистое золото). *Сабырдуулук акылмандын шериги* (терпеливость – друг мудрости). *Сабырдуунун багына алма бутөт, сабырсыздын башина кайзы түшөт* (у терпеливого на деревьях яблоки появятся, у нетерпеливого все напасти на голову свалятся). Честность и порядочность у кыргызов ассоциировалась с чистым потоком воды, а терпение с могучей силой земли: *Таза болсоң суудай бол-баарын жууп кетирген, балбан болсоң жердей бол-баарын чыдан көтөргөн* (если быть чистым, то будь, как вода, смывающая все, если слывешь богатырем, будь могучим, как земля, которая выдерживает все). Истина и справедливость, подобная чистой воде, как бы ее не забивали, рано или поздно найдет выход: *Тунук суу кысыктан жол табат* (чистая вода найдет выход из любой прещелины).

Принимать жизнь во всех ее проявлениях, со всеми поворотами, быть готовым к жизни в неволе, и на чужбине, приучала кыргыза суровая реальность: *Кимдин жерин жердесең, ошонун ырын ырда* (на какой земле живешь, пой песни той земли).

Бедность не порок, который в представлении кыргыза нельзя скрывать. По наблюдениям, чем больше скрывают свою бедность, тем больше утрачивается шанс поправить свое материальное положение: *Жардылыгын жашырган байыбайт, жалғыздыгын жашырган көбөйбөйт* (тот, кто скрывает бедность, не разбогатеет, тот, кто скрывает одиночество, останется один).

Одна из важных жизненных позиций кыргызов заключается в следующей пословице: *Тизелеп жашаганча, тик туруп өлгөн жасакы* (чем жить на коленях, лучше умереть стоя прямо). Стремление к независимости, свободе любой ценой всегда было приоритетным для кыргыза.

Journal of International Scientific Publications:
Language, Individual & Society, Volume 6, Part 2
ISSN 1313-2547, Published at: <http://www.scientific-publications.net>

КП «чем выше социальный статус - тем быть проще». Одна из важных жизненных установок для кыргыза заключалась в поговорках: *улук болсоң, кичик бол* (чем ты выше, тем скромнее будь); *кичинеге чоңсунба, асмандағы айға кол сунба* (не возвышай себя перед маленьким (слабым), не пытайся дотянуться до луны в небе). *Кичинеге чоңсунба, салба күчүң* (не возвышай себя перед маленьким, не применяй силу). Чем выше социальное положение человека, чем больше его значимость и авторитет, тем доступнее и демократичнее должен вести себя с людьми, которые ниже его по статусу: *Улук болсоң-кичик бол, бийик болсоң-жапыс бол* (чем велик, тем проще будь, чем выше – тем ниже будь).

Во взаимоотношениях с людьми существовали неписанные правила, в соответствии с которыми различали плохих и хороших и на этой основе строили свои отношения: *Жаманга жалынба, жакишига таарынба* (не стоит умолять никчемного, не стоит держать обиду на хорошего).

Азды жеке дебе, барды көп дебе (если мало, не говори «нет», если есть, не говори «много»).

Не поддаваться горю и никогда не лгать учит пословица: *Кайғы адамдын өзүн чиритет, калт адамдын сөзүн чиритет* (переживание съедает (сгноит) человека, ложь превращает в гной слова человека) или: *Кайғы өмүрдү кесет, калт ырысты кесет* (страдание изведет жизнь, ложь покалечит удачу).

Кыргызы в жизни привыкли полагаться только на себя и на свои силы, в каком бы достатке ни жил сосед и даже родственник, от его богатства тебе пользы не будет: *бир үйдүн жарығы бир үйгө түшпейт* (букв. свет одного дома не падает на другой). В том же значении употребляется поговорка: *Бирөөнүн чырагы бирөөгө жарык бербейт* (свет от лампы одного, не падает на другого).

КП «стремление вперед к достижению цели». В поговорке *бىлген жолуңду атаң бербе*, смысл которой сводится к тому, что нельзя сворачивать с хорошо знакомой дороги, даже если отец скажет тебе, что ты сбился, речь идет о целеустремленности, то есть в понимании кыргызов - это редкое достоинство человеческой натуры.

Бездействие являлось пороком, активность, стремление вперед поощрялись всегда: *өнөрүң болсо, өргө чап* (букв. если у тебя есть умение, скочи вверх), то есть действуй, стремись к высотам.

В следующей пословице считается, что все способы достижения славы оправданы: *атың чыкпаса, жер өрттө* (если не можешь прославиться, подпали землю), т. е. учини какой-нибудь скандал. Тем не менее будучи целеустремленным, в жизни надо считаться с реальностью и не ставить недостижимые цели: *Жел менен жарышипа, көлөкөңдү кууба* (не тягайся с ветром, не пытайся догнать свою тень).

В следующей поговорке выражается отношение к мастерам своего дела: *бөдөнөнү сойсо да, касап сойсун* (букв. даже перепёлку пусть разделяет мясник).

КП «труд-залог богатства». Одна из главных жизненных установок у киргизов проявлялась через отношение к труду. Трудолюбие, стремление к знаниям всегда были свойственны киргизам: *эмгек — дайра, билим — кеме* (труд — это река, а наука — это корабль). *Береке, байлык — эмгекте* (богатство и благодать в труде); *байлыктын атасы — эмгек, энеси — жер* (отец богатства — труд, мать богатства — земля); *байлыкты — эмгектен, теңдикти күрөштөн изде* (богатство ищи в труде, а равенство — в борьбе); *аракет кылса береке болот* (будешь трудиться, будет доход); *мээнет болбой дөөлөт болбойт* (не будешь трудиться, не будет богатства); *эгин айдоо - байлык айдоо* (сеять хлеб – значит сеять богатство); *иии сүйгөн колдон*

тоо кулайт, иши качкан колдон қуурай да сынбайт (от рук, любящих труд, гора разрушается, от рук, не любящих труд, и соломинка не поломается); *Иши жоктун— аши жок, шишибеген тишибейт* (кто не работает, у того и еды не бывает, кто не трудится, тот не перекусит); *колу кыймылдагандын оозу кыймылдайт* - у кого руки шевелятся, у того и рот шевелится. Труд в понимании кыргыза - это лекарство от недугов и залог бодрого духа: *оору эмгектен качат, эмгек көңүлдү ачат* (болезнь от труда сбегает, а труд настроение поднимает). Только то, что приобретается собственным трудом, считалось, идет впрок: *арам тамак аши болбайт* (нечестно добытая пища не переваривается).

Философским обобщением может быть пословица: *дүнүйө адамды таптайт, дүнүйөнү адам табат* (не богатство творит человека, а человек творит богатство).

КП «почитание старших». Особое отношение у кыргызов к пожилым и старым людям. На старости лет родители должны быть окружены заботой и вниманием; они, как правило, занимают почетные места за столом, им первым предоставляется слово для благословения, им первым преподносят угощение. К ним относятся с особой почтительностью. Убеленный сединами старый человек в доме считался символом святости, это состояние называют *жарыктык карылык* - светлая старость.

Кары адам-үйдүн куту (старый человек – оберег семьи).

Карынын кебин капка сал – (букв. собирай и складывай в торбу советы старца), то есть прислушивайся к словам старого человека, постигай уроки его мудрости.

Карысы бардын –ырысы бар (у кого есть в семье старец – у того есть счастье).

Карысы болбай эл болбайт, тулаңы болбай жер болбайт – (букв. нет народа без старости, нет степи без ковыля), то есть как ковыль является украшением могучей степи, так и украшением народа является старшее поколение.

Критерий «отношение к старшему поколению» считался барометром здоровой атмосферы в семье, в обществе.

Улууга сый көрсөтсөң, кичүүдөн урмат көрсүң (оказывая почтение старшим, получишь его от младших).

Улуунун өмүрү-кичүүгө улгу (жизнь старшего эталон для младшего).

Улуунун сөзүн ук, кичүүнүкүн ойлон (прислушивайся к словам старшего, над словами младшего призадумайся).

Улууну укпаган адам узак жашабас (тот, кто не прислушивается к словам старшего, долго не протянет).

Улууну урматтан, кичүүдөн иймен (почтай старших, считайся с младшими).

Улууну урматтаса, кут коноор (если считаешь старших, благополучие снизойдет к тебе).

Жаш келсе-ишке, кары келсе-ашка (молодым – работу, старикам – угощение).

Кыргызам было свойственно стремление быть благодарными. В ответ на доброе отношение они отвечали тем же: *Сыйга –сый, сыр аякка-бал* - (за уважение –уважение, в дорогую чашу – мед).

КП «почитание хлеба». У кыргызов всегда было особое отношение к хлебу. Хлеб для имел для кыргызов священное значение. Любая трапеза у кыргызов начинается с хлеба. Если кто-нибудь

Journal of International Scientific Publications:
Language, Individual & Society, Volume 6, Part 2
ISSN 1313-2547, Published at: <http://www.scientific-publications.net>

даже мимоходом заглядывает в дом, ему обязательно подносят блюдо с хлебом, чтобы он отломил хотя бы кусочек и отведал. *Нандан улуу тамак жок, адамдан улуу атак жок* (нет еды священней, чем хлеб, нет выше звания, чем человек). Святость хлеба отождествляется с святыми высокого звания человека. КП «свое- чужое». Граница между своими и чужими у кыргызов была предельно четкой, то есть *өздү — өздөй, жатты — жаттай көрүш* керек, что означает: к своему нужно относиться как к своему, к чужому — как к чужому; к врагу нужно относиться как к врагу, то есть не заискивать перед ним, не заигрывать. Об этом предупреждает поговорка *душманга өздөй караба — тийбей койбойт зыяны*, что значит: не относись к врагу как своему - непременно будет вред. Отношение к своим было снисходительным (ср. с русской пословицей: хоть и кривое, но свое): *урушиса да, өз жасыны, талашиса да, өз жасыны* - хоть и бранится, он свой, хоть и препирается, он свой, или же *өз өзүнө тартат*, что значит: своего к своему тянет; *кол ийрисине тартат* (рука тянет в сторону своей кривизны). О том же говорится в поговорке: *сасык деп уй мурдун кесип таштабайт* (из-за того, что нос у коровы вонючий, его не отрежут). Смысл особого отношения заключен у киргизов в том, что в трудные моменты родня всем миром поддерживает того, кого настигло горе: *сылашарга жат жасыны, ылашарга өз жасыны* (для церемоний посторонние хороши, для оплакивания свои хороши). Проживание родственными кланами породило особую близость и определенную закрытость такого социума. Незнакомых людей считали чужими и соответственно им не оказывались те знаки внимания, которых удостаивались родные и близкие, отсюда и выражение, которое не забыто и в наши дни: *Тааныбасты сыйлабас* (незнакомый лишен почтения). Незнакомые, то есть чужие часто воспринимались как враги: *ооздон кан чыкса да душманга ырыңды ырдаба* (хоть кровь пойдет изо рта, врагу не поддавайся никогда). Однако если люди становились ближе, узнавали друг друга, то это непременно обязывало к почтению: *Бир күнкү таанышка миң күнү салам айт.* *Бир күнү туз таткан жериңе миң күнү салам айт* - с кем день был знаком, тысячу дней приветствуя, где раз отvedал соли, тысячу раз приветствуя. Пословица *Өзөктөн чыккан өрт жаман, өздөн чыккан жат жаман* говорит об отношении к предательству своих: страшен огонь из сердцевины (эпицентра), страшен чужак из своих. Считалось, что прежде всего следует оценить по достоинству своих, напротив, осуждению подвергалось то, если знаки внимания оказывались к чужим: *Өсөр өзүн сыйлайт, өспөс жастын сыйлайт* (букв. успешный своего уважает, никчемный чужих ублажает). Об этом же говорится в следующей поговорке: *тууганга душман болбо, душманга тууган болбо* (с родным не враждуй, а с врагом не роднись).

О своих интересах и об отношении к чужим гласит пословица *Өзүмдүку дегенде өгүз кара күчүм бар, өзгөнүкү дегенде ана-мына ишим бар*, что означает: когда для себя, у меня силы, как у быка; когда для кого-то, у меня всякие дела есть, то есть всегда найдутся отговорки.

КП «рассчитывать только на себя». Безнадежное дело, тщетность усилий для кыргыза были равносильны погоне за тенью или соревнованием с ветром: *жел менен жарышта, көлөкөңдү кууба*, то есть не тягайся с ветром, не догоняй свою тень. В понимании кыргызов сила и успех всегда на стороне богатых и удачливых людей, и тягаться с ними – это бесполезное дело: *Таалайлуу менен талашипа, бактылуу менен байлашипа* (не спорь с удачливым, не бейся об заклад со счастливым). Реально оценивать свои возможности предлагает пословица *Күчтүү менен күрөштө, таалайлуу менен тартышта* (с сильным не вступай в единоборство, с удачливым не спорь). О бесполезных усилиях, связанных с попытками бороться с чужими пороками, говорится в следующей поговорке: *Толбоско күйба, тойбоско бербе* (не стоит наливать в ненаполняемый сосуд, не стоит давать ненасытному).

Journal of International Scientific Publications:
Language, Individual & Society, Volume 6, Part 2
ISSN 1313-2547, Published at: <http://www.scientific-publications.net>

КП «конь-основа жизни». И конечно, в жизни кыргыза конь занимал огромное место. Для кочующего кыргыза конь, по известному выражению Г. Гачева, был и «средством передвижения и едой». В поговорке *аты жоктун буту жок* говорится «у кого нет коня, у того нет ног». Поговорка *Ат* — *эрдин канаты* считает коня крыльями джигита. Конь для кыргыза был отрадой для души. Он доставлял ему положительные эмоции, дарил радость и удовольствия. У кыргызов было много развлечений с участием коней. Поговорка *күндүк өмүрүң болсо, түштүгүнө жорго мин*, что означает: если у тебя есть день жизни, полдня езди на иноходце, т. е. удали время и удовольствию. Конь для кыргызов был источником хорошего материального благосостояния. Поговорка *еки бээлүү эл сактайт, жалгыз бээлүү жсан сактайт* - имеющий двух кобылиц народ кормит, так как имеет возможность угостить других, а имеющий одну кобылицу себя кормит. Конь у кыргыза символизировал движение. Этому было свое объяснение: *жасата берсе, ат арыйт, жүре берсе, жол арбыйт* - долго пребывать на одном месте — конь худеет, так как подножный корм иссякает, двигаться — пройденный путь увеличивается.

Кыргызы понимали, что к коню нужен особый подход: *жаман атты жасакы баксаң — тулпар, күйкөнүн табын тапсаң — шумкар*, то есть если за плохой лошадью будешь хорошо ухаживать, она — боевой конь, если даже пустельгу умело тренировать — получится кречет.

Всем известно, что к коню у кыргызов было и чисто утилитарное отношение, которое объяснялось суровыми условиями кочевой жизни, когда в оказавшись в полной изоляции от людей, от родичей, кыргыз, чтобы выжить и спасти себя и свою семью, мог только зарезав свою лошадь, пусть даже ценой оставаться без средства передвижения. Позже стало традицией — все торжественные трапезы, похороны, поминки обязательно сопровождаются забиванием лошадей. Для этих целей специально отбирают лошадей, откармливают их и берегут для таких значимых событий. Следующие поговорки связаны с именно с этими обычаями. Ср.: *жасакы атка жаман ат жасалы менен теңелет* - с хорошим конём плохой конь сравняется благодаря подгривному жиру (т. е. если будет в теле); *ат картайса, согумга жарайт*; *эр картайса, сонунга жарайт* - если конь состарится, годен для убоины; если джигит состарится — годен для восхищения.

Конь имел огромное значение в жизни кыргыза. Это был символ духовного и материального благополучия. Именно благодаря этим животным, считалось можно достичь успеха в борьбе с врагом, в преодолении трудностей жизни, в обеспечении достойного социального положения: *Тай кунанга жеткизет, кунан атка жеткизет, ат муратка жеткизет* (тай станет кунаном, кунан станет конем, конь приведет к цели. *Така түякты сактайт, түяк тулпарды сактайт, тулпар эрди сактайт, эр элди сактайт* (подкова убережет копыто, копыто убережет скакуна, скакун убережет джигита, джигит убережет народ)

Национальные традиции

КП «Национальные обычаи». Кыргызы всегда чтили свои **традиции**. Поговорка *аккан арыктан суу агат* (букв. вода течёт по тому арыку, по которому текла) имеет смысл «хорошие традиции порождают положительное продолжение». Эту поговорку приводят применительно к тем семьям, где сын продолжает добное дело отца, или перенимает неординарные способности предков и т.п.

В традиции кыргызов родители, как правило, на старости лет были на попечении сыновей, вернее младшего из сыновей, а дочери, выйдя замуж, становились членами другой семьи. Отсюда и пошла поговорка: *Кыздын төрүндө болгуч, уулдун улагасында бол* (чем восседать на

Journal of International Scientific Publications:
Language, Individual & Society, Volume 6, Part 2
ISSN 1313-2547, Published at: <http://www.scientific-publications.net>

торе (почетное место в юрте) у дочери, лучше живи на пороге у сына). Как бы ни было плохо в семье сына, он был в своей семье, а семья дочери считалась чужой.

В семейной традиции кыргызов родители опекают своих детей почти всю жизнь. Они должны воспитать детей, дать образование, женить или выдать замуж, обеспечить жильем, позаботиться о его будущем и т.д. Поэтому и на сегодняшний день актуальна пословица: *Отуз уулду бир ата асырайт, отуз уул бир атаны асырай албайт* (тридцать сыновей может поднять один отец, а тридцать сыновей не могут обеспечить одного отца).

С раннего детства кыргызы приучали своих детей к труду. При этом они трудились наравне со взрослыми, и через какое-то время могли полностью заменить своих родителей. Поговорка «*Иштегениң биз учун, үйрөнгөнүң өзүң учун*» (работаешь для нас, учишься ради себя) раскрывает воспитательные установки кыргызской педагогики, когда, перекладывая на детей многие обязанности по хозяйству, они готовили их к будущей самостоятельной жизни.

Одну из традиционных зарисовок кыргызской жизни дает поговорка: *Мал көтөрөт өлүмдү, дос көтөрөт қоңулду* (букв.: скот поднимет смерть, друг поднимет дух). Когда кто-нибудь умирает, кыргызы по традиции приносят в жертву, как правило, лошадей. Причем одной лошадью не ограничиваются. Даже в недавнем прошлом количество забитого скота для проводов усопшего доходило до 4-5 голов. По количеству забитого скота судили об авторитете умершего. На похороны собираются почти все взрослые родственники. Съезжаются все, независимо от расстояния. Кроме того на похороны приходят все односельчане. Всех, пришедших на похороны издалека, нужно кормить и поить в течение трех дней, пока не похоронят усопшего. Для таких массовых трапез мяса требуется очень много и поэтому много скота идет на убой. Параллель с другом в этой пословице приведена для того, чтобы показать его роль в жизни кыргызов. Друзья в трудную минуту, особенно в момент утраты близкого человека поддерживают морально, всячески утешают его в горе.

У кыргызов со временем сформировалась и **этика взаимоотношений**: *Сурап бергенче уруп бер* (чем потчевать, спрашивая, лучше потчевать с кулаками). При встрече гостя кыргызы должны проявить искреннее радушие, при этом должны непременно предложить пройти к столу, или хотя бы отведать хлеба (*нан ооз тий*). Нельзя допускать, чтобы гость сам оказался в ситуации, когда он вынужден попросить поесть или попить: *Сурап ичкен - суу ичкен* (есть попросив, равносильно тому, что пить простую воду. Вопросы, обращенные к гостям, наподобие «Не хотите ли выпить чаю? Вы не голодны?» категорически не допустимы в кыргызском этикете.

Встречаясь друг с другом кыргызы непременно спрашивают друг друга о здоровье: *Ооруганды сураса айыкканга тете* (справиться у больного о здоровье – равносильно выздоровлению).

Поговорка *Жакышыны уккуң келсе, жаманды айтпа* учит, если хочешь услышать хорошее, сам не говори плохого. Этикетные нормы заложены в поговорке: *Жамандын сөзүн талашип, жакышы менен араз (ссора) болбо.* – Не спорь с никчемным, не ссорься с достойным.

У кыргызов было свое понимание вежливости. Существовала установка отвечать взаимностью при вежливом обращении, и наоборот, платить той же монетой, если встречаешься с высокомерием: *Эңкейгенге эңкейгин-башың жерге тийгенче, чалкайганга чалкайғын-төбөң көккө жеткіче* (тому кто кланяется тебе – кланяйся еще ниже до самой земли, тому, кто задирает голову, задирай еще выше, до самого неба). Другой вариант этой поговорки подчеркивает мысль о том, все люди равны и независимы друг перед другом: *Эңкейгенге эңкейгин-атадан калган күл эмес, кайкайганга какайғын-падышанын уулу эмес (же өзүңдөн артык уул эмес)* (тому, кто кланяется, кланяйся – он не слуга, доставшийся в наследство от

Journal of International Scientific Publications:
Language, Individual & Society, Volume 6, Part 2
ISSN 1313-2547, Published at: <http://www.scientific-publications.net>

отца, заносчивого встретишь, важничай еще больше – он не сын падишаха (т.е ничем не лучше тебя).

Одно из этикетных выражений, которое используют, когда чувствуют свою вину и хотят попросить прощения: *Ката бизден, кечирим сизден* (ошибка наша – прощение ваше).

Благословение (*бата*) кыргызы давали за накрытым дастарханом (скатертью). Благословение было обращено к богу, и для того чтобы «задобрить» всевышнего, полагалось бата произносить при полном дастархане. Отсюда и поговорка: *Куру аякка бата журбөйт* – на пустое блюдо благословение не действует. Издавна было заведено, что провожая гостей, им напоследок полагалось дарить подарки: *Күттүү үйдөн куру чыкпа* (из благословенного дома не выходят с пустыми руками).

КП «все для гостя». К гостю у кыргызов в целом позитивное отношение. Для кыргыза гость – это категория очень значимая. Бывает так, что по отношению к гостю нужно продемонстрировать не только почтение и расположение, но и свой достаток, свои возможности. Часто бывает, что кыргызы все, что они накопили, приобрели, могут потратить на гостя. Они могут экономить на себе, даже на детях, ради того, чтобы достойно встретить гостей. У кыргызов все лучшее отдается гостю. Отсюда и пословица: *Конокко колунда барыңды бер* (гостю отдан все, что имеешь).

О характере хозяина, о его материальном достатке, о его социальном статусе судят по тому, как он принимает гостей. Прием гостей начинается с размещения. Гости сами в соответствии со своим возрастом, положением примерно знают, где им садиться. Самым почетным местом считается самая дальняя от порога часть стола или дастархана, которая называется «*төр*». Туда усаживают самых почетных гостей, это может быть и мужчина-аксакал или женщина почтенного возраста. По обе стороны от них также садятся по старшинству, или по статусу. Ближе к концу дастархана садятся более молодые гости, и с самом конце стола могут расположиться снохи.

Столы, а раньше это были дастарханы, накрывают в самой просторной комнате, предназначенней для гостей. Такая комната, как правило, бывает закрыта в будние дни, и ее открывают только по случаю приглашения гостей. Самое лучшее убранство предназначено для такой гостиной. Столы или дастарханы накрывают так, чтобы даже просвета не было между блюдами. Самый первый атрибут дастархана – это *боорсоки*. Их готовят заранее: замешивают дрожжевое тесто, порциями раскатывают скалкой и раскатав, нарезают небольшими (в один прикус) ромбиками, полосками, квадратиками и обжаривают в кипящем масле. Целый чан теста за считанные минуты превращается в аппетитные горки воздушных ромбиков, брусков, которые становятся украшением праздничного стола. Мед, варенье нескольких сортов, масло топленое (*сары май*), сливочное масло (*каймак май*), домашняя сметана (*каймак*), ядрышки гречихи орехов (*жсангак*), фисташки, фундук, кэшью, желтый и черный изюм (*мейиз*), курага (*өрүк*), сдобные булочки, другая домашняя выпечка, *чак-чак*, медовый хворост, дорогие конфеты, разнообразные фрукты – это все составляет как бы декоративную основу праздничного стола. Затем стол заставляется несколькими видами холодных закусок, куда входит прежде всего *казы-карта* – деликатесные колбасы из молодой конины (*казы*, *карта*, *чучук*), куски жареной курицы (*тооктун эти*), запеченная или фаршированная рыба (*балык*), иногда ассорти из разных видов копченой рыбы, красная икра в виде канапе, а также 3-4 вида мясных и овощных салатов. Дальше следуют основные блюда. Их, как правило, три. В начале подают наваристый мясной бульон с овощами (*шорпо*), к ним подают мясные пирожки треугольной формы (*самсы*), которые выпекаются в духовке. Часа через два подают второе

блюдо – это кусок жареного или тушеного мяса или рыбы с гарниром. И завершается все это угождение основным блюдом – *бешбармаком*. Но главный момент в церемонии приема гостей – это специально зарезанное в честь гостей домашнее животное (баран или жеребенок). О том, что жертвоприношение в честь гостя является свидетельством особого уважения к нему, гласит следующая пословица: *Конок «тойбодум» дебейт, «сойбоду» дейт* (букв. гость не скажет «я не наелся», он скажет «не зарезали»), то есть не уважили, принеся в качестве угождения свежезарезанной живности.

Сваренное мясо подается за отдельным дастарханом. Как правило, тушу одного барана рассчитывают на 12-15 человек гостей. Каждый гость должен получить кусок мяса с цельной косточкой (*устукан*). Распределение устуканов осуществляется как по возрастному, так и по гендерному принципу, то есть нужно учитывать и возраст, и пол гостей. Каждый устукан имеет свое предназначение, есть сугубо женские устуканы и сугубо мужские. Так, заднюю конскую часть (*уча*) следует преподносить только мужчинам, задний бараний копчик (*куймулчак*) нужно подавать только женщинам. Есть устуканы, которую получают только снохи, есть устуканы, которые даются только дочерям. Распределение устуканов – довольно щепетильное дело. Это не просто угождение. Это особый ритуал, с помощью которого хозяин демонстрирует свое отношение к каждому гостю и подчеркивает его статус. Если по неведению подают гостю «не тот» устукан, то этим ему наносится обида. Отсюда и поговорка: *Эрдик кылып кой сойду, иттик кылып төши тартты* (зарезав барана — оказал честь, но подав грудную кость — проявил свинство). Как правило, грудинка – это женский устукан. Его подают дочерям, вышедшим замуж. Преподнести его мужчине – это явное оскорблениe. Когда все устуканы разданы, приходит черед бешбармаку, то есть это нежная домашняя лапша (*кесме*), сваренная в бульоне и заправленная мелко нарубленным вареным мясом и луковым соусом с перцем и специями (*чык*). После бешбармака гости уже сами знают, что им пора и честь знать, но хозяева ни в коем случае не должны намекать, что церемония закончена. Отсюда и поговорка: *«Кел» демек бар, «кет» демек жок* – Есть слово «приходите», но нет слова «уходите», то есть в гости приглашают, уходить не вынуждают. Во время всей трапезы непрерывно подается чай от начала трапезы и до конца. Кроме этого летом часто угощают кумысом (*кымыз*) – кислым кобыльным молоком, зимой – *бозо* – это не очень крепкий, густой напиток золотистого цвета из пшена. Не обходится и без спиртных напитков. Но самое главное предназначение таких напитков на кыргызских торжествах, это не столько выпить, сколько произнести тост. Тост для кыргыза – это возможность показать себя народу. Это стало своего рода ритуалом, традицией. Церемония предоставления тостов должна строго соблюдать; в противном случае при нарушении очередности тоста это может стать причиной личной обиды гостя. Здесь учитывается и возраст произносящего тост, и его социальный статус, и гендерный момент, и степень родства. При этом неважно что говорят и как говорят. Редко кто говорит ярко, интересно; чаще бывает что одно и то же пожелание повторяется от одного к другому. Самый главный момент, это то, что своевременным предоставлением тоста, проявили внимание, достойное статуса того или иного гостя, отнеслись с уважением к его персоне.

Существует достаточное количество паремиологических выражений, которые отражают отношение кыргызов к гостям. Так, в понимании кыргыза там, где есть гости, там всегда благодать и изобилие: *конок бар жерде береке бар*. Считается, что чем больше гостей приходит в дом, тем больше счастья будет в этом доме: *канча бут кирсе, ошончолук кут кирет* (букв. сколько ног вошло в дом, столько удачи будет). У кыргызов той (пир) устраивается с большим размахом. Поэтому говорилось *ирегебизден май акты* – масло текло от самого *иреге* (*иреге* – место у порога), что означало у нас гости не переводились и ели-пили в изобилии, значит скот

резали для гостей без конца, постоянно устраивались обильные угощения. До недавнего времени у кыргызов в гости не приглашали. Приходили все, кто только был наслышан.

Есть такая пословица *жаман үйдүн коногу бийлейт* (в плохом доме гость распоряжается) имеет интересную трактовку, то есть поскольку прием гостей, это у кыргызов не только приятное общение, но и своего рода демонстрация отношения к каждому гостю в соответствии с его возрастом, полом, социальным статусом. Каждый хозяин должен хорошо знать правила такого приема. И если где-то нарушаются эти негласные установки (соблюдение очередности предоставления тостов для пожеланий, правила подачи мясных устуканов и т.д.), то некоторые из гостей могут вмешаться, чтобы направить процесс в правильное русло. И это не делает чести хозяину, так как он не должен давать повода усомниться в знании ритуала приема гостей. Поэтому о таком хозяине, у которого гости вынуждены распоряжаться, говорят, что он никудышний.

Большей частью кыргызы к гостю относились как к благодати: *конок — күт* (гость — счастье). С приходом гостя в дом, как считали кыргызы, входила удача, счастье. *Канча бут кирсе — ошончолук күт кирет* (сколько ног в доме — столько и благополучия). *Конок бар жерде береке бар* — там, где есть гости, есть изобилие и благоденствие.

Но встречается и не совсем радушное отношение к гостю: *конок бир консо — күт, эки консо — жут* (если гость ночует раз — счастье, если ночует два раза —джут (массовый падёж скота от бескормицы). Как правило, гостям принято устраивать обильное угощение, но когда это надо делать каждый день, то это, действительно, оказывалось делом накладным для хозяев. Гости у кыргызов приходили неожиданно, поэтому и появилась поговорка *ууру менен конок айттырып келбейт* (букв. вор да гость приходят без приглашения). Параллель с вором говорит не о совсем положительном отношении к гостю, поскольку вор — это по сути нежеланный гость, который хочет поживиться за счет других, гость — это тот, кто заходит с разрешения хозяев, но тоже стремится поживиться за их счет, так как заведомо знает, что хозяева ничего не пожалеют для него как для гостя.

Действительно, принимать гостей — очень утомительное занятие. В настоящее время на массовых торжествах (*той*) и поминках (*аш*) особенно в деревнях люди могут приходить в любое время, и поэтому такой поток гостей у хозяев ассоциируется с густым туманом: *жөө тумандай болгон коноктор*, то есть так говорят о надоевших гостях, когда одни уходят, другие приходят, и так без конца. Есть у кыргызов одно выражение, которое имеет отрицательную коннотацию, и употребляется в значении неприятный, несвоевременный *жаззыконгон* (или *келген*) *коноктой*, то есть словно весенний гость. Для кочевника-скотовода весна — время самое трудное в отношении пропитания, и поэтому приход гостей крайне нежелателен. *Конок бир күн консо-күт, эки күн консо-жут* (если гость один день ночует — это благодать, если два дня — это джут (массовый падеж скота от бескормицы).

В предлагаемой статье была предпринята попытка через язык «обрисовать» контуры ценностной картины мира кыргызов, проследить то, как в языке отражается мировоззрение, жизненная философия кыргызов, жизненные приоритеты и установки, взглянуть через призму языка на национальные традиции. Язык является неотъемлемой частью этноса, его главным атрибутом. Язык создает неповторимый и адекватный образ этноса.

REFERENCES

- Гачев Г. (2008) Ментальности народов мира. - Москва, 2008
Гумилёв Л. Н. (1989) Древняя Русь и Великая степь. – Москва, 1989
Карасик В.И. (2002) Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград, 2002
Попова З.Д., Стернин И.А. (2002) Язык и национальная картина мира. -Воронеж, 2002
Попова З.Д., Стернин И.А. (2007) Когнитивная лингвистика. - Москва, 2007
Савенкова Л. Б. (2006) Мы в зеркале пословиц. - Ростов -на- Дону, 2006

НЕВЕРБАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ

И. Ф. Турук, Е. И. Лобанова

Московский государственный Университет Экономики, Статистики и Информатики

Межкультурная коммуникация представляет собой особую форму коммуникации двух или более представителей разных культур, в ходе которой происходит обмен информацией и культурными ценностями взаимодействующих культур. Процесс межкультурной коммуникации есть специфическая форма деятельности, которая не ограничивается только знаниями иностранных языков, а требует так же знания материальной и духовной культуры другого народа, религии, ценностей, нравственных установок и т.д. Изучение иностранных языков и их использование как средства международного общения сегодня невозможно без глубокого и разностороннего знания культуры носителей этих языков, их менталитета, национального характера, образа жизни, видение мира, обычаев, традиций. Только сочетание этих двух видов знания – языка и культуры – обеспечивает эффективное и плодотворное общение.

Чтобы поддерживать разнообразие и многоуровневые контакты и формы общения, необходимо не только знание соответствующего языка, но и знание норм и правил иноязычной культуры. Каждый участник международных контактов быстро осознаёт, что одного владения иностранным языком недостаточно для полноценного межкультурного взаимопонимания, что требуется знание самого процесса общения, чтобы прогнозировать возможность неверного понимания партнёров и избежать его. Человеческое взаимопонимание становится одной из важнейших сторон развития современного общества. Для современного человека характерна нарастающая потребность в полноценном общении, стремлении «быть наилучшим образом, понятым и оцененным окружающими».

Основным средством достижения взаимопонимания людей является их общение, в процессе которого люди проявляют себя, раскрывают свои качества. В общении человек усваивает общечеловеческий опыт, исторически сложившиеся общественные нормы, ценности, знания, способы деятельности, формируясь, таким образом, как личность, как носитель культуры.

Хотя человек познаёт мир через себя, проецируя собственный опыт мировосприятия на другого человека, нужно помнить, что «другой» - это, прежде всего, означает отличающийся от меня. Непохожесть людей друг на друга создаёт благоприятные условия для обретения человеком новых навыков и способностей, совершенствование уже имеющихся, но, с другой стороны, чем больше различий в характере, воспитании, образовании и уровне культуры у взаимодействующих партнёров, тем больше возможностей для возникновения между ними противоречий и конфликтов. Поэтому люди должны владеть разнообразным арсеналом форм и средств культурного общения, основами психологических знаний о поведении партнёров по общению.

В основе межкультурной коммуникации лежит речевое общение, которое базируется на вербальных и невербальных средствах в любой сфере общения на иностранном языке. Речевой акт может быть выражен комбинацией вербальных и невербальных средств общения или

Journal of International Scientific Publications:
Language, Individual & Society, Volume 6, Part 2
ISSN 1313-2547, Published at: <http://www.scientific-publications.net>

только вербальными средствами, а в некоторых речевых ситуациях только невербальными средствами.

Каждый социум имеет свою систему вербальных и невербальных средств, без владения которыми не может существовать полноценное понимание собеседника в рамках межкультурного общения.

Изучением невербальных средств коммуникации на международном уровне с учётом национальных особенностей любого социума занимается раздел языкоznания – паралингвистика, изучающая неязыковые т.е. невербальные средства, сопровождающие речевое общение на иностранном языке.

В зависимости от характера средств можно выделить группу фонационных средств – физический процесс образования речевых звуков, воспринимаемых слухом. Примером фонации может служить высота голоса, его тон, тембр, темп, отражающие эмоции говорящего в отдельных речевых ситуациях.

В межличностном общении широко используется невербальные средства в виде мимики – выразительности лица, глаз для выражения разного рода эмоций. Наиболее ярко и чаще в общении используются невербальные средства в виде совокупности телодвижений, так называемые кинесические средства общения.

Невербальная коммуникация не так сильно структурирована как вербальная. Не существуют общепринятые словари и правила компоновки жестов, мимики, интонации, при помощи которых мы будем в состоянии передавать свои чувства. Такая передача зависит от многих факторов и часто происходит неоднозначно.

Условно, всю невербальную коммуникацию можно разделить на две большие части: это то, что мы передаём телом и голосом. В язык тела входят: движение рукой, покачивание ногой, поза, улыбка, нахмуренные брови, частое дыхание, покраснение кожи. К голосу относится всё то, что вы можете передать при его помощи: крик, шёпот, разные междометия, цыканье, повышенный тон и т.д.

Альберт Мейерабиан установил, что передача информации происходит за счёт вербальных средств (только слов) на 7%, за счёт звуковых средств (включая тон голоса, интонацию звуков) на 38%, и за счёт невербальных средств на 55%. Профессор Бердвисл проделал аналогичные исследования, относительно доли невербальных средств в общении людей. Он установил, что в среднем человек говорит словами только в течении 10-11 минут в день, и что каждое предложение в среднем звучит не более 2,5 секунд. Как и Мейерабиан, он обнаружил, что словесное общение в беседе занимает менее 35%, а более 65% информации передаётся с помощью невербальных средств общения.

Невербальная коммуникация привлекла внимание, прежде всего, учёных в области социальной и общей психологии (В.А. Лабудинская, К.В. Судаков). Позднее, к изучению проблем невербальной коммуникации обращаются психолингвисты и лингвисты (Г.В. Колшанский, И.Н. Горелов, С.В. Воронин и др.). К началу нынешнего века появляется «невербальная семиотика», которая нацелена на систематическое изучение невербального поведения человека.

Важнейшей особенностью невербальной коммуникации является то, что она осуществляется с помощью всех видов чувств: зрения, слуха, осязания, вкуса, обоняния, каждый из которых образует свой канал коммуникации. На основе слуха возникает акустический канал невербальной коммуникации, по нему поступает паравербальная информация. На основе

зрения складывается оптический канал, по которому поступает информация о мимике и телодвижениях (кинесике) человека. Это позволяет оценить позу и пространственную ориентацию коммуникации (проксемику). На основе осознания работает тактильный канал. К невербалике также относят понимание и использование времени – хронемику. Все элементы невербальной коммуникации тесно связаны друг с другом, они могут взаимно дополнять друг друга и вступать в противоречие друг с другом.

Для эффективного делового общения необходимо правильно ориентироваться в социальном статусе и свойствах личности партнёра. Источником общения служит не только вербальная сторона общения, но и более тонкие коммуникативные проявления, связанные с невербальной коммуникацией. К таким проявлениям относятся – неосознаваемые микродвижения мышц, возникающие в результате нервных импульсов, идущих от органов чувств. Чувствительность к этим малозаметным микродвижениям при неверbalных проявлениях позволяет не только видеть эмоциональное состояние партнёра, но и угадывать задуманное собеседником. Иначе говоря, невербальные акты при восприятии могут выполнять не всегда осознаваемую обратную связь, позволяющую определить и предугадать поведение собеседника.

Таким образом, невербальные проявления выполняют как осведомительную, так и саморегулирующую функции. Осведомительная функция невербального общения имеет важнейшее значение для установления эмоционального контакта между партнёрами. Эмоции окрашивают поведение партнёров и заметно влияют на достижение целей делового общения. Именно эмоции наиболее ярко сопровождаются внешними проявлениями: выразительная мимика лица, жестикуляция, поза, интонация речи, походка, расширение или сужение глаз. Часто эти эмоции проявляются неосознанно, но в отдельных случаях под контролем сознания – стиснутые кулаки, хмурое выражение лица и т.д.

Процесс взаимопонимания в деловом общении складывается из трёх основных компонентов:

1. Умение вести себя – грамотно проявлять свои чувства, находить подходящие в нужной ситуации вербальные и невербальные формы поведения, уметь быть понятым партнёрам и участникам своей команды;
2. Умение понимать партнёра – способность читать по внешнему поведению мысли и чувства, предугадывать его намерения, быть проницательным.
3. Умение видеть и слышать партнёра – быть внимательным к его поведению, словам, жестам, интонации, замечать перемены во внешнем облике, внимательно слушать и понимать его.

Знание и использование коммуникационных зон, невербальных знаков и символов увеличивает эффективность коммуникаций, использующих визуальные каналы и личное присутствие. К таким коммуникациям относятся: приёмы, презентации, переговоры, семинары, тренинги, беседы, круглые столы и другие формы делового общения. При этом хотелось бы выделить важность учёта именно невербальных коммуникаций. Нередко жесты более достоверно передают информацию, потому что они неосознаны и непрозвольны. В процессе личных коммуникаций важное значение имеют дистанционные зоны, т.е. расстояния на котором люди привыкли общаться. Причём, в разных странах традиционно эти коммуникативно-дистанционные зоны различны. Нарушение привычной дистанции общения вызывает дискомфорт для участников.

Однако хотелось бы отметить, что интерпретируя невербальные послания собеседника, необходимо учитывать ряд факторов:

1. Национальная принадлежность (одни жесты могут означать разное у разных народов).
2. Состояние здоровья (у человека в болезненном состоянии меняются взгляд, голос, жесты).
3. Профессия человека.
4. Уровень культуры.
5. Статус человека.
6. Актёрские способности (многие умеют играть не только словами, но и невербальными знаками).
7. Возможность проявить и воспринять невербальные средства общения.

Общение как особого рода деятельность – это творческая игра интеллектуальных и эмоциональных сил собеседником. Это – взаимное обучение партнёров, постижение новых знаний в ходе обсуждения предмета беседы. Это, наконец, труд достижения поставленных каждой стороной целей переговоров (обмена мнениями, деловой встречи, диалога официальных представителей).

Когда мы говорим, что человек чувствителен и обладает интуицией, то мы имеем в виду, что он обладает способностью читать невербальные сигналы другого человека и сравнивать эти сигналы с вербальными сигналами. Другими словами, мы говорим, что у нас предчувствие. Проделано много исследований по поводу того, являются ли невербальные сигналы врождёнными или приобретёнными, передаются ли они генетически или приобретаются каким-то другим путём. Экман, Фризен и Зорензан подтвердили некоторые высказанные Дарвином предположения о врождённых жестах, когда они изучали выражения лица у людей, представителей пяти глубоко отличных друг от друга культур. Они установили, что представители различных культур использовали одинаковые выражения лица при проявлении определённых эмоций, что позволило им заключить, что эти жесты должны быть врождёнными.

Невербальная коммуникация – это индикаторы внутреннего душевного состояния, мыслей, эмоций и желаний, ведь практически никто не может сказать что-либо без интонации, мимики, жестов. Человек постоянно находится в позе, которую можно определённым образом истолковать. Наблюдение за собственными жестами и жестами других людей является лучшим способом исследования приёмов коммуникации, используемых человеком. Знание и умелое использование невербальной коммуникации в деловых отношениях так же может способствовать их улучшению, налаживанию деловых контактов. Это же касается и других сфер человеческой деятельности, в частности сферы правоохранительных органов, где довольно часто поднимается вопрос о применении «языка» и тела в процессе расследования преступлений и решения различных конфликтных ситуаций.

ИСПОЛЬЗУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Бондалетов В.Д. Социальная лингвистика. – М.: Просвещение, 1987.

Шиханян Н.Б. Пути формирования лингвосоциокультурной компетенции в интенсивном курсе иностранному языку. Дисс.кандидата п.н. М-2006

Комлетов Н.Г. Методологические проблемы социальной лингвистики. – М.: МГУ, 1986

Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука. – М.: Мысль, 1983г

**EUROPEAN PHILOSOPHY OF LAW – IDEALOGICAL
BASIS OF RUSSIAN STATEHOOD**

Anastasia S. Zabolotnaya

Southern (Uzhny) Federal University, Russia, Rostov-on-Don, 33, Sadovaya St.

Abstract

The article is devoted to the philosophical-juridical ideas of outstanding European philosophers, their theoretical speculations about specificity and value of state and law, forms of official authority organization, rights and freedom of a person.

The article is based on the research of how the ideas of such philosophers as Aristotle, Plato, Hobbes, Lekk, Montesquieu and others influence the formation of the basis and principles of Russian statehood at the beginning of the 19th century.

The author makes an attempt to analyze the essence of general theoretical value of European law philosophy as the basis of state and society formation in Russia.

Key words: state, right, constitution, political authority, system of authorities division, civil law.

Начало XIX века в России связано с эпохой, когда все сильнее стали проявляться тенденции усиления движения «направленного против крепостного права и чиновничьего произвола в защиту законности и справедливости». Государственно-правовые теории русский мыслителей имели попытку обосновать политические и этические парадигмы новых тенденций и отражали общее направление российской системы государственного управления к рациональности и демократизации.

Мировоззрение русских ученых опиралось на составляющие европейской культуры, основанные на преодолении феодально-крепостнических отношений, формировании европейского правопонимания и естественного закона. Знакомство с трудами представителей французской и английской философской мысли способствовало постановке взглядов на должное устройство общество и государства.

Политико-правовое мировоззрение русских реформаторов формировалось на основе произведений Локка Д., Монтескье Ш., трудов Бентама И., его записки об устройстве судебных и правительенных учреждениях, книгой Токвиля А. "Старый режим и революция".

Основной идеей в концепциях государственного преобразования являлось то, что в обществе каждый человек имеет свою цель и свободу, что обуславливает моральное единство общества.

Подражая созданиям природы, человек создает сложную машину – государство, которое представляется как бы искусственным человеческим организмом. Свойства этого политического тела определяются качеством его составных частей. Что бы познать законы деятельности государственного механизма, нужно начать с изучение отдельных личностей, тех элементарных рычагов их коих этот механизм составляется".[1] "...говорят, что обладающий верховной властью в государстве по отношению ко всему государству является тем, же, чем

голова по отношению ко всему человеку. Однако из вышеуказанного следует, что наделенный подобной властью (будь то человек или совет) имеет для государства значение не головы, а души. С головой можно скорее сравнить собрание советников... потому что дело головы советовать, подобно тому, как дело души повелевать".[2]

Идеи Аристотеля о том, что общество несет в себе единую цель: достижение мира, были успешно восприняты в России, т.к. "каждый человек по своей природе есть существо политическое, в силу чего даже те люди, которые нисколько ни нуждаются во взаимопомощи, безоговорочно стремятся к совместному жительству... к этому людей побуждает и сознание пользы, поскольку на долю каждого приходится участие в прекрасной жизни; это по преимуществу и является целью как для объединенной совокупности людей, так и для каждого человека в отдельности".[3] Социальная жизнь строится на подчинении её отдельных элементов как друг другу, так и целому, при сохранении свободы и самостоятельности. Русские реформаторы ссылаются на Локка Д., у которого "каждый человек, вступивший в гражданское общество и ставший членом любого государства, тем самым отказывается от своей власти... присущей ему по закону природы и передает ее обществу, то тогда и только тогда существует политическое или гражданское общество".[4] Философ указывал, что в "основе побуждающей людей собраться воедино, лежит во взаимных выгодах, а выгоды должны быть связаны со взаимным доверием и добротой.

По Локку государство воплощает в себе политическую власть, т.е. имеет право издавать законы во имя общественного блага. Локк предусматривает два главных принципа существования государства: это система разделения властей и принцип законности. В законе и законности Локк видел необходимое условие объединения людей, особо выделял значение одного общего закона, "который был признан и допущен по общему согласию в качестве меры добра и зла". "Каждый человек, вступивший в гражданское общество и ставший членом любого государства, тем самым отказался от своей власти наказывать преступления против закона природы и осуществлять свое собственное правосудие".

Локк сформировал теорию конституционных гарантий, направленных против произвола королевской власти, которая получила практическое применение в современной ему Англии.

Под законом Локк понимал только такой правовой акт, исходящий от гражданского общества в целом или принятый законодательным органом, который предписывает людям поведение, служение общему благу и соответствие их собственным интересам. При этом мыслитель замечает, что все люди являются "по природе свободными, равными и независимыми, то никто не может быть выведен из этого состояния и подчинен политической власти другого без своего согласия. Единственный путь, посредством которого кто-либо отказывается от своей естественной свободы и надевает на себя узы гражданского сообщества, для того чтобы удобно, безмятежно и мирно совместно жить, безопасно пользуясь своей собственностью и находясь в большей безопасности, чем кто-либо не являющийся членом общества".[4] Человеку дана свобода не просто свобода сама по себе, как таковая, а "свобода признания и выбора обязательств, ограничений, долга". Только закон по Локку является гарантией свободы личности, т.к. он охраняет индивида от произвола других лиц. "Свобода людей, находящихся под властью правительства, заключается в том, чтобы иметь постоянное правило для жизни, общее для каждого в этом обществе и установленное законодательной властью, созданной в нем; это – свобода следовать моего собственному желанию во всех случаях, когда этого не запрещает закон, и не быть зависимым от непостоянной, неопределенной,

неизвестной, самовластной воли другого человека. В то время как естественная свобода заключается в том, чтобы не быть нечем связанным, кроме закона природы".[4]

В целях более полного обеспечения защиты членов государства, Локк устанавливает деление государственной власти на три ветви и утверждает верховенство закона, так что бы государство полноценно соответствовало своей цели, т.е. обеспечивало гражданам мирное пользование свободой, жизнью и собственностью. За образец устройства власти Локк берет современную ему английскую конституцию после низвержения династии Стюартов и воцарения Вильгельма Оранского.

В книге "О духе законов" Монтескье, были найдены основание всех конституционных гарантит, необходимых для обеспечения свободы личности в государстве, необходимые для проведения в России реформ. Согласно Монтескье, во главу угла ставят закон, которому должны все подчиняться. Только так, по мнению мыслителя можно обеспечить права подданных. В России при формировании реформаторской концепции 19 века отвергается политический идеал Платона – правление мудрецов. Господство, управление государством принадлежит тому классу людей, который живет внутренней идеальной жизнью, который в непосредственном созерцании постигает идею, видит красоту сверхчувствительного мысленного мира – это класс правителей-философов. Класс этот является аристократическим меньшинством в идеальном государстве: недоступная для чувствительного зрения, невидимая и неосязаемая идея открывается избранному меньшинству мудрых философов. Идея, что власть философа в государстве не подвержена никаким ограничениям, ни контролю, расходилось с представлением о государстве в России. Правитель-философ не должен стесняться писанными законами и в каждом отдельном случае должен руководствоваться своим непосредственным предсмотрением. Особено негативно воспринималось Сперанским, что писаное законодательство вообще не существует в платановом государстве, т. к. в нем мудрость правителей заменяет писанный закон. Поэтому, основываясь именно на учении Монтескье Ш., разрабатывается понимание свободы политической и свободы гражданской в русской интерпретации.

Французский мыслитель определяет политические законы как "отношение правителей к управляемым, те, которые определяют взаимные отношения отдельных граждан". Как и Монтескье, Сперанский различал три вида правления: республиканское, монархическое и деспотическое. Республикой Монтескье называл тот образ правления, где верховная власть принадлежит народу как целому, либо его части и вследствие этого разделял республику на аристократическую и демократическую. Монархией Монтескье называл такое государство, в котором одно лицо управляет посредством постоянных законов, в противовес ставилась деспотия как государство, возглавляемое одним лицом и не подчиняющееся никакому закону, за исключением собственной прихоти и произволу.

Идеи Д. Юма и А. Токвиля способствовали развитию представлений о постепенных изменениях государственного и общественного строя, так называемых реформ «сверху».

У Юма была воспринята идея мирного прогресса и отрицательной отношение к насилиственному перевороту. Юм не воспринимал человеческое общество как *tabula rasa* – чистый лист, который необходимо было наполнить содержанием. Для Юма человеческое общество не есть пассивный архитектурный материал, не есть так же механически закрепленное здание, которое можно разрушить и вновь построить; общество для него представляется неделимым живым телом, которое развивается по известным законам, спокойно без толчков и постепенно. Речь идет о медленном, неравномерном, но неуклонном, в

Journal of International Scientific Publications:
Language, Individual & Society, Volume 6, Part 2
ISSN 1313-2547, Published at: <http://www.scientific-publications.net>

конечном счете, прогрессе, которого человеческий род достигает, воспитывая в себе наиважнейшее из всех качеств, целую сумму свойств, привычек, норм и обязательств. Юм не сторонник моментального разложения государства, так как это ставит все государственное управление в зависимость от необузданной человеческой массы.[1] В "Трактате о человеческой природе" Юма, утверждается положение о приоритете закона: "Люди наиболее действенным образом могут судить своим интересам путем всеобщего и неуклонного соблюдения законов справедливости при помощи чего они только и могут сохранить общественный строй и предохранить себя от введения в то бедственное, дикое состояние, которое обычно обозначается как естественное состояние".[5]

Идеи Алексиса де Токвилья, особенно его книга "Старый порядок и революция", способствовали формированию представлений о преобразовании государства путем реформ. Токвиль утверждал, что истинный характер революции можно изучить по сочинениям писателей, появившихся в средние века, которые называли себя экономистами или физиократами. Экономисты по сравнению с философами, которым так и не удалось выйти за пределы общих абстрактных идей в области государственного управления, не отдаляясь от теории, тем не менее, ближе подошли к фактам. Все институты, которые можно было считать произведениями революции, заранее были ими предсказаны, не было ни одного такого установления, которое бы в зародыше не содержалось в сочинениях экономистов. Они не считали нужным строить государственные учреждения соответствующими исторической действительности государства, т.к. "испытывали к прошлому безграничное отвращение".

Токвиль соглашался с экономистами в том, что единственной гарантией против злоупотреблений власти является народное образование, поскольку как утверждает Кенэ "если народ просвещен, то деспотизм не возможен".[6] Токвиль ссылается на Тюрго, у которого первой политической гарантией выступало воспитание, которое он называл "интеллектуальной терапией". Считая основной линией рост просвещения, Тюрго видел в истории человечества прежде всего успех разума. "Люди переживают счастливые времена и годы бедствий, но человеческий разум в ходе истории прогрессирует".[7] "Разум тождественный с самой справедливостью, не лишил бы никого, того что ему принадлежало, изгнал бы навсегда войну и захваты, оставил бы людей разделенными на массу отдельных наций, говорящих на разных языках".

По мнению экономистов, государство должно не только управлять нацией, но и определенным образом формировать ее; оно должно заранее наставлять умы граждан в соответствии с известным заранее определенным образом. Умы и сердца граждан должны быть наполнены теми идеями и чувствами, каким государство считает необходимым.[6] Таким образом, Сперанский приходит к выводу, народное образование прерогатива исключительна государственная, для которой необходимо формирование соответствующей концепции просвещения, несущей в себе идеи не только национальной индивидуальности России, но и мысли, помогающие правильно воспринять все государственные нововведения. Подобные идеи русские реформаторы восприняты и у Аристотеля в его "Политики": "стремиться к объединению людей и обобщению массы нужно...путем ее воспитания".[3]

Положения западной философии права получили свое отражение в государственно-правовых теориях русского реформаторства, сформировали в них представления о государстве и государственных учреждениях как о ведущем способе формирования нового общественного строя. Как экономисты в своих планах переустройства общества рассчитывали на королевскую администрацию, так и в России были уверен в верховной власти, как единственно возможным

источником преобразования, что революция разрушает множество общественных институтов, идей и привычек, чуждых свободе, но в то же время она уничтожала и без чего общество вряд ли может существовать.

Токвиль склонен к мысли, что лучше бы перемены свершились бы деспотом, они оставили бы больше возможностей сделаться со временем свободной нацией, чем совершенные революцией, проведенной во имя суверенитета народа самим же народом.[6] Россию никогда не считали деспотией, но к недостаткам ее государственного устройства относили сильную централизацию государственной власти в руках монарха и отсутствие каких-либо средств ее ограничения. Подобные идеи высказывал Тюрго, считавший, что прогресс разума "не затрудняемый принудительностью не совершенных законов, устанавливаемых абсолютной властью и более способствует устройству нового порядка".[7] Поэтому России, как государству никогда не знавшему ни гражданской, ни политической свободы лучше воспримет и адаптирует для себя все нововведения, установленные властью, чем страны, где движение к свободе начинались революциями. Токвиль называет революционные идеи "враждебными индивиду, противные частным правам и приветствующие насилие". В пример он приводит Францию: "французская революция имела своей целью не только изменения прежнего правления, но и уничтожение старой формы общества, она вынуждена была обратить свое оружие против существующих установлений власти, разрушить признанные авторитеты, стереть из памяти людей традиции, обновить нравы, обычаи и в некотором роде очистить разум человеческий от всех идей, на которые основывались доселе уважение и повинование, отсюда и проистекает своеобразный анархический характер революции".[6]

По Монтескье цель государства состоит в обеспечение свободы, центр тяжести его учения заключается в теории конституционных гарантий, необходимых для достижения этой цели. Согласно пониманию философа свобода "может заключаться лишь в том, что бы иметь возможность делать то чего должно хотеть не быть принужденным делать то, чего не должно хотеть".[8]

Свобода по Монтескье должна быть в любом умеренном правлении. Для обеспечения необходимой политической свободы Монтескье разработал механизм защиты от злоупотреблений властью. "Чтобы не было возможности злоупотреблять властью, необходим такой порядок вещей, при котором различные власти могли бы взаимно сдерживать друг друга. Возможен такой государственный строй, при котором никого не будут побуждать делать то, к чему его не обязывает закон, и не делать того, что закон ему позволяет". "В каждом государстве есть три рода власти: власть законодательная, власть исполнительная, ведающая вопросами международного права, власть судебная, ведающая вопросами права гражданского".

Такую форму государственного правления Монтескье отличал тем, что при ней "никто не принуждает, не делать того, что закон позволяет". Монтескье разделял в своей теории государственную власть, стремился, чтобы она не была сосредоточена в руках одного лица либо государственного учреждения, т.к. понимал, что в противном случае политической свободы в государстве не будет. "Для гражданина политическая свобода есть душевное спокойствие, основанное на убеждении в своей безопасности. Что бы обладать этой свободой необходимо такое правление, при котором один гражданин может, не боятся другого гражданина".

В понимании Монтескье, правильная монархия как государство предполагает особые сословные преимущества служебной иерархией, наследственным дворянством. Мыслитель

Journal of International Scientific Publications:
Language, Individual & Society, Volume 6, Part 2
ISSN 1313-2547, Published at: <http://www.scientific-publications.net>

считал эти элементы "обладают некоторым предрассудком или мнением о достоинстве и значении, стремлением к отличию, которое составляет самую сущность чувства чести", которая в монархиях является тем движущим началом, позволяющим монарху проникнуться сознанием своего величия, отождествляя и смешивая его с величием самого государства. В монархиях честолюбие заменяется гражданской доблестью, и если в республиках она может привести государство к гибели, то монархии просто необходимо, посредством честолюбия действует весь государственный механизм. "Монархии...стремятся лишь к славе граждан, государства и государя...из этой славы проистекает дух свободы... Распределение и соединение трех властей там осуществляется не по образцу... Каждая власть там распределена там особым образом, который более или менее приближает ее к свободе, без чего монархия выродилась бы в деспотизм".[8] В соответствии с этим русские реформаторы приходят к выводу, в России верховная власть, воплощая разум и нравственность, должна защищать общество от распада, создавать определенный баланс и гармонию в распределении польз. Главной проблемой верховной власти является согласование долга с равенством, что требует признания личной свободы, союза и равенства всех членов данного союза. Данное согласование интересов требует утверждения права в обществе и развития правосознания личности, которое возникает на основе власти человека над собой и своим имуществом и начинается там, где существует добро и правда и где имеется согласие в обществе. Самодержец в России выступает как "координатор и посредник между различными слоями общества", монарх, элитарные группировки, все сословия – между ними бы на основании закона устанавливались бы свои органические связи.[9] Государственную власть России стремились сделать менее централизованной, менее авторитарной, более соответствующей нуждам российского общества, т.к. подспудно признавал, высказанное Гроцием право народа противодействовать правителям при всех и всяких обстоятельствах: "если доведенный до крайней опасности народ не имеет возможности найти иной способ защититься или же если угнетаемый нуждой не в состоянии иначе добыть достаточные средства существования".[10] Основой нравственного порядка является правда, опирающаяся на две силы: внутреннюю, религиозную и внешнюю силу общежития, выраженную в законе. "Законы, регулирующие внешний мир людей, были бы жестоким и противоречили бы своему назначению, так как законы должны обеспечивать и гарантировать свободу, а не ограничивать ее". Три формы общежития – семейство, род и государство – возникли постепенным расширением, имея под своей основой четыре условия – состояние лиц, имущественную собственность, верховную власть и нравственный порядок. В стадии перехода от гражданства к государству, понимается переход "в развитии общежития от рода к государству, необходимую принадлежность государства". "В самом начале общежития, в составе семейственном, мы различали уже два союза, два рода отношений: отношения детей к родителям: союз власти и повиновения и отношения детей между собой: союз равенства и взаимности. Сие два союза, проходя через все последующие периоды общежития, получают полное свое образование в составе государственном".[11] Верховная власть устанавливается в государстве для защиты правды, и законодательная деятельность правительства должна исходить из воли народа, учитывая общественное мнение. Охранительная функция верховной власти предполагает учет интересов или "польз" даже если "верховная власть противна пользам", так как в случае если верховная власть не учитывает пользы населения "возможны разрушающие общество революции". Необходимо отметить, что русские мыслители начала 19 века были первыми в России, оценившими значение общественного мнения и настаивавшими на том, что правительство, которое не в состоянии получить его поддержку, по сути, слабо и непрочно.

Европейский абсолютизм, лишивший народ политических прерогатив не посягал на фундаментальные гражданские права и права собственности. Абсолютная монархия в Европе никак не означало деспотию или тиранию. Пайпс Р. приводит в пример Францию, одну из самых абсолютистских монархий, которая имела свою «обычную» конституцию, отменявшую волю короля и которую король должен был уважать. Парламенты возникли в Европе в Средние века... К концу XII и в XIII веке представительные институты появились в Испании, Португалии, Священной Римской империи... необходимо отметить так же, что термин «*bonum commune*» - общее благо – применялся во Франции уже в 1273 году. В силу таких причин как географическая и культурная, развитие России происходило в противоположном направлении – от относительной свободы Средних веков к неограниченной власти самодержца.[12]

Монтескье в своей теории истинной монархии, ведущее место непосредственно отводит органам власти, подчиненных монарху и от него зависимых. У Монтескье "в правильной монархии монарх правит по средствам основных законов; отсюда вытекает необходимость отправления различных функций власти через посредством законом установленных органов. В противном случае весь законный порядок рушиться и монархия вырождается в деспотию". "...монархи... подчиняются основным законам своего государства, счастливее тех деспотических государей, у которых нет ничего способного управлять сердцами их поданных и даже собственным сердцем".[8]

Французский философ в качестве примера приводит английскую конституционную монархию и утверждает, что "все английские учреждения покоятся на высокоразвитом сознании целой нации. В Англии многие годы господствует принцип личной неприкосновенности, относительная свобода слова и личных собраний, имеется хорошо организованное местное самоуправление, осуществляется выборность судебного института". Принципы английского конституционного права Сперанский считает "краеугольным камнем истинной монархии". Сперанский имел виду здесь Францию периода первой империи, Францию Наполеона. Русского реформатора привлекла четкая система устройства государственных органов в сочетании с сильной единоличной властью. Французский император формировал государство, где стержнем выступал бюрократически организованный чиновничий аппарат, а основными органами управления при Наполеоне стали министерства, созданные на принципе единонаучания и жесткой исполнительной вертикали. Империя Наполеона, выросшая из республики, все более становилась похожа на монархию, со всеми ее атрибутами, такими как императорский двор и дворянское сословие. Но это была монархия нового образца, буржуазная монархия, полностью отказавшаяся от феодального наследия. Необходимо отметить, что Наполеон помимо реставрации старого дворянства, приступил к формированию нового. Для этого он в первую очередь учредил орден Почетного легиона, который и по сей день остается самой значимой национальной наградой во Франции. Как и в России, во Франции государственная власть ассоциировалась исключительно в личности правителя, от чьей воли зависела судьба государства. Имея широкие законодательные полномочия, Наполеон способствовал проведению широкомасштабных кодификационных работ. Результатом стал, утвержденный 21 марта 1804 года Гражданский кодекс или Кодекс Наполеона, который устанавливал юридические нормы нового, буржуазного общества, восходящие своими корнями к просветительской литературе XVIII века.[13] Кодекс Наполеона закреплял основные положения, провозглашенные еще Декларацией прав человека и гражданина от 26 августа 1789 года: провозглашалось равенство граждан перед законом, защита личности и собственности и др. Кодекс Наполеона был документом большого

Journal of International Scientific Publications:
Language, Individual & Society, Volume 6, Part 2
ISSN 1313-2547, Published at: <http://www.scientific-publications.net>

прогрессивного значения, способствовавшего утверждению в Европе основ буржуазного общества.

В глазах России единовластный режим французской империи только на вид представлялся сильным и могущественным. Он не имел опоры в национальном сознании французского народа, не опирался на традиции, выработанные веками данной страной, что способствовало все более сильному отчуждению от общества. Необходимо с большим уважением относиться к историческому наследию России, все нововведения необходимо умело ввести в народную жизнь и, не нарушив «историю нации и ее традиций», которые "являются одним из определяющих факторов жизнедеятельности государства. Особое отношение к традициям народа находим у Берка Э., который считал, что всякий общественный порядок возникает в результате долгой исторической работы, утверждающей стабильность, ценности, традиции, обычай, предрассудки. Все это – ценнейшее наследие предков, которое необходимо бережно хранить. Даже предрассудки не надо разрушать, а стремиться найти в них содержащуюся истину. Сила действительной конституции – в давности, в традициях. Честный реформатор не может рассматривать свою страну как всего лишь чистый лист бумаги, на котором он может написать все, что ему заблагорассудится. В этом плане Берк указывает на кардинальные отличия Французской революции и революции в Англии: французы стремились все построить заново, когда в свою очередь английская революция была совершена для сохранения древних законов, свобод, конституции, основанной на традициях.[14] По мнению Монтескье между законами, нравами и обычаями сохраняется самая тесная связь. Мыслитель высказывает мнение о том, что все законы каждого государства должны до такой степени быть приспособленными к тому народу, для которого они устанавливались, особенно жестко надо соблюдать в монархиях, что законы одного народа не могут в полной мере подходить к другому народу. Законы должны быть полностью соответствием национальным особенностям и нравам жителей, их религиозным представлениям и бытом. Не последнее место Монтескье отдавал и физической природе стран – климату, величине, географическому положению. В России понимали, что при попытке перенести в страну, характеризующуюся своей особой самобытностью принципы западноевропейских философов, существует риск отторжения этих идей, выросших на чужой почве. Необходима была теория, не допускающая мысли подчинить этим идеям и принципам российскую действительность, насилием втискивать русское общество в рамки представлений, возникших из знакомства с европейскими политическим системами.

Идея Аристотелем в том, что "политический закон должен соответствовать справедливости и праву"[15], что "политическое правление это правление закона, а не людей", и как пишет Трубецкой, по Аристотелю цель государства двойственна: во-первых, оно должно служить осуществлению высших этических идеалов, т.е. посредством воспитания сделать своих граждан добродетельными и, во-вторых, государство должно обеспечить им совокупность внешних условий необходимых для счастья, т.е. известный материальный достаток и справедливое распределение материальных благ и политических прав.[1]

Реформаторы в России стремился к созданию такого государства, в котором бы на первом месте стоял принцип верховенства закона. Их политико-правовая теория преобразования государства была рассчитана на эволюционное изменение общества с учетом свойств человеческой души, общественной свободы и духовной опоры, а так же в соответствии гражданскому просвещению народа. Иначе государство встало на путь деспотизма и революции. Теория предусматривала создания слоя просвещенных людей способных воспринять новые идеи и стать опорой законодательной власти, и служило бы равновесием

для верховной власти. И достигнуть этого можно было, только используя постепенные государственные реформы, не принимая революционных способов преобразования, не разрушая существующий общественный порядок.

Проекты государственно-правового преобразования имели свое влияние на официальную власть в лице императора. Под их воздействием правительство русского императора Александра I осуществило реформу, необходимость которой еще первый провозгласил Радищев". [16] Понимание особенностей общественного устройства России, сформированное под влиянием философско-правовых помогли осознать необходимость преобразований именно в качестве реформ "сверху", так как в противном случае "заставят это сделать снизу, силою". Проекты преобразования государства в начале XIX века были первыми, к которых осознавалось, что единственный путь модернизации страны это медленные, поэтапные реформы «сверху», причиной этому было мощная централизация государственной власти, слабость городов, третьего сословия, порожденная монгольский разгромом.

Идеи реформирования русского государства базируются на трудах западных мыслителей с учетом национальных и политических особенностей. Изучая труды английских, французских философов русские мыслители пришли к выводу о необходимости ограничения самодержавия на основе введения принципа разделения властей. Философско-правовые идеи европейских мыслителей способствовали формированию тех общетеоретических принципов понимания государства и права в России, которые помогли сформулировать общую концепции государственного преобразования, способствовали проведению в России первых либеральных преобразований и выходу из феодально-крепостнического кризиса.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Трубецкой Е. Н. Труды по философии права. СПб., 2001
2. Гоббс Т. Философское основание учения о гражданине. М., 1914
3. Аристотель Политика. М., 2005
4. Локк Д. Избранные философские произведения в двух томах. Т. 2. М., 1960
5. Юм Д. Сочинения в 2т. Т. 1., М., 1996
6. Токвиль А. де Старый порядок и революция. М., 1997
7. Тюрге А.Р. Избранные экономические произведения. М., 1961
8. Монтескье Ш. Дух законов. М., 1999
9. Пивоваров Ю. Очерки истории общественно-политической мысли XIX- первой трети XX столетия. М., 1997
10. Г. Гроций О праве войны и мира. М., 1994
11. Коркунов Н.М. Теоретическое воззрение Сперанского на право// Журнал министерства Народного просвещения октябрь ч. 2 1894
12. Пайпс Р. Русский консерватизм и его критика. М., 2008
13. Ревуненков В.Г. Наполеон и революция 1789-1815. СПб., 1999
14. Лейст О. История политических и правовых учений. М., 1997
15. Сперанский С.И. Учение Сперанского М.М. о праве и государстве. М., 2001
16. Глинский В. Конституционные предпосылки в начале XIX века//Исторический вестник 1905 декабрь

**FIXED PHRASE SCHEME «HAD + N₁ [PRON₁] + V_{p.p.!}» IN THE SYSTEM
OF THE ENGLISH LANGUAGE**

Elena M. Slivnaya

The Pedagogical Institute, Southern (Uzhny) Federal University, Russia, Rostov-on-Don,
B. Sadovaya, 33

Abstract

The article is devoted to the analysis of the complex sentence with the subordinate clause of condition in phraseological aspect. Traditionally such syntactic constructions are studied under Subjunctive or Conditional Mood. Yet such approach does not give an opportunity to solve a number of important problems, which are connected with the organization and functioning of the structures in question. Analysis of one of such structures in structural and semantic aspect helps to explain still inexplicable facts of breaking the rules of their grammar arrangement.

Key words: syntactic phraseology, syntactic phraseological units, fixed phrase scheme, conditional mood, etymology, elimination.

Сложные предложения фразеологизированного типа долгое время не являлись специальным предметом исследования синтаксической фразеологии. В основном ученые решали следующий вопрос: считать ли такие предложения сложносочиненными, сложноподчиненными, «переходными» от сочинения к подчинению или взаимопридаточными (взаимоподчиненными). Так, В.А. Белошапкова в одной из своих работ указывает, что «существующее деление предложений на сочинение и подчинение схематично и условно. Между сочинением и подчинением существует диалектическая связь. В сочинении, как показывают последние исследования, могут быть элементы подчинения, а в подчинении обязательно есть элементы сочинения, поскольку подчинение предполагает соединение частей, их слияние в высшем единстве сложного предложения» [Белошапкова, 1977, 54].

Условно этот период можно считать начальным этапом в изучении фразеологизированных сложных предложений. В 60-90 годы XX века интерес ученых вызывают сложные фразеологизированные предложения различных структурно-семантических типов: фразеологизированные БСП, фразеологизированные ССП, а также фразеологизированные СПП. В 1967 году появляется работа А.А. Гасанова, в которой подробно описываются структурно-семантические особенности фразеологизированных конструкций различных типов. В 1972 году выходит работа А.М. Слепцовой, в которой дается попытка объяснить специфику фразеологизированных конструкций, а также рассмотреть процесс их возникновения из свободных структур.

Но все же СП-ФЕ еще не получили всестороннего описания в синтаксической науке. Часто анализ подобных конструкций ограничивается структурно-семантическим описанием отдельных видов, и за пределами исследования остаются специфические черты фразеологизированных конструкций, определяющие их особое положение в системе сложных предложений русского и других языков.

СП-ФЕ совмещают признаки синтаксических и фразеологических единиц, а потому должны изучаться на стыке двух разделов языкоznания – синтаксиса и фразеологии. Синтаксическая природа проявляется в наличии определенной синтаксической модели построения, а фразеологическая сущность находит выражение в свойствах воспроизводимости, устойчивости, структурно-семантической целостности и идиоматичности.

В большей степени, чем другие (БСП-ФЕ и ССП-ФЕ) исследованы фразеологизированные сложноподчиненные предложения (СПП-ФЕ). Но все же вопрос об устойчивых фразеологических единицах в системе сложноподчиненного предложения освещен в научной литературе недостаточно.

Фразеологизмы, соотносительные с СПП, неоднородны по структуре и степени фразеологизации. Это могут быть и устойчивые фразы, имеющий строго определенный лексический состав, и фразеологизированные схемы (фразеосхемы) с ограниченным лексическим составом, и синтаксически связанные конструкции, клише, штампы и т.п. Анализируемые в данной статье СПП-ФЕ относятся к так называемым фразеосинтаксическим схемам (фразеосхемам).

Фразеосинтаксическая схема – это коммуникативная предикативная единица синтаксиса, представляющая собой определяемую и воспроизводимую несвободную синтаксическую схему, характеризующаяся наличием диктумной или/и модусной пропозиции, выражающая членное понятийное смысловое содержание (т.е. равное суждению), обладающая грамматической и лексической частичной членностью, проницаемостью, распространяемостью, сочетающаяся с другими высказываниями в тексте по традиционным правилам и выполняющая в речи эстетическую функцию [Меликян, 2011, 76]. Такие высказывания «...обладают фиксированной и неизменной схемой построения, включая сюда обязательный порядок слов и наличие строго определённых, сильно ограниченных варьировании грамматических форм, а иногда и определённых служебных слов. В то время как лексические фразеогизмы индивидуальны в лексической сфере, индивидуальность фразеологических конструкций проявляется в сфере синтаксиса, т.е. в пределах заданной схемы допускается в той или иной мере свободное лексическое наполнение» [Шмелев, 1977, 64].

Фразеосхемы изучаются преимущественно на материале русского языка (см. работы В.Ю. Меликяна, Н.Ю. Шведовой, Д.Н. Шмелева и др.). Однако материал английского языка практически не попадал в поле зрения ученых-лингвистов. Все это и обуславливает актуальность данной работы.

Наибольшую специфику представляют те конструкции, у которых имеет место асимметрия формы и содержания, следовательно, они представляют наибольший интерес во фразеологическом аспекте. Анализ языкового материала английского языка показал, что это в основном сложные предложения со значением условия, поэтому в данной работе мы рассмотрим эти конструкции на примере одной из них.

Предложения со значением условия лингвисты относятся к сослагательному и условному наклонению, что является нерелевантным. В дальнейшем мы будем называть эти конструкции *условными предложениями*. Даже при поверхностном знакомстве с такими формами обнаруживается, что они не укладываются в рамки традиционной грамматики, в частности, теории сослагательного или условного наклонения. Остается неясным, как осуществляется однозначное понимание предикатии в английском языке при полном формальном совпадении

Journal of International Scientific Publications:
Language, Individual & Society, Volume 6, Part 2
ISSN 1313-2547, Published at: <http://www.scientific-publications.net>

выражения значений прошедшего времени и сослагательного наклонения, каков механизм передачи нереального значения. Мы вслед за Б. А. Ильишом, считаем, что в условных предложениях употребляются формы изъявительного наклонения. Они сохраняют свое лексическое значение, а сдвиг временной соотнесенности обусловлен синтаксическим окружением, систематизированным контекстом, снимающим временное инвариантное значение формы. При функциональной многозначности грамматических форм, которые могут выражать сослагательное наклонение необходимо учитывать контекстуальное влияние, конкретные индикаторы и типы структур, передающие значение нереальности. На этой основе в английском языке формируются определенные модели предложений, своего рода фразеосхемы, как отражение фреймов на уровне ментальной деятельности. Наиболее четко фразеосхемы представлены в условно-следственных комплексах, что объясняется более обобщающим характером причинно-следственных отношений при осмыслиении фактов действительности, когда регулярно реализуется обусловленность одних фактов другими, т.е. следствие расценивается человеком как обусловленный факт.

Настоящая статья посвящена анализу синтаксических конструкций фразеологизированного типа со значением условия на примере фразеосхемы «Had + N₁ [Pron₁] + <not> + V_{p.p.}!».

Данная фразеосхема моносемична и выражает *условно-предикативно-выделительное значение*, например: *Had you informed me earlier, we should have taken the necessary steps* (*Если бы ты сказал мне раньше, мы бы предприняли необходимые шаги*).

Анализируемая фразеосхема является мотивированной. Её образование осуществлялось в несколько этапов. Исходной синтаксической конструкцией выступило нефразеологизированное сложноподчиненное предложение с придаточным условия, например: *We should have taken the necessary steps if you had informed me earlier* (*Мы бы предприняли все необходимые шаги, если бы ты сказал мне раньше*).

На первом этапе происходит мене частей сложноподчиненного предложения, которая приводит к изменению тема-рематического членения предложения, например: *If you had informed me earlier, we should have taken all the necessary steps* (*Если бы ты сказал мне раньше, мы бы предприняли все необходимые шаги*). Следствием этого является акцентуализация значения условия, при котором данное событие или действие, о котором идет речь в предложении, могло бы осуществиться. Вынос на первое место в структуре СПП придаточного условия как раз и позволяет добиться этой цели, так как в соответствии с правилами тема-рематического членения предложения наиболее информативно значимая часть высказывания стремится занять инициальное положение.

На втором этапе происходят следующие структурные изменения. В придаточной части, которая теперь занимает инициальное положение по отношению к главной, элиминируется союз *if*, что, в свою очередь, приводит к выносу вспомогательного глагола *had* на первое место перед подлежащим. Именно на этом этапе СПП переходит во фразеосхему. Например: *If you had informed me earlier, we should have taken all the necessary steps → Had you informed me earlier, we should have taken all the necessary steps.* (*Если бы ты сказал мне раньше, мы бы предприняли все необходимые шаги*).

Предложения подобной структуры называются бессоюзовыми условными предложениями. Инверсия в бессоюзных условных предложениях придает им большую выразительность, делает более эмфатичными. И.П. Иванова замечает, что расхожее утверждение о несущественности порядка слов как средства тема-рематической организации предложения в английском языке

Journal of International Scientific Publications:
Language, Individual & Society, Volume 6, Part 2
ISSN 1313-2547, Published at: <http://www.scientific-publications.net>

мало основательно. Скорее можно утверждать обратное. На общем фоне фиксированного порядка слов более значимыми оказываются отклонения от обычного [Иванова, 1981, 258]. На русский язык такие предложения также можно переводить с помощью инверсии. Например:

1) *Had I known the extent of your crimes, I would never have helped you leave the bank.* /D. Brown. The Da Vinci Code/ • **Знай я какие именно тяжкие за вами числятся преступления, ни за чтобы не стал помогать вам выбраться из банка;**

2) *Had you been Emperor of East and West, you could not have ignored your inferiority in his presence.* /J. Conrad. Lord Jim/ • **Будь вы владыкой Востока и Запада; в его присутствии вы чувствовали бы себя существом низшим!**

Уже на втором этапе формирования в силу препозиции придаточной части фразеосхема осложняется дополнительными семантическими элементами: «желательности», «отрицания (отсутствия предмета речи)», «негативной оценки (сожаления)». Последние два на данном этапе формирования фразеосхемы актуализированы слабо.

Значение обусловленности сопровождается оценочным значением сожаления по поводу неосуществленности (или неосуществимости) намерения, недостижимости желаемого (Русская грамматика, 1980, 567). Например: *Had she lived one more day, we could have saved her. Do you know all the mystery of life and death?* /B. Stoker. Dracula/ **Если бы она прожила еще один день, мы бы спасли ее.** Знаешь ли ты тайну жизни и смерти?

На третьем этапе формирования фразеосхемы происходит ее дальнейшее сокращение за счет опущения главной части СПП. Такие предложения получили название условных предложений с невыраженным следствием, которое подразумевается и поддерживается контекстом. Например: *Oh, Lolita, had you loved me! I have reserved for the conclusion of my story the account of our unsuccessful first tryst.* /V. Nabokov. Lolita/ • **О, Лолита, если бы ты любила меня! Я приберег к концу рассказа описание нашего плачевного первого свидания.**

Н.А. Кобрина указывает на тот факт, что стабильность фразеосхемы условно-следственного отношения обусловила возможность независимого использования придаточной части с импликацией возможного следствия. На этой основе появились самостоятельные восклицательные предложения, формально представляющие собой придаточную часть с обратным порядком слов, которые передают значение «надежды, упования на перемену, с эмоциональным отношением к нереализованному действию или утраченной возможности» [Кобрина, 2007, 113]. Например: *He had been beyond our power for a long time. Had he dared, at the first, to attempt secret sciences!* /B. Stoker. Dracula/ **Мы уже давно были бессильны против него. Если бы он осмелился сразу приняться за тайные науки!**

В силу такого субъективного эмоционального отношения к нереализованному действию на третьем этапе становления фразеосхемы происходит дальнейшая трансформация ее значения. Сема «условия» частично деактуализируется в этом варианте фразеосхемы, и в полной мере актуализируются семы «желательности», «отрицания», «негативной оценки». Например:

1) *Smoke noticed that they were going through unpacked snow, but neither he nor Shorty observed that the dim trail they had been on still led south. Had they witnessed the subsequent procedure of Louis Gastell! The old man carefully trampled and widened the turn they had made to the west.* /J. London. Smoke Bellow/ • **Однако ни он, ни Малыш не обратили внимания на то, что едва заметная тропинка, по которой они шли, по-прежнему ведет на юг. Если бы они видели, что**

сделал Льюис Гаскелл! Старик старательно утоптал и расширил поворот в том месте, где они свернули на запад.

2) *Nobody could explain the words of our dream. Had he been among us! /R. R. Tolkien. The Lord of the Rings: The Two Towers/ Некому было объяснить слова из нашего сна. Если бы он был с нами!*

3) *What had they come here for – inherently illicit creatures, rebels from the Victorian ideal? What business had they in this crowd? Had they just known! /J. Galsworthy. In Chancery/ • Зачем они пришли сюда, эти двое, отвернувшиеся от всех законов, восставшие против идеалов викторианства? Что нужно им в этой толпе? Если бы они только знали!*

Возможна также и дальнейшая элиминация фразеосхемы, которая хотя встречается крайне редко, представляет собой четвертый этап формирования фразеосхемы. Так, во фразеосхеме «**Had + N₁ [Pron₁] + <not> + V_{p.p.}**» допускается опущение личной формы смыслового глагола. Например: *I wish you had sincerity enough to tell me whether Catherine would suffer greatly from his loss: the fear that she would restrains me. And there you see the distinction between our feelings. Had he been in my place! And I in his! Had he! /E. Brontë. Wuthering Heights/ • Прошу, скажи мне со всей откровенностью, будет ли Кэтрин сильно страдать, потеряв его, боюсь, что будет, и этот страх удерживает меня. В этом видно различие между его любовью и моей. Если бы он был на моем месте! А я на его! Если бы!*

Такой вариант фразеосхемы «**Had + N₁ [Pron₁]!**» возможен только с опорой на контекст. Подобные предложения представляют собой что-то вроде риторического восклицания и выражают крайне эмоциональное состояние, напряжение и даже истощение говорящего, поэтому в силу закона экономии языковых средств здесь происходит опущение смыслового глагола.

Элиминация сказуемого в предложении нарушает традиционные правила оформления данной синтаксической конструкции и свидетельствует о появлении элемента аграмматизма, поскольку английское предложение строго структурировано и для него обязательно наличие главных членов. Формальное и содержательное сокращение СПП-ФЕ способствует выделению остальных его структурных и смысловых элементов, что, в свою очередь, обуславливает ещё большую интенсификацию предикативного аспекта значения. Подобный сокращенный вариант возможен лишь в паре с более распространенным вариантом этой же фразеосхемы, что и помогает восполнить недостающую информацию. Например: *Soames had gone there once more, and stood against the Square railings, looking at its unlighted windows. Had she loved him! Had she! /J. Galsworthy. In Chancery/ Сомс пришел туда еще раз и стоял там у ограды сквера, глядя на неосвещенные окна. Если бы она его любила! Если бы!*

Таким образом, формирование фразеосхемы «**Had + N₁ [Pron₁] + <not> + V_{p.p.}**» происходило постепенно, в несколько этапов. На первом этапе это еще не фразеосхема, а структурно-семантический вариант СПП со значением условия. Фразеосхема появляется на втором этапе, а затем на третьем и четвертом этапах наблюдается ее дальнейшая трансформация по пути усиления признаков фразеологизации.

В результате таких трансформаций структура и значение синтаксической конструкции стали более экономными. План содержания перераспределил смысловые акценты в сторону еще большего выделения условно-предикативного аспекта с дополнительными оттенками значений желательности выполнения действия (сема «желательность») и невозможности его реализации (сема «отрицания»).

Journal of International Scientific Publications:
Language, Individual & Society, Volume 6, Part 2
ISSN 1313-2547, Published at: <http://www.scientific-publications.net>

Итак, рассмотрим структурно-семантические особенности фразеосхемы «**Had + N₁ [Pron₁] + <not> + V_{p.p.}**»! на втором этапе ее формирования.

Обязательный неизменяемый компонент фразеосхемы «**Had + N₁[Pron₁] + <not> + V_{p.p.} + N₁ [Pron₁] + would [should] + <not> + V_{inf. perf.}**» является простым (однокомпонентным) и представлен вспомогательным глаголом *had*.

Обязательный неизменяемый компонент фразеосхемы «**Had + N₁ [Pron₁] + <not>+ V_{p.p.!»}**

является простым (однокомпонентным) и представлен вспомогательным глаголом *had*. В системе языка вспомогательные или служебные глаголы не имеют самостоятельного лексического наполнения и служат маркерами категориальных значений. Неполнознаменательный характер подобных лексических компонентов облегчает разнообразные их содержательные трансформации вплоть до полной деактуализации значения. Вспомогательные глаголы употребляются для образования:

1) различных видовременных форм. Например: *If I have read the chronicle aright, there should be another.* /Cl. S. Lewis. The Chronicles of Narnia. The Last Battle/ • Если я правильно помню хроники, здесь должна быть еще одна королева;

2) вопросительного или отрицательного предложения, а также акцентированности в целях выражения категоричности или эмотивности. Например: “*This was the morning I arranged to come down. Had you forgotten?*” “*Yes, I had*”. /A. Hailey. The Final Diagnosis/ • Мы с вами условились встретиться сегодня, Джо, разве вы забыли?

3) глагольности в глагольно-именных предикатных образованиях. Например: *But one day when Jenny comes home from work, she says, “Forrest, you and me has got to have a talk.”* /W. Groom. Forrest Gump/ • Но вот однажды вечером приходит Джени с работы и говорит мне: «Форрест, нам нужно поговорить».

Функция служебных глаголов – оформлять определенные члены предложения (чаще всего сказуемое). Употребляться самостоятельно, без сопровождения полнознаменательных слов, они не могут. Служебные и полуслужебные (или полузнаменательные) глаголы представляют собой закрытую группу слов частичной номинативной ценности.

Вспомогательный служебный глагол *had* находится в нетипичном для утвердительного предложения месте, а именно в препозиции по отношению к подлежащему, что характерно для структуры вопросительного предложения. Для придания высказыванию эмоциональной выразительности происходит импликация условного союза *if*, что сопровождается нарушением порядка следования компонентов. Но необходимо отметить, что, несмотря на инвертированный порядок следования компонентов, у вспомогательного глагола *had* отсутствует сема вопросительности. При этом в значении опорного компонента сохраняется сема, имеющая отношение к условно-выделительному значению.

Обязательный неизменяемый компонент данной фразеосхемы *had* характеризуется наличием нулевой парадигмы. Например:

1) *What Thon Kaschler might have done with them while he was alive! Even seventy years ago. Had I known of these sources ten years ago!* / W. M. Miller, Jr. A Canticle. For Leibowitz/ • Чтобы мог сделать с ними дон Кацлер, когда бы жив... семьдесят лет тому назад! «Если бы я знал об этих источниках десять лет тому назад!»;

Journal of International Scientific Publications:
Language, Individual & Society, Volume 6, Part 2
ISSN 1313-2547, Published at: <http://www.scientific-publications.net>

2) *I had considered whether or not to probe this Stone myself to find its uses. Had I done so! I am not ready for such a trial, if indeed I shall ever be so.* J. R. R. Tolkien. The Lord of the Rings: The Two Towers/ • Я раздумывал, не попробовать ли воспользоваться этим камнем самому. **Если бы я попробовать! Я не готов к такому испытанию...**

Обязательный изменяемый компонент фразеосхемы «**Had + N₁[Pron₁] + <not> + V_{p.p.} + N₁[Pron₁] + would [should] + <not> + V_{inf. perf.}**» представляет собой сложную структуру. Он состоит из двух групп элементов. Эти группы представляют собой два простых предложения, которые, в свою очередь, состоят из двух элементов каждое: подлежащего и сказуемого. Рассмотрим группы по отдельности.

Первая группа элементов – это простое предложение, которое функционирует в качестве придаточного в составе СПП-ФЕ. Подлежащее первой группы (*N₁, Pron₁*) варьируется в лексико-грамматическом плане, т.к. представлено двумя частями речи – именем существительным (*N₁*) и личным местоимением (*Pron₁*). В морфологическом аспекте этот элемент характеризуется нулевой парадигмой, т.к. здесь допустима только форма именительного падежа. Лексическое наполнение данного структурного компонента безгранично. Например:

1) *And Ernest Pavlovich gave the smooth operator full details of the misfortune which had befallen him, first laughing nervously and then becoming more sober as he relived the awful experience. "Had you not come, I would have died!" he said in conclusion. "Yes," said Ostap, "something similar once happened to me, too".* /I. Ilf, E. Petrov. The Twelve Chairs/ • И Эрнест Павлович, переживая вновь страшное происшествие, то омрачаясь, то нервно смеясь, рассказал великому комбинатору подробности постигшего его несчастья. **«Если бы не вы, я бы погиб!»** «Да – сказал Остап, – со мной тоже был такой случай»;

2) *He is a clever man, a reading man; and I confess, that I do consider his attaching himself to her with some surprise. Had it been the effect of gratitude, it would have been another thing! But I have no reason to suppose it so.* /J. Austen. Persuasion/ • Он умен, начитан, и, признаюсь, его любовь к ней меня удивляет. **Если бы это было следствием благодарности, тогда бы дело другое!** Но у меня нет повода это подозревать.

Сказуемое данного простого предложения представляет собой сочетание двух элементов: вспомогательного глагола *had*, который является неизменяемым компонентом фразеосхемы, а потому здесь не рассматривается, и смыслового глагола, который выражен формой *Past Participle*. Морфологическая парадигма последнего ограничена ввиду того, что контекст данной фразеосхемы предполагает отнесенность невыполнимого действия к прошлому, что соответствует третьему типу условных предложений, в придаточной части которых употребляется только форма *Past Perfect*, представляющая собой сочетание вспомогательного глагола *had + Past Participle*. Например: *He would never go home now. Not he. Never. Had he been capable of picturesque manifestation she would have shuddered at the thought and made you shudder too! But he was not of that sort, though he was expressive enough in his way.* /J. Conrad. Lord Jim/ • Домой он никогда не вернулся бы. Никогда. **Если бы он был способен на бурное проявление эмоций, он содрогнулся бы при этой мысли вас заставил бы содрогнуться!** Но он был не из этой породы, хотя, по-своему, умел быть красноречивым.

Лексическая парадигма данного элемента не имеет ограничений и допускает широкое варьирование своего смыслового наполнения. Например:

1) *Had you added the words, “without intent to kill”, she would have been discharged.* /L. Tolstoy. The Awakening/ • **Если бы вы прибавили слова: «Но без намерения причинить смерть», то она была бы оправдана.**

2) *He had great faith in Buck’s strength and had often thought him capable of starting such a load. Had he faced the possibility of it, he would not have lost it! The eyes of a dozen men fixed upon him, silent and waiting. Further, he had no thousand dollars; nor had Hans and Pete.* /J. London. The Call of the Wild/ • **Он очень верил в силу Бэка и часто думал, что тот мог бы свезти любой груз. Если бы ему только представилась такая возможность, он бы ни за что ее не упустил!** Глаза целого десятка людей устремлены на него, все молчат и ждут! К тому же ни у него, ни у Ганса и Пита не было тысячи долларов.

Таким образом, данный элемент первой группы обязательного изменяемого компонента фразеосхемы обладает дефектной лексико-грамматической парадигмой, нулевой – морфологической и полной – лексической.

Обратимся к анализу элементов второй группы обязательного изменяемого компонента. Элементы данной группы также представляют собой простое предложение, состоящее из двух элементов: подлежащего (N_I , $Pron_I$) и сказуемого ($would$ [$should$] + $V_{inf.\ perf.}$). Данное простое предложение функционирует в составе СПП-ФЕ в качестве главного.

Подлежащее (N_I , $Pron_I$) варьируется в лексико-грамматическом плане, т.к. может быть представлено двумя частями речи – именем существительным или личным местоимением. В морфологическом аспекте данный компонент характеризуется нулевой парадигмой, т.к. здесь допустима только форма именительного падежа. Например: *Had she been a first-year student, and afraid of him, she would have been more careful! But Darby Shaw was not afraid of him.* /J. Grisham. The Pelican Brief/ • **Если бы она была первокурсницей и боялась его, она бы была осторожнее!** Но Дарби Шоу не боялась его.

Сказуемое представляет собой сочетание двух элементов: вспомогательного глагола $would$ [$should$] и глагольной лексемы ($V_{inf.\ perf.}$). Первый элемент характеризуется лексико-грамматической парадигмой, т.к. может быть представлен различными вспомогательными глаголами: $would$ [$should$]. Его отдельные лексико-грамматические варианты способны обладать и морфологической парадигмой, связанной с варьированием грамматического значения: $would$ – $should$ ($should$ – 1-е лицо, $would$ – 2-3-е лицо). Обе парадигмы имеют дефектный характер.

Инфинитив смыслового глагола обладает морфологической дефектной парадигмой, потому что ограничен формой перфектного инфинитива $V_{inf.\ perf.}$, выражающей отнесенность к потенциальному прошлому (омонимична формам грамматического времени *Future Perfect-in-the-Past*). Например: *I’d have loved the lad had he been someone else. But I think he’s safe from her love.* /E. Brontë. Wuthering Heights/ • **Я полюбила бы этого юношу, будь он кем другим. Но ее любовь едва ли ему угрожает.**

В лексическом плане оба элемента (N_I , $Pron_I$) и ($would$ [$should$] + $V_{inf.\ perf.}$) допускают широкое варьирование своего смыслового наполнения, поэтому лексическая парадигма не имеет ограничений, например: *And all could yet have been well with him, had she not, later, when brought back to consciousness, blazed at him with angry blue eyes.* /J. London The Burning Daylight/ • **И все бы с ним было хорошо, если бы она, когда ее привели в чувство, не глянула на него сверкающими гневом синими глазами.**

Фразеосхема «Had + N₁[Pron₁] + <not> + V_{p.p.} + N₁ [Pron₁] + would [should] + <not> + V_{inf. perf.}» имеет один факультативный компонент синтаксической структуры (*not*), который характеризуется жёсткой закреплённостью позиции и располагается в интерпозиции по отношению к обязательным неизменяемому и изменяемому компонентам. Данный факультативный компонент не допускает лексико-грамматического варьирования, т.к. представлен одной частью речи – отрицательной частицей *not*, а также характеризуется отсутствием морфологической парадигмы. В конструкциях, придаточная часть которых оформлена как отрицательное предложение, частица *не* имеет различные функции. При констатации нереализованности в прошлом или настоящем, частица *не* утрачивает отрицательное значение (Грамматика 80, 1980, 566). Например: *They also threatened to destroy me, as well as all the good friends and allies you see before you. And had we not managed to escape their clutches our days would long since have ended.* /L. Frank Baum. The Marvelous Land of Oz/ • *Они посмели угрожать смертью мне, а также моим верным друзьям и союзникам, стоящими здесь перед тобой. И если бы мы не спаслись бегством, нам уже давно пришел бы конец.* В подобных случаях соединение *had we not* (если бы мы не...) оформляет утверждение: *мы спаслись бегством, и поэтому нам не пришел конец.* Таким образом, в отрицательной конструкции, где отрижение выражено формально при помощи частицы *not*, идиоматичной оказывается сема «утверждения», которая формально не выражена, но в коммуникативном смысле высказывания представлена, и, наоборот, в утвердительной конструкции идиоматична сема «отрицания». Например:

1) *From amid a tuft of cotton grass which bore it up out of the slime some dark thing was projecting. Holmes sank to his waist as he stepped from the path to seize it, and had we not been there to drag him out he could never have set his foot upon firm land again.* /A. Conan Doyle. The Hound of the Baskervilles/ • *На кочке, поросшей болотной травой, лежало что-то темное. Потянувшись туда. Холмс сразу ушел по пояс в тину, и если б не мы, вряд ли ему удалось бы когда-нибудь почувствовать под ногой твердую землю.*

2) *After our visit to Carfax we decided not to do anything with the earth boxes that lay there. Had we done so, the Count must have guessed our purpose, and would doubtless have taken measures in advance to frustrate such an effort with regard to the others.* /B. Stoker. Dracula/ • *После посещения Карфакса мы решили оставить в покое ящики, зарытые там. Если бы мы поступили иначе, то граф узнал бы о нашем намерении и без сомнения принял бы меры к тому, чтобы с другими убежищами нам это не удалось.*

Структурная модель фразеосхемы обладает синтаксической парадигмой, так как допускает обратимости порядка следования частей предложения, например:

1) *Perhaps, had he been aware of his nephew's disposition and state of health, he would have seen fit to withhold even that slight consolation.* /E. Brontë. Wuthering Heights/ • *Может быть, если б мистер Линтон знал, какой у его племянника нрав и в каком состоянии его здоровье, он нашел бы в себе силу отказать дочери даже в этом слабом утешении.*

2) *You would have found yourself unable to part with Lieutenant Kuvshinnikov had you been there. You and he would have hit it off splendidly.* /N. Gogol. Dead Souls/ • *Ты бы не расстался с поручиком Кувшинниковым, если бы ты был там. Уж как бы вы с ним хорошо сошлись!*

Важно отметить, что обратный порядок следования частей СПП-ФЕ преобладает, поскольку именно в инвертированной синтаксической конструкции возможно наиболее полное выражение условно-предикативно-выделительного значения.

Данная фразеосхема способна распространяться в речи. Это позволяет детализировать коммуникативный смысл высказывания, расширяя контекст реализации самой фразеосхемы. Например: *Naturally the dwarves accepted the offer eagerly. Already they had come to respect little Bilbo. Now he had become the real leader in their adventure. He had begun to have ideas and plans of his own. When midday came he got ready for another journey down into the Mountain. He did not like it of course, but it was not so bad now he knew, more or less, what was in front of him. Had he known more about dragons and their wily ways, he might have been more frightened and less hopeful of catching this one napping! The sun was shining when he started, but it was as dark as night in the tunnel.* /J. R. R. Tolkien. The Hobbit/ • Гномы, само собой разумеется, с энтузиазмом приняли его предложение. Они уже очень уважали маленького Бильбо. К полудню он был готов ко второй вылазке в логово дракона. **Если бы он знал побольше о драконах и их коварстве, он был бы большие напуган!** Снаружи сияло солнце, но в туннеле было темно, как ночью.

Распространение фразеосхем в определенной степени противоречит принципам устройства фразеологических единиц. Оно в некоторой степени понижает степень их фразеологизации, уменьшая тем самым и эмоционально-экспрессивный потенциал. Данный структурный вариант фразеосхемы часто получает распространение, например: **Had he been on deck, he could no longer so much as have pretended not to understand the situation. It was as plain as day.** /R.L. Stevenson. Treasure Island/ • **Ведь останься он на палубе, он не мог бы притвориться ничего непонимающим.** Все было ясно, как день.

Ср.: *The Freedom Fighters had no choice. I would have done the same thing, had I been in their situation.* /K. Vonnegut. Hocus Pocus/ • У Борцов за Свободу просто не было выбора. **Я бы и сам поступил точно так же на их месте.**

Рассмотрим следующий структурный вариант «**Had + N₁ [Pron₁] + <not>+ V_{p.p.}**»! исследуемой фразеосхемы и последующие ее трансформации на пути усиления признаков фразеологизации.

Данный структурный вариант соответствует третьему этапу развития фразеосхемы. От предыдущего он отличается элиминацией главной части СПП-ФЕ, имеющей значение следствия, которое возможно в случае соблюдения условия, указанного в придаточной части. Например: *With her sallow oval face and her grey wistful eyes and those long dark lashes, she might, or she might not. Had he been able to guess!* /J. Galsworthy. In Chancery/ • Ее смуглое с правильным овалом лицо, задумчивые серые глаза с длинными темными ресницами как будто и обещали, и нет. **Если бы он только мог догадаться!**

В связи с опущением главной части СПП-ФЕ количество обязательных изменяемых компонентов тоже сокращается. Без изменений остаются элементы первой группы обязательных изменяемых компонентов, описанных выше.

Факультативный компонент фразеосхемы «**Had + N₁ [Pron₁] + <not>+ V_{p.p.}**» также не претерпевает никаких морфологических изменений. Например: *She always felt in them germs of truth that threatened to unseat or modify her own convictions. Had she been fourteen! But she was twenty-four, conservative by nature and upbringing, and already crystallized into the cranny of life.* /J. London. Martin Eden/ Она всегда ощущала зародыш правды, которая грозила опрокинуть или изменить ее собственные убеждения. **Будь ей четырнадцать!** Но ей было двадцать четыре, и, консервативная по натуре и воспитанию, она уже впитала представления того узкого круга, в котором родилась и выросла.

Данный вариант фразеосхемы не обладает синтаксической парадигмой, что связано с невозможностью обратимости порядка следования обязательных компонентов. Например: *They*

produced the tests, and made me take them, and they were a lot more complicated than the first one, but I did okay. Had I known what was going to happen next! I needn't have tried so much! /W. Groom. Forrest Gump/ • Они дали мне другие тесты, более сложные, чем первый. И я выполнил их хорошо. Если бы я знал, что случится потом! Не надо было мне так стараться.

Данный структурный вариант фразеосхемы «**Had + N₁ [Pron₁] + <not>+ V_{p.p.}!**» способен распространяться в речи, что позволяет говорящему восполнять и детализировать недостающий смысл высказывания вследствие элиминации главной части СПП-ФЕ. Но необходимо отметить, что такое распространение встречается нечасто, поскольку главная коммуникативная установка по использованию данной фразеосхемы – это не передача информации, а скорее эмоциональное повторение того, что уже было сказано, с целью акцентировать и привлечь внимание к предмету речи, а также выразить определенные субъективные переживания. Например: *Within the intricacies of the pattern (hurrying housewife, slippery pavement, a pest of a dog, steep grade, big car, baboon at its wheel), I could dimly distinguish my own vile contribution. Had I not been such a fool or such an intuitive genius, I would have preserved that journal. Had I not been such a fool or such an intuitive genius! /V. Nabokov. Lolita/ • Среди сложных подробностей узора (спешащая домохозяйка, скользкая мостовая, вздорный пес, крутой спуск, большая машина, болван за рулем) я смутно различал собственный гнусный вклад. Если бы не моя глупость или интуитивная гениальность, я бы сберег дневник. Если бы только не моя глупость или интуитивная гениальность!*

Третий структурный вариант фразеосхемы «**Had + N₁ [Pron₁] + <not>+ V_{p.p.}!**» идет по дальнейшему пути сокращения фразеосхемы и усиления признаков фразеологизации. Здесь допускается опущение одного из элементов обязательного изменяемого компонента – смыслового глагола, выраженного формой *Past Participle*. Подобное опущение главного члена предложения (структурно необходимого для английского предложения) возможно лишь с опорой на контекст, когда становится возможным приобретение необходимой информации для восстановления смысла и понимания коммуникативной установки высказывания. Природа второго элемента обязательного изменяемого компонента не подвергается никаким лексико-грамматическим и морфологическим изменениям. Например: *Had I known that the strength of Isengard was grown so great, maybe I should not so rashly have ridden forth to meet it, for all the arts of Gandalf. Had I! /J. R. R. Tolkien. The Lord of the Rings: The Two Towers/ • Если бы я знал, что Изенгард собрал такую силу, я бы, наверное, не решился выступить несмотря на все искусство Гэндалфа. Если бы! «Had + N₁ [Pron₁]!»*

Факультативный элемент отрицательная частица *not* также подвергается элиминации ввиду того, что отсутствует необходимое ей грамматическое окружение – глагол-сказуемое. Частица *not* опускается, потому как отсутствует член предложения, к которому она относится.

Структурная модель данной фразеосхемы «**Had + N₁ [Pron₁]!**» характеризуется отсутствием синтаксической парадигмы, поскольку не допускает варьирования в порядке следования компонентов. Например: *He stopped on the threshold; he would gladly have pressed my hand and, had I shown the slightest desire to embrace him, he would have thrown himself upon my neck. Had I! But I remained cold as a rock and he left the room. That is just like men. /M. Lermontov. A Hero of Our Time/ • Он остановился на пороге: ему хотелось пожать мне руку, и если б я показал ему малейшее на это желание, то он бросился бы мне на шею. Если бы! Но я остался холоден, как камень – и он вышел. Вот люди!*

Journal of International Scientific Publications:
Language, Individual & Society, Volume 6, Part 2
ISSN 1313-2547, Published at: <http://www.scientific-publications.net>

Данная фразеосхема не способна распространяться, поскольку она структурно и грамматически дефектна. Кроме того, это привело бы к уменьшению эмоционально-экспрессивного потенциала, заложенного в ней.

Итак, фразеосхема «**Had + N₁ [Pron₁] + V_{p.p.}!**» с опорным компонентом *had* и ее структурные варианты обладают всеми свойствами, которые присущи единицам фразеологической подсистемы языка. Прежде всего, воспроизводимостью, которая заключается в том, что она используется коммуникантами в готовом виде: ее план выражения и план содержания неизменны и предполагают друг друга. Во-вторых, структурной устойчивостью, которая проявляется в наличии обязательного набора компонентов (неизменяемого и изменяемого) и в невозможности опущения обязательного неизменяемого компонента, в необходимости инвертированного порядка их следования для придания всему высказыванию выразительности и экспрессивности. Фразеосинтаксическое значение эксплицируется всей синтаксической моделью в целом, что обуславливает наличие признака семантической целостности.

Наиболее значимым признаком, позволяющим квалифицировать данную конструкцию в качестве фразеологизированной, является свойство идиоматичности. Невыводимым, у описываемой фразеосхемы является, прежде всего, фразеосинтаксическое значение, которое включает в свой состав следующие семы: «условия», «желательности», «утверждения» или «отрицания», функциональную сему «повествовательности», «негативной эмоциональной оценки (сожаления по поводу)», «выделения» («интенсему») и «экспрессему».

Сема «условия» является основной семой рассматриваемой фразеосхемы. Формальные средства выражения семы «условия» отсутствуют, поэтому она имплицируется. Например: “*Oh, so you have heard of Narnia after all? said Jill. “Had I forgotten it! Well, that and all other bedevils will be over.* /C. S. Lewis. The Chronicles of Narnia. The Silver Chair/ • «Так значит, вы слышали о Нарнии? — не удержалась Джил. «Если бы я только забыл об этом!» — сказал рыцарь. «Что ж, и это наваждение окончится, как и другие».

Начиная со второго этапа формирования фразеосхемы появляется дополнительная сема «желательности», актуальная в виду субъектно-оценочного момента, присущего фразеосхеме. Например: *Everything went happily at home too; but at lunch Grisha began wistling, and what was worse, was disobedient to the English governess, and was forbidden to have any tart. Had Darya Alexandrovna been present!* /L. Tolstoy. Anna Karenina/ • Все шло хорошо и дома; но за завтраком Гриша стал свистеть и, что было хуже всего, не послушался англичанки и был оставлен без сладкого пирога. **Если бы Дарья Александровна была там!**

У данной фразеосхемы идиоматична сема «утверждения» или «отрицания». В отрицательной конструкции, где отрицание выражено формально при помощи частицы *not*, идиоматичной оказывается сема «утверждения», которая формально не выражена, но в коммуникативном смысле высказывания представлена, и, наоборот, в утвердительной конструкции идиоматична сема «отрицания». Например:

1) *What has she done? Had she listened to me! I must say the truth, though she is my niece: that girl's no good.* /L. Tolstoy. The Awakening/ • А она что сделала? **Если бы она меня слушала!** Да хоть и племянница мне, а прямо скажу – девка непутевая.

2) *From amid a tuft of cotton grass which bore it up out of the slime some dark thing was projecting. Holmes sank to his waist as he stepped from the path to seize it. And had we not been there!* /A. Conan Doyle. The Hound of the Baskervilles/ • На кочке, поросшей болотной травой, лежало

что-то темное. Потянувшись туда. Холмс сразу ушел по пояс в тину. **И если бы нас там не было!**

Невыводимость семы «повествовательности», в свою очередь, обусловлена рассогласованием вопросительной по форме (с инвертированным порядком следования компонентов) модели предложения и ее реальной повествовательной коммуникативной направленности. Например: *Some things she did appeared bold. Had she had a clever companion! Had she had one!* /Th. Dreiser. Sister Carrie/ • Кое в чем ее поведение могло показаться смелым. **Если бы у нее был умный друг! Если бы!**

Идиоматичны «эмоционально-оценочная» сема и сема «выделения» («интенсема»), которые выражают иррациональное эмоциональное отношение говорящего к предмету речи и не имеют как таковых средств выражения. Данная фразеосхема проявляет высокую степень экспрессивности, реализуя семы «интенсивности» и «экспрессивности», а также являясь предложением восклицательным. Например:

1) *But Tritt was in the chamber already. Had he been outside the door, waiting! He did not care.* /L. Asimov. The Gods Themselves/ • Но Тритт уже был в комнате. **Если бы он ждал за дверью!** Но если и так?

2) *And what had he to talk of? Had he been in love! Had there been anything beautiful, poetical, or edifying or simply interesting in his relations with Anna Sergeyevna?* /A. Chekhov. Lady with Lapdog/ • И о чем говорить? **Если бы он любил!** Разве было что-нибудь красивое, поэтическое, или поучительное, или просто интересное в его отношениях к Анне Сергеевне?

Итак. В современном английском языке функционирует фразеосхема с простым опорным компонентом *had*, который представляет собой служебный вспомогательный глагол. Этимологически фразеосхема детерминирована СПП с придаточным условным и способна выражать условно-предикативно-выделительное значение. В своем развитии она прошла четыре этапа формирования на пути фразеологизации. В целом данная фразеосхема характеризуется низким уровнем проявления парадигматических свойств. Ее опорный компонент обладает нулевой парадигмой. Обязательный изменяемый компонент представлен двумя элементами, которые обладают дефектной лексико-грамматической и нулевой морфологической парадигмой.

Фразеосхема обладает полным набором фразеологических признаков: воспроизведимостью, устойчивостью, структурно-семантической целостностью, идиоматичностью и экспрессивностью.

REFERENCES

- Белошапова В.А. Современный русский язык: Синтаксис. – М., 1977.
- Гасанов А.А. Сложные предложения с фразеологически связанными частями в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Баку, 1967.
- Иванова И.П. Теоретическая грамматика современного английского языка. – М.: Высшая школа, 1981.
- Меликян В.Ю. Об основных типах нечленимых предложений в русском языке // НДВШ. Филологические науки. 2001. №6. с. 79-89.

Меликян В.Ю. Фразеосинтаксические схемы с местоименным компонентом в системе русского языка // Русский язык в школе. 2007. №6. с. 69-74.

Меликян В.Ю. Лингвокреативная функция языка как проявление фундаментальных законов универсума (на примере фразеосхем русского языка) // Вопросы филологии. 2011. №2. С. 73-82.

Слепцова А.М. Фразеологизация и фразеологизм (к вопросу о синтаксических фразеологизмах) // Вопросы грамматики и лексики русского языка. – Изв. Воронеж. гос. пед. ин-та. – Т. 126. – С. 69-74.

Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. – М., 1960.

Шмелев Д.Н. Синтаксически связанные конструкции-фразеосхемы // Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. – М., 1976.

Шмелёв Д.Н. Современный русский язык. Лексика. М., 1977. С.327.

**ON THE INTERPRETATION OF SECONDARY SEMIOSIS
IN A SATIRICAL LITERARY TEXT**

(based on the material of the story “A Dog’s Heart” by Mikhail Bulgakov)

Marina V. Laskova, Yulia V. Novikova

South Federal University Pedagogical Institute Russia, Rostov-on-Don

Azov-Black Sea State AgroEngineering Academy Russia, Rostov region, Zernograd

Abstract

Fiction writer's point of view is created by means of language resources realizing his communicatively-pragmatical purposes to achieve the desired effect on the recipient. In this paper, a secondary text is understood as an extension of the primary one to the secondary system of signs, as a creative development and a similar function of the original text. Communicative equivalence of both texts is determined by the functional markedness of interlingual units, the maximum possible coincidence of which being the sign of the equivalence of the psycho-emotional reactions of the recipients of the primary and secondary text.

Aesthetic information and figurativeness of satirical literary texts always attracted the attention of many researchers (Tboeva, 2011, Shon, 2003, and the others). The basic idea is that a satire-focused text, presenting a pragmatic word-oriented artwork, contains not only events, the descriptions of characters and their feelings, but also the subjective evaluative attitude of the author to the reality.

The pragmatic aim to express the author's point of view leads to a set of linguistic resources by which the sender of the message exerts an "emotional impact on the recipient to form his set of values" (Babenko, 2006, 48). Hoping for a specific action or response from the reader, the author intentionally uses a whole arsenal of linguistic resources to present their communicative intention to the best advantage. Exposing and denouncing socially dangerous phenomena, many artists are often forced to resort to Aesopian manner of narration because of the word censorship. Therefore, the comic sense of utterances, formed by different linguistic means, requires the active intellectual participation of recipients in decoding the information implicitly laid down for an adequate interpretation of the pragmatic modalities of an author.

Decoding the ideological and artistic content of the work and the author's intention should be carried out in the combination of lingvopoetic and lingvostylistic approaches to studying the texts of satirical literature. The combination of both methods allows us to study the stylistic features of the linguistic means of all language levels. The latter act as a way of expressing the author's point of view and achieving the functional effect on the recipient. Satire being a form of comic uses the language means and techniques of the comic. Comic means are found on all language levels – from the phonetic one to text one. Both text and language units participate in the creation of comic effect – phonemes, morphs, word combination and sentence taking their functions into account. From the perspective of belonging to the levels of language system, we consider the phonetic, morphological, lexical and syntactic means. Along with the actual linguistic resources we distinguish speech production ones the comic effect of which is most clearly and eloquently manifested itself in the process of active interaction

Journal of International Scientific Publications:
Language, Individual & Society, Volume 6, Part 2
ISSN 1313-2547, Published at: <http://www.scientific-publications.net>

between units on different levels in the speech. The ability of units of one language level to engage (with the effect of surprise) in the syntagmatic and paradigmatic relations with the units of other levels detects a new communicative quality – the comic. The comic element of linguistic resources is seen and perceived as such, with respect to the language norm, which serves as a kind of starting point in the perception of a satirical text. In our opinion, of all means of expressing comic phenomena in the satirical text the most effective ones are means of figurative language. They are the best in transferring the sender's satirizing attitude to the reality. Their pragmatic potential helps to reflect the best of the author's communicative intention.

The problem of decoding the secondary semiosis which is understood in the paper, followed by Sadchenko, as "the process of using the system of an author's signs and other graphical means to expose the secondary concretizing denotative and connotative meanings that extend the depth of understanding and interpretation of the text" (Sadchenko, 2009, 106), is closely related to the activities of international and intercultural mediators for the creation of secondary texts. Secondary text is a metatext that is based on purposeful interpretation of the primary textual material on the polycode level in the process of communication and acting as a complete replacement of the primary textual material in another language and culture. The requirement of the communicative equivalence between the primary text and its new textual forms involves the transfer of the Text 1 in a new communicative environment while maintaining the semantic and formal unity. However, the presence of a translator, spatio-temporal and text-style factors greatly complicate the task of reproducing an equivalent communicative effect of the primary form.

We introduce functional markedness as a comparative parameter determining the success of the communication units of the primary and derivative (secondary) text. According to the Italian Slavist and translator Laura Salmon, the functional markedness will be considered as a result of the ratio of a text unit, which contains the primary information X (answers the question 'What') and secondary data Y (answers the question 'How'), established on the basis of context (factors wh-): «Functional equivalence is the realization of interlanguage synonymy, when the unit of the secondary textual form reflects the same ratio of X and Y based on the factors wh-. In other words, the interlingual equivalence is when there is the same markedness of two units in different languages »(Laura Salmon, 2008, 201). Thus, the greater the number of the units of the primary and secondary text either correspond or not correspond to the markedness / non-markedness parameter, the more or less is possible to speak about the potential parity of psychological and emotional reactions of the readers of both primary and secondary text and as a consequence of the functionally equivalent reproduction of the primary text in the secondary system of signs. Thus functional (pragmatic) equivalence is measured by the contextual markedness of each unit individually, and all of the text as a whole. The semantics of language means, realizing communicative and pragmatic attitude of the author, is a complex informational structure that includes the various components of the semantic structure of linguistic units. In terms of the choice of the only true equivalent in a row of "quasi-synonyms" (Laura Salmon, 2008, 204) the most important components are the following: 1) a denotative one and 2) a connotative one, understood in the work, followed by Arnold (Arnold, 2009, 153), as optional, secondary towards to a denotative component of the meaning, and includes information about the attitude of the speaker (writer) to the object of significance. The structure of connotative component consists of three basic elements a) an emotional one – the ability to express the subjective attitude of the speaker (writer) to the subject of communication b) the expressive one conveys the degree of manifestation of the subjective criterion c) the evaluative one as the ability to express positive or negative attitude of the speaker towards to the subject of communication (Vstavsky, 2006). If satire is regarded as the principle of figurative reality reflection, which is based on the negative attitude of the

Journal of International Scientific Publications:
Language, Individual & Society, Volume 6, Part 2
ISSN 1313-2547, Published at: <http://www.scientific-publications.net>

sender to the object through the ridicule, the leader of the three components must be admitted the evaluative one. Based on the foregoing, it seems quite reasonable to assume that the component analysis of the stylistically marked textual units of both primary and secondary text will help to identify the semantic and stylistic deformations in different-language versions of a primary text, and strategies of translators that lead to differences in the nature of the impact upon the recipient.

The work in question is a story "A Dog's Heart" by Mikhail Bulgakov's and three of its translations into English and French languages (translators: Michael Glenny (Michael Glenny), his translation will be later referred to as 'Version 1', Andrew Bromfield ('Version' 2), the French translator Vladimir Volkoff ('Version 3')). The choice of the world famous story "A Dog's Heart" is explained, first, by satirizing, carnivalesque attitude of the author to the events of the depicted reality, and, secondly, the fact that this story presents a rich material to identify a variety of linguistic means and techniques of satirical images used by the author not so much for the critics the new government, but for "testing last asked questions" (Bakhtin, 1994, 78), i.e. the problems of a philosophical nature.

The analysis of the factual material of the story "A Dog's Heart" has revealed the following productive linguistic means of expression of menippean satire:

1. Phonetic means, despite the lack of independent lexical and grammatical meaning, often have an important meaning in the semiotic system of a literary work. The constancy of the grammatical forms largely narrows the scope of their use to create a comic effect. However, the distinctive features of a phoneme as the basic structural unit of the comic on this linguistic level, create favorable conditions for playing on the sound forms of words. In order to create a comic effect on the phonetic level the satire uses: onomatopoeia, spoonersim, metathesis, alliteration, orthoepic violation of norms, playing on accentology, intonation, paronymy (Sannikov, 2002, 51-53). In the following fragment, '*Если в окнах висели несвежие окорока ветчины и лежали мандарины – гау-гау... га...страномия*' the phonetic play on words is based on the coincidence of the initial elements of the words *гау-гау* and *гастраномия*. In the English translations secondary interlanguage correspondences bow-wow, and grocery, as well as the French ones *ouah ouah* and *gastronomie* have no common initial phonemes and morphemes. Therefore, the translators repeated the initial morphemes of the stores' names '*If there were stale bits of ham and mandarin oranges in the window it meant a grrr ... grocery*' (Bulgakov, 2005, 16), '*If there were stale joints of ham hanging in the windows and heaps of mandarins, it was a ... grrr-grrr ... gr ... ocer's*' (Bulgakov, 2007, 11) and '*Si, dans une vitrine, pendaient des jambons avariés et traînaient des mandarines, c'était une Epi ... épi ... épicerie de luxe*' (Bulgakov, 1999, 21) as a kind of imitation of dog onomatopoeia.

2. As you know, a word is a context of the realization of a morpheme. There it gets its meaning and becomes a sign. In the Russian language failure to use a morpheme in a syntactic way, its rigid adherence to other morphemes limit the possibilities of its comic playing in a satirical literary work. However, compared with the phoneme, construction and inflectional functions of a morpheme create more conditions for playing on the form of the word. Because the morphological meaning is a grammatical notion, the comic effect is accompanied by deformations, which are manifested in the change of the formal aspects of the word, whereas its semantic aspect, in fact, does not change (Boris Norman, 1987, 175). Russian language is a language with a rich system of formation, cases and genders, that creates favorable conditions for the use of morphological means in the satirical and comic literary works. In the story "A Dog's Heart," the category of gender and the number of nouns and pronouns have attracted our attention. In the following fragment, '*...Я, как заведующий культомделом дома... -За-ве-дующая, — поправил ее Филипп Филиппович.*' (Bulgakov, 2003, 34) Bulgakov in a masterly fashion parodies the grammatical ignorance of the proletarians, claiming the

Journal of International Scientific Publications:
Language, Individual & Society, Volume 6, Part 2
ISSN 1313-2547, Published at: <http://www.scientific-publications.net>

role of the people's enlighteners. A characteristic sign of that time was leveling an expression of gender and social roles in the traditional Russian language division into male and female inflections *заведующий – заведующая*. The author would like to show that any revolution can not negate the correct use of language, especially when it comes to heads of the cultural sector. The morphological means of the French language allow the translator to preserve completely this linguistic joke: *dirigeant-dirigeante*: '*Mais moi, en tant que dirigeant de la section culturelle de l'immeuble ... Dirigeant-e.*' (Bulgakov, 1999, 40) Since the gender of a noun in the English language is rather a meaningful category than a grammatical one, morphological means of expression of noun gender are small. Glenny used a regular correspondence of the secondary language to translate a word *заведующая*, which, however, gives rise to serious doubt on the transfer of the author's pragmatic intentions. Bromfield, the translator of Version 2, omitted the joke, considering it as "untranslatable."

3. Lexical means are thought to be basic means of expressive language. They are commonly used to create a comic effect. The basic lexical unit is a word with its associative, metaphorical and emotional potential. The comic effect can occur on the level of either a text or separate language units, and on the level of set expressions. The analysis of lexical means of expression of satire in the story "A Dog's Heart" by Bulgakov has shown that proper names possessing Christian semantics and Church terminological words serve as functionally important units of decoding the sender's communicative intentions. The pragmatic significance of these lexical means is detected, mainly in the key stages of the story and in creating verbal portraits of the characters. Thus, the name of Preobrazhensky is derived from the name for the most respected holidays in Russia – the Transfiguration. It is opposed to low, inconsequential surname of another character – Sharikov, which, as we know from the narrative comes from the nickname for the homeless dog Sharik – later becoming the basis for the creation of a "hereditary" generic name: Sharik – Sharikov. The analysis of the secondary English and French texts reveals two translation traditions of the proper names: in the English translations they are sequentially transcribed: *Preobrazhensky, Golubizner Brothers, Polygraf Polygrafovich, Sharik, Sharikov, Prechistenka, Myasnitskaya Street*, and in the French translation they are semanticized: *Transfiguratov, Bouboul, Bouboulev, Rue Viandovskaya, des frères Azuritch*. The translation strategy of the French translator for speaking onyms is motivated by at least two reasons. First, speaking names are iconic signs. The characterizing component of the proper names' meaning has a large functional load in the text of the story. Second, the speaking onyms appear the bright markers of communicative-pragmatic intentions of the author, as an ironic interpretation of which often requires megacontext. Let us turn to the text of the story: "*Once he made a bad mistake: trotting up to a bright blue shop-sign one day when the smell was drowned by car exhaust, instead of a butcher's shop he ran into the Polubizner Brothers' electrical goods store on Myasnitskaya Street. There the brothers taught him all about insulated cable, which can be sharper than a cabman's whip. This famous occasion may be regarded as the beginning of Sharik's education. It was here on the pavement that Sharik began to realize that 'blue' doesn't always mean 'butcher'...*" (Bulgakov, 2005, 15) Here, the morphological word pairs *голубоватый – Голубизнер* – *голубой* and *Мясницкая – мясной* create a comic effect. Translator 3 constructs his virtual object on the basis of the semantic parallelism of the antroponym and the object on the one hand, and the toponym and the object on the other side. He has correctly assessed the information status of these signs, noticed that the speaking names are effectively played up in the original context, and has decided to translate these signs as implicatively open (in the terminology of Tamara Kazakova). Similar models of word-formation of the source and the target language can quite accurately transmit the lexical meaning of speaking names: *Azuritch* (*lazur* for the English word *dark blue color*), *Viandovskaya* (*viande* for the English word *meat*). In our opinion, the semantic translation is the correct way of rendering the functionally important names in the Version 3, because one can safely assume that the artistic and aesthetic impact on the recipients of both cultures

Journal of International Scientific Publications:
Language, Individual & Society, Volume 6, Part 2
ISSN 1313-2547, Published at: <http://www.scientific-publications.net>

would be analogical. Thus, the translation strategy of Volkoff is semantically, conceptually, aesthetically and pragmatically justified.

Terminology creates special satirical sound. Hitting a literary text, it becomes an important stylistic means. In the story church and religious terms are subjected to metaphorical reinterpretation in particular. Its greatest concentration is reached in the scene of the operation on the dog. Bulgakov's initial motivation includes at least two conditions. First, the New Testament reminiscences are intended to reveal the ideological and artistic intention of the author, aimed at discrediting the socialist ideology, cynically adopting its rituals and terminology from the Orthodox religion. And, secondly, the understanding of the transforming role of man in nature, which becomes more significant, the deeper he penetrates into the mysteries of the Divine Creation. Consequently, in the text of the story the church-religious terms should be attributed to a meaningful and communicatively significant elements carrying additional information of modal nature. In the system of a literary work, they are information dominating elements, so they have to be functionally translated by means of the secondary language. The analysis of the secondary interlingual correspondences has revealed the formal semantic nature of their translation in the Version 1, which eventually led to the emergence of functionally unmarked correspondences: *красный венец* – *a red fillet*, *чаша* – *container*, *окропить* – *spatter*, then to the unmotivated omission of the original church-religious terms in those cases where the concepts these functional marked elements express are the subject of communication, for example, a word *other world* in the following combination of words *supremely happy other-worldly dogs, all unbelievably pink (an example of the Version 2)*, and finally to translation errors – *отходная* - *a requiem*. We attribute the success of the Versions 2 and 3 primarily to the fact that the translators have properly interpreted the role of church and religious vocabulary in the reflection of the author's subjective attitude to the reality and the disclosure of contradictory traits of the heroes of the story. The translators have usually used the regular correspondences: *венец* – *a red coronet*, *чаша* – *a chalice*, *окропить* – *sprinkle*.

4. On the syntactic level, linguistic means play an important role in the menippean expression – word order, syntactic compatibility of composite components, addresses. Cumbersome sentences with indistinct syntactic connection and tautology are unacceptable in terms of stylistic rules, but they are a bright sign of the Land of Soviets' language. In the fragment, "Мы – управление дома, с ненавистью заговорил Швондер, – с ненавистью заговорил Швондер, – пришли к вам после общего собрания жильцов нашего дома, на котором стоял вопрос об уплотнении квартир дома" the satirical effect of this statement is based on the ambiguity of the subordinate attributive clause *на котором стоял вопрос об уплотнении квартир дома*, which automatically applies to the last of the sentence parts in the construction marked with the intentional use of the mechanism of the genitive case, "общего собрания жильцов нашего дома", i.e., to *дому*, while logically it should have been attributed to *собранию* – hence follows the logical question of Philipp "Кто на ком стоял?" Different ways to play the original satirical effect of this bureaucratic structure in the secondary texts (playing on the double meaning of the word *charge* in the Version 1 'We, the house management,' said Shvonder with hatred, 'have come to see you as a result of a general meeting of the tenants of the block, who are charged with the problem of increasing the occupancy of this house...' 'What d' you mean – charged? cried Philip Philipovich (Bulgakov, 2005, 28-29) and the repetition of a meaningful word *building* - *l'immeuble* in the Versions 2 'We, the administration of the building,' Shvonder began with hatred in his voice, 'have come to you following a general meeting of the tenants in our building, the standing question at which concerned the consolidation of the apartments in our building...' "Who was standing on whom?" shouted Filipp Filippovich (Bulgakov, 2007, 22) and 3 *Nous, le nouveau comité d'immeuble, débita Schwonder avec haine, nous venons chez vous à la suite de l'assemblée*

Journal of International Scientific Publications:
Language, Individual & Society, Volume 6, Part 2
ISSN 1313-2547, Published at: <http://www.scientific-publications.net>

générale des résidents de notre immeuble, au cours de laquelle a été soulevée la question de densité des appartements de l'immeuble...Qui a soulevé quoi ?(Bulgakov, 1999, 35), respectively) indicate the possible way of saving the author's modality.

An example of the syntactic compatibility of composite components, which creates a comic effect, occurs in the fragment "*Если я, вместо того чтобы оперировать, каждый вечер начну у себя в квартире петь хором, у меня настанет разруха!*". Here the abnormality of the utterance has a semantic nature, and creates a mismatch between the number of the principal members of the proposal – *я* and *петь хором*. Lexical and grammatical differences in English and Russian prevented the English translators from keeping the source text's opposition between the plural of the predicate and the singular of the subject, whereas the French language contains a set , phrase *chanter en choeur* – similar to the original one *петь хором*, which allowed to preserve the syntactic pattern of the original and the comic effect of the utterance.

In Russia the change of socio-historical situation was accompanied by the change of addresses. They were a sort of "password" by which "proletarians" separated from "capitalists." The addresses of the socially different characters, clashing in the context, create a sharp satirical effect. Functional interlingual equivalents of the secondary texts *mister* and *monsieur* execute successfully both its addressing and assessment and characterizing functions.

5. There is a large number of stylistic means and techniques to create satire on the pages of the story: stock phrases, literary forms, reduced vocabulary, sovietisms, metaphors, similes, ironic nominations, grotesque. All of them are clearly traceable with the peculiarities of the menippean genre – a combination of topographical limits – top and bottom, a disposition towards polyphony, a clash of contrasting discourses, using the phenomenon of antinomy.

The language of the story "A Dog's Heart" is considered in close connection with the socio-economic conditions, in which Bulgakov lived and worked. The language mirrors the specific features of the time: the 1917 Revolution, the Civil War, the NEP, the formation of a new Soviet ideology. In the language of the story, Bulgakov reconstructed the image of the incipient soviet state, drew a large gallery of types and characters. The social aspect of the language occupies a new level. It becomes the object of Bulgakov's satire. A little studied category "new man" – *homo soveticus* is a matter of a topical interest. The characters of the story are described by the language of historical facts and real events. The genre of menippean satire greatly values linguistic diversity and speech characteristics. The story is characteristic of a significant presence of the language differentiation, i.e. different styles of the language and social dialects (professional and aristocratic jargon, slang). The heroes of the story speak different versions of the same language. In a satirical story "A Dog's Heart" the speech diversity is presented as a variety of languages – the languages of the urban semiliterate population, the scientist, the party leader, and the criminal. These languages are assigned to specific characters and function in a characterological way.

Bulgakov worked at the story in the context of the new Soviet speech, which had been increasingly heard both in the public printed and written spheres. The writer, formed as a personality before October 1917, has consistently opposed this speech in the texts of his works (Chudakova). The speech of such characters as Shvonder and the comrades of the house management represents "a peculiar language (quasilanguage), jargon, which was developed under the influence of ideology and some other extra-linguistic factors" (Semeniuk, 2001, 10). In the story, the Russian newspeak (kantselyarit) is parodied as a distinctive feature of the speech characteristics of the emerging social group of the party high-ranking functionaries. Bureaucratic stock phrases, mindlessly dominating the spoken language, text and style standards of the newspeak: a model letter of denunciation, as well as some of

Journal of International Scientific Publications:
Language, Individual & Society, Volume 6, Part 2
ISSN 1313-2547, Published at: <http://www.scientific-publications.net>

the newspeak's lexical and phraseological units are the examples of Bulgakov's parody. For example: Известно чьи — *трудового элемента* (Sharikov' words). Нам ведь с вами «принимая во внимание происхождение» — отъехать не придется, невзирая на нашу первую судимость (Preobrazhensky' words). И произносит *контрреволюционные речи*, даже Энгельса приказал своей *социалприслужнице* Зинаиде Прокофьевне Буниной спалить в печке, как *явный меньшевик* со своим ассистентом Борменталем Иваном Арнольдовичем, который тайно не прописанный проживает у него в квартире (from Sharikov's report to the authorities). А вдруг *война с империалистическими хищниками?* (Sharikov' words) Вы, гражданин Шариков, говорите *в высшей степени несознательно* (Shvonder' words).

The Sovietisms and the stock phrases of the newspeak are difficult to render in the other language for many reasons. One of which is the fact that in addition to the national and historical coloring inherent in the Soviet culture-bound words, they assumed "a social coloring specific only to the Soviet system" (Vlahov, 2009, 128). The translators of "A Dog's Heart" faced a difficult task: to make the reader understand the sense of the Soviet neologisms, and feel their artificiality, abstract and impersonal character. Let us follow the example of the difficulties of translation using a Sovietism *разъяснить* as an example. During the revolution the semantic process led to the extension of the semantic weight of lexical meanings of the words, i.e some of them were used in the meaning not typical for a Russian literary language. Chudakova refers a word *разъяснить* to the neologisms of the Soviet time. It is a key Sovietism of the story, and represents the Soviet ideology and receives a specific Soviet meaning: *разъяснить кого-либо* means "*to expose in smb's true colors*" (Chudakova).

I wish I knew what that owl was doing here... (Bulgakov, 2005, 21)

'if you weren't world-famous and if you weren't being protected by certain people in the most disgusting way,' (the fair youth tugged at the hem of her jerkin, but she brushed him away), 'which we propose to investigate, you

should be arrested.' (Bulgakov, 2005, 33)

'And we'll get to the bottom of that owl too...' (Bulgakov, 2007, 16)

'if you didn't have a European reputation and you hadn't been interceded for in the most outrageous fashion...' <...> 'by individuals whom, I am sure, we shall expose in their true colours in good time, you ought to have to been arrested.' (Bulgakov, 2007, 26-27)

Il va aussi falloir éclaircir la question de la chouette... (Boulgakov, 1999, 27)

...si vous n'étiez pas un astre de grandeur européenne et si vous n'étiez pas protégé de la façon la plus révoltante (le blond le tira par le bout de la veste, mais elle le repoussa du geste) par des personnes que nous allons encore, j'en suis sûre, tirer au clair, on devrait vous arrêter (Boulgakov, 1999, 40).

In the story's megacontext a word combination *мы разъясним* occurs twice: first in the speech of the dog Sharik and second in the speech of Vyazemskaya, one of the members of the new management committee of the block of flats. It links ideologically these two characters, creating a continuity parallel. The verbal threat of the woman found its true expression in the ritual massacre of a stuffed owl. *Разъяснить собу* is a kind of a metaphor and in translation from the proletarian language it

means to deal with wisdom. Sharik's owl which had been "exposed in its true colors" is recognized to serve as a warning to all those who don't follow the ruling party policy.

As one can see from the Version 1 the intentional threat of the stock phrase *мы разъясним* is completely neutralized. The translation does not allow to draw a parallel between the dog Sharik and a woman commissar. The translator 2 has chosen two stylistically appropriate idiomatic expressions with the meaning of "threat" *to get to the bottom* – *докопаться, раскусывать, to expose in smb's true colours* – *вывести на чистую воду*. However, here is also difficult to draw an ideological connection between the dog and the proletarians. In our opinion, the Version 3 is the most successful. The French translator finds a regular equivalent *éclaircir* – *to clarify, to explain* in English, and a set expression *tirer au clair* – *make things clear*. The semantic connection between *éclaircir* and *tirer au clair* allows the reader to follow a verbal threat of the woman in action.

In the story "A Dog's Heart", the subject of a satirical image is clear to the literary critics. But the system of artistic images is not as straightforward as it might seem at first glance, and causes a lot of disparate opinions and evaluations. In the galaxy of the heroes of the story the image of Preobrazhensky is the most controversial, and at first glance the reader may take a liking to Philipp: a brilliant scientist, an aristocrat, he devotes his life to science. His speech is eloquent, his conclusions are based on the simple knowledge of facts and observations. He is "the enemy of unsupported hypotheses" (Bulgakov, 2005, 37). However, a careful study of the speech of the author and the character, one can see that using a variety of stylistic devices and means, Bulgakov degrades the image of the professor as a creator, a philanthropist and a champion of truth. For example, while soliloquizing about the ruin, Preobrazhensky's speech is interrupted from time to time by the details of "gourmet" character: "*Nothing of the sort! replied Philip Philipovich in a voice of thunder, and poured himself a glass of wine. 'H'mm ... I don't approve of liqueurs after dinner. They weigh on the digestion and are bad the liver ... Nothing of the sort!*" (Bulgakov, 2005, 38-39) According to the Russian literary critic Mikhail Bakhtin, travesty is the leading feature of grotesque realism, "i.e., it is the degradation, the lowering of all that is high, spiritual, ideal, abstract; it is a transfer to the material level, to the sphere of earth and body in their indissoluble unity." (Bakhtin, 1994) The professor's pompous speech is degraded, transferred to the sphere of body. The author's ironic comments reinforce the impression of the degradation: "*What do you mean by that word? – Philip Philipovich angrily enquired of an unfortunate cardboard duck hanging upside down by the sideboard, then answered the question himself.*" (Bulgakov, 2003, 39) Thus the coexistence of high and low reveals the contradiction that lies at the heart of the satirical effect, and creates a precondition for the realization of the author's negative modality.

"Stylistically charged elements of speech indicate a definite relation of the author toward the represented situation: neglect, anger, contempt, and admiration. They indicate social status, education level, the emotional state of the author, his attitude to language and literary norms" (Nikolay Garbovsky, 2004, 414). Therefore, the substandard forms stylization can also be seen as an effective means of updating the author's subjective evaluative modality. Sharikov's speech is abound in colloquial, and conversational words which are either compensated by expressive means or neutral equivalents of the target language.

Example 1

He напасешься моссельпрома на всякую рвань, шляющуюся по Пречистенке (Bulgakov, 2003, 12).

We can't go handing out Moscow State groceries to all the strays loafing about Prechistenka Street (Bulgakov, 2005, 12)

There wasn't enough Mosselprom for all the idle riffraff loitering along Prechistenka Street (Bulgakov, 2007, 7).

On ne peut pas faire des réserves de Mosselprom pour toute la canaille qui rôde sur la Préchistenka (Boulgakov, 1999, 15).

Example 2

Что, тронул? Выкуси (Bulgakov, 2003, 13). – Bite him. (Bulgakov, 2005, 13) – Go to hell (Bulgakov, 2007, 8) – Prends ça! C'est du bon? (Boulgakov, 1999, 16)

Example 3

В очередь, сукины дети, в очередь! (Bulgakov, 2003, 69) – Stop queue-barging, you bastards! (Bulgakov, 2005, 65) – Get in line, you sons of bitches, get in line! "(Bulgakov, 2007, 56) – Faites la queue, saliguauds, faites la queue!" (Bulgakov, 1999, 81)

Example 4

Отлезь, гнида (Bulgakov, 2003, 69). – Get stuffed (Bulgakov, 2005, 66). – Shove off, you scab (Bulgakov, 2007, 57). – Ta gueule, fumier (Boulgakov, 1999, 82)

Example 4

Да она меня по морде хлопнула, — взвизгнул Шариков, — у меня не казенная морда! (Bulgakov, 2003, 100)

'But she slapped me across the mouth,' whined Sharikov 'She can't go doing that to me!' (Bulgakov, 2005, 95)

But she slapped me round the face, 'Sharikov whined,' my face isn't a public property! (Bulgakov, 2007, 83)

Mais elle m'avait flanqué une baffe sur le museau, glapit Bouboulev. Il n'est pas dans le domaine public, mon museau! (Boulgakov, 1999, 116)

According to Garbovsky, in the story "Dog's Heart" the basic way of translation of reduced vocabulary elements is a stylistic equivalence, the essence of which "is not to preserve the stylistic meaning, but its neutralization because of an interlingual asymmetry" (Garbovsky, 2004, 414). In the examples considered above, the preservation of differences in expressivity is obligatory to achieve equivalence in translation. Vulgar and argotic words are used as a device that helps describe the character Sharikov. His speech characteristics is opposed to that one of another character – Preobrazhensky. Version 1 features an evident underestimation of the writer's intention, a compositional and stylistic contrast by means of which this communicative intention is realized. Such reduced vocabulary elements as *рвань*, *морда* are translated by means of neutral correspondances, the other ones are omitted (*гнида*), some of them are rendered with translation errors (*выкуси*), which leads inevitably to losses in the pragmatics of contrast and an increase of a pragmatic contrast of markedness / non-markedness parameter of the units of the source and the target text.

Preobrazhensky's speech production is distinguished by obsolete phrases and expressions *извольте*, *благоволите*, *позвольте осведомиться*. He sticks to the pre-revolutionary speech etiquette and

prohibits Sharikov to allow familiarities, to address him *нанауа* and *товарищ* in particular: "You act just as if you were on parade here," he said . 'Put your napkin here, your tie there, "please", "thank you", "excuse me" – why can't you behave naturally? Honestly, you stuffed shirts act as if it was still the days of tsarism.' (Bulgakov, 2005, 91) The apparent presence of the two polar worldviews must be reflected in the translation. For example:

- Извольте заложить [салфетку] (Bulgakov, 2003, 94)
- You must tuck in your napkin (Bulgakov, 2005, 90).
- Be so good as to tuck it back in (Bulgakov, 2007, 79)
- Veuillez la mettre (Boulgakov, 1999, 111).
- Зина, примите майонез у Шарикова (Bulgakov, 2003, 94).
- Zina, take the mayonnaise away from Sharikov (Bulgakov, 2005, 90).
- Zina, take the mayonnaise away from Sharikov (Bulgakov, 2007, 79).
- Zina, reprenez la mayonnaise a Bouboulev (Boulgakov, 1999, 111).
- Ну-с, что же мы с вами предпримем сегодня вечером? (Bulgakov, 2003, 97)
- Well now, what are you and I going to do this evening? (Bulgakov, 2005, 92)
- Well now, what are you and I going to do this evening? (Bulgakov, 2007, 81)
- Alors, a quelle activite allons-nous nous livrer ce soir? (Boulgakov, 1999, 114)

The professor's literary forms obtain adequate translation in the Versions 2 and 3. They are rendered by means of such politeness markers as *be so good*, *veuillez*. Neutral lexical and grammatical forms of the Version 1 do not allow to feel a stylistic device of the contrast between the representatives of the old and new world' modes of communication (Boyko, 2001, 32).

The universe of Bulgakov's story "A Dog's Heart" presents both an integrating and disintegrating category, the communicatively and substantive character of which lies in the fact that they are the focus of unipolar and bipolar components organizing in common a literary text in a figurative, composition and space and time unity. On the language level of a literary work, this is vividly expressed in the verbal parts of the story's characters, the main feature of which is the antinomy expressed by means of the stylistic device of contrast. The language and speech production differences of the literary characters reveal diametrically opposed social groups. The author creates a new art reality, in which he combines ontologically incompatible characters. Preobrazhensky, the proletarian Shvonder and the lumpen Sharikov belong to different cultural and social strata, and they can be brought together only in specific cultural and historical circumstances. Adopting habits of speech and copying each other, each of the characters continues to remain "monoglossed", i.e. semantically autonomous in terms of existence of a broad language differentiation.

Metaphors and comparisons play an important role in the substantive-conceptual and implicit information disclosure in Bulgakov's story. His work presents a wide series of metaphorical structures with anthropomorphic and zoomorphic features. In the axiological system of the literary work anthropomorphism and zoomorphism are presented as a syncretic unity of conceptually and semantically opposite fiction devices of satirical typification, which consolidates the semantic space of the story with the idea of animateness and inanimateness. Both stylistic devices organize the figurative base of "A Dog's Heart." In linguistic terms, they find their realization in the key conceptual text-

Journal of International Scientific Publications:
Language, Individual & Society, Volume 6, Part 2
ISSN 1313-2547, Published at: <http://www.scientific-publications.net>

forming metaphor "a dog's heart" and a number of attribute combinations and phraseological units which use the keyword "dog" (Marugina, 2005). Based on the modality, the distinctive features of Bulgakov's similes are the reflection of the author' carnivalesque attitude to the represented reality. The similes used in the narrative to describe the actions, appearance, values, manners of speech and behavior of characters, reveal the images and motives of the people's street theater in their parody-travesty interpretation: *в халате похожем на саван, как яростный палач, розовый как у младенца, как у фокусника, пальцами ставшими точно чудо, гремел подобно пророку* and others. The parody and the leading topics of the hour are the menippean specificity. They have resulted in the emergence of ethnographic culture-bound words being a part of similes: *в халате похожем на саван, поверх белого как епипрахиль был надет фартук, колпаком напоминавшем патриаршию скучейку, мучаете сами себя, как при царском режиме*. For our research it seems appropriate to distinguish two main groups of similes: 1) similes actualizing the author's modality and 2) similes actualizing the characters' attitude. The example of the former group' simile is found in the fragment: "*Левой рукой он заслонил тарелку от Зины, а правой запихнул салфетку за воротничок и стал похож на клиента из парикмахерской*" (Bulgakov, 2003, 94)." The author compares Sharikov with a customer in a barber's shop, and it is clearly not in favor of the former. The writer underlines the futility of Preobrazhensky' attempts to develop his ward into the "*a spiritually advanced individual*". Good manners inherent in the behavior of a civilized man had never likened him to the doctor Bormental and professor Preobrazhensky. The image-bearing basis for the simile can be easily reproduced in the target language. The suggested ways of translation *like a customer in a barber's shop* (Bulgakov, 2005, 90), *he looked like a client in a hairdresser's* (Bulgakov, 2007, 79) and *il...se mit à ressembler au client d'un salon de coiffure* (Boulgakov, 1999, 111) kept the lexico-syntax pattern of the original simile.

Let's look at to the similes used in the speech of the characters. For example, the following comparative constructions actualize Sharikov's attitude to the subject simile, and in some way characterize him. In the fragment: "Ну, уж и женщины! Подумаешь! Барыни какие! Обыкновенная прислуга, а форсунка как у комиссарши!" (Bulgakov, 2003, 76)" For the speech behavior of Sharikov, who acts like a newly proletarian, is very characteristic of the use of the similes dealing with "social origin" and not "moral grounds". The comic effect of the simile "*барыни какие*" is due to the contrast of a denomination (a reference word) and a denotatum (a referenced word). The word *барыня* means "a spoiled, pampered woman living in wealth and leading an idle life." Zina and Darya Petrovna are maids in the house of the professor, so their comparison with the ladies sounds insulting and ironic. In the Versions 2 and 3 the culture-bound word *барыня*, being a part of the simile, is translated using the functional culture-bound words of the English and the French *ladies* and *dames*, respectively. Thus, the figurativeness of the original simile is kept. The co-author of the Version 1 has replaced the original simile *барыни какие* with a comparative construction, which explains its meaning *as though they owned the place*. In our opinion, this way of translation leads to the neutralization of the emotional and evaluative component of the original comparison's connotative meaning. There is one more socially oriented comparison to be considered: *обыкновенная прислуга, а форсунка как у комиссарши*. Here we have a comparative three-component structure, consisting of the simile subject, a sign and a reference word. In the Version 1 the sign of the "importance", which is the basis of comparing with a woman commissar, is omitted by the translator 1, who transformed it into an adverbial clause of manner. In the Version 2 all the components of the comparative construction and the simile itself are kept by the translator, and the referenced culture-bound word is translated by means of a word combination: *комиссарша – woman commissar*, thus preserving the gender feature of the original simile. The translator 3 used antonymic substitution. The host lingvoculture is likely not

Journal of International Scientific Publications:
Language, Individual & Society, Volume 6, Part 2
ISSN 1313-2547, Published at: <http://www.scientific-publications.net>

to have a concept of *комиссарша* described as a masterful woman on command duty. The sense of the simile is not affected, but its national color is lost completely.

The following comparison shows Sharikov' attitude to the cultural values of his teacher: [...] Почему, собственно, вам не нравится театр? - Да дурака валяние...Разговаривают, разговаривают...Контрреволюция одна! (Bulgakov, 2003, 97) The occasional word combination *дурака валяние*, created on basis of a bright expressive vernacular idiom *валять дурака*, gets a comic tone. In Sharikov's point of view, a theatre is an idle talk, a tsarist regime survival. In the Versions 1 and 3 the occasional word was replaced by stylistically equivalent colloquialisms, but devoid of original individuality and originality – *it's just rot* (*Version 1*) – *Rien que des idioties* (*Version 3*). The Version 2 features a creative approach to translating occasional word combination: following the original word-building model, the translator has created occasional phraseological word based on the idiom of the target language *to play the fool – playing the fool*. It should be noted that the phraseological units of both the source and target language *валять дурака* and *to play the fool* are characterized by "complete identity of semantics, phraseological images and stylistic characteristics, but have some minor differences that do not violate the identity of phraseological patterns at the lexical level of their verbal complex-prototypes." (Solodub, 2005, 118), and can serve as a productive word-building base for an evaluative individual author's simile, in this case. Thus, we can conclude that, despite the overlap, the translation of the considered similes from Russian into English and French cause some difficulties due to the fact that they include some culture-bound words and author' neologisms. The translators mainly make an effort to preserve the sign simile, its lexical and grammar structure. However, the analysis of the story's versions shows that various language, socio-cultural and literary limitations on speech activity do not always make possible to reproduce the image-bearing basis of the similes. The greatest loss of figurativeness is observed in the Version 1.

Irony gets a special attention in the considered story. The style of the story "A Dog's Heart", its message, is largely based on irony considered both as a way of world perception, and a stylistic device. Bulgakov makes extensive use of its opportunities to express their disapproval to the Revolution, openly mocking at the idea of creating a new man, reveals the real state of things in the community with a fantastic situation. The irony is present both in the structure of the author's narrative, and in the characters' remarks. In the story, the irony involves various levels of the text (word, combination of words, sentence, superphrase unity). The author builds his irony on basis of a variety of stylistic techniques and means: word play, metaphor, simile, metonymy, hyperbole, etc.

In the story "A Dog's Heart", the fundamental factor of the interpretation of irony is the background knowledge of the participants of communication. In Bulgakov' language irony is based on the experience of a linguistic community, which is the result of social and cultural interaction of people. Thus, for adequate interpretation of the passage given below as ironic, one needs to take the historical events of the 20-ies in Russia into account:

Philip Philipovich stood up, waved his arms at him and cried:

'Don't tempt me. Don't even mention it.' The professor walked up and down the room, disturbing the grey swathes. 'I won't hear of it. Don't you realize what would happen if they found us out? Because of our "social origins" you and I would never get away with it, despite the fact of it being our first offence. I don't suppose your "origins" are any better than mine, are they?'

'I suppose not. My father was a plain-clothes policeman in Vilno,' said Bormenthal as he drained his brandy glass.

Journal of International Scientific Publications:
Language, Individual & Society, Volume 6, Part 2
ISSN 1313-2547, Published at: <http://www.scientific-publications.net>

'There you are, just as I thought. From the Bolshevik's point of view you couldn't have come from a more unsuitable background. Still, mine is even worse. My father was dean of a cathedral. Perfect. ". . . from Granada to Seville ... in the silent shades of night. . ." So there we are.' (Bulgakov, 2005, 105-106)

The key to a successful interpretation of this ironic passage is a common communicative experience of the participants of communication. The Russian society split as a result of the events of October 1917. The complete rejection of the new government's policy has forced many members of the nobility, the bourgeoisie and the intelligentsia to emigrate from the country. They have been always a counter-revolutionary element in the consciousness of the proletariat. The origin of any other than the workers' and peasants' perceived by Bolsheviks with suspicion and was seen as a serious drawback. Punctuation means also indicate on the ironic nature of the remarks of the professor: a Soviet stock phase "принимая во внимание происхождение" is placed in quotation marks.

The analysis of the story's textual material shows that the ironic effect of some statements is based on antiphrasis, a figure of speech in which a word or phrase is used to mean the opposite of its usual sense, especially ironically. The functioning of this type of irony can be seen in the following remarks of Preobrazhensky. For example: — Отлично-с, — посложнее заговорил он, — дело не в словах. Итак, что говорит этот ваш прелестный домком? (Bulgakov, 2003, 79)

What does your precious house committee say, then? (Bulgakov, 2005, 76)

Well then, what does your charming house committee say? (Bulgakov, 2007, 67)

Et alors, que dit-il, votre exquis responsable d'immeuble? (Boulgakov, 1999, 94)

The word *прелестный* contains a conflicting information. The irony of the professor is clear: it was the House Committee that put Sharikov up to the idea to come to the Preobrazhensky with the requirement to issue a document, "the most important thing in the world." The professor is fully aware of the consequences of his greatest discovery. This fact depresses and annoys him, fully "dropping his mask of ironic imperturbability." The context of the statement, which contains a sign *прелестный*, leaves no doubt to the reader about Philipp' "true" attitude to the House Committee. Sharikov also feels a catch in the professor's words – hence followed after the answer: "*Hell, I don't know exactly. Anyway, you needn't be sarcastic about the house committee. It protects people's interests.*"

The use of the word "*прелестный*" and its interlingual correspondences «*precious*», «*charming*», «*exquis*» reflect situationally the opposite connotation – the type of the evaluative operator changes from positive to negative. The further stylistic effect of the irony is enhanced by the use of a pronoun *ваш* which contains a seme of the professor's marked removal from the proletarians in the House Committee.

Actualized in various nominations, it is a productive way to create satirical images, the characterization of characters and the expression of the author's subjective modality. Based on contextual analysis of randomly selected nominations, we can make a conclusion about their ironic orientation, with their numerous repetitions, distant way of location, communication with referents and speech realization of new meanings in the megacontext allow us to speak of them as nominations of the associative type of irony. In the story, the linguistic means of their formation are first names (Преображенский, Полиграф Поляграфович Шариков), common nouns (гражданин, благотворитель, фрукт etc.), special forms of the verb (a participle) (тяпнутый), word combinations (богатый чудак, личность мужского пола, особенные посетители, etc.). The multiple use of a number of them, for example, *тяпнутый / укушенный* (about Bormenthal), points to them as centers of contextual

implication of meaning in the text that requires to create the equivalent of secondary interlingual correspondences in the translations. However, the analysis of the randomly selected nominations shows that many of them undergo transformations by the process of translation, as a result of which there are correspondences, devoid of evaluative component of the connotative meaning. Especially, this trend is noticeable in the Version 1. Thus, with respect to the aforementioned ironic nomination *мятнутый* translator 1 generated its concept – *he* and *a doctor*, then he used the descriptive translation *a man who had been bitten*, and finally he proposed a correspondence obtained by the modulation – *Bormenthal*. In our opinion the neutralization of the negative evaluative component of this nomination leads to the deformation of a particular communicative effect: the reader of the secondary text will not be able to feel the author' scale of values, his emotional attitude to the object of irony. Translators 2 and 3 managed to create equivalent translation variants. They successfully kept the original structure of the re-nomination: the co-authors of the secondary texts used the participle verb forms of *bite* – *bitten* together with a substitute word *one* (Version 2), *mordre* – *mordu* (Version 3) together with the definite article *le*.

"A Dog's Heart" is a sample of grotesque realism. The author uses its particular type, coupled with the fantasy and having a comic effect. This fantasy, in contrast to the other story "The Fatal Eggs" by Bulgakov, is not the original purpose, and plays a supportive, short-term role. In our opinion, the author considers the grotesque as a principle of simultaneous text-building for instant revealing the absurdity of the society. Science fiction is limited to scientific experiments of the professor. The story is strictly realistic in all other respects. Grotesque is considered as the principle of the text-building which determines the specificity of the linguistic means and stylistic devices that can create a satirical effect. For example, the comic effect of hyperboles and metaphors is based on the motivated destruction of the language norm. The distinctive feature of the translation of the text-grotesques or the texts, where this type of figurativeness is only partly represented, as in the story "A Dog's Heart," is the strategy of the translator who has to understand, first of all, the meaning of evaluation and text and style factors.

In the story "A Dog's Heart" by Bulgakov, the linguistic means of expression of menippean satire occur on all levels of the language system and they are considered in close connection with the stylistic syntagmatic and paradigmatic, which are engaged in the study of the stylistic significance of different levels linguistic units considered as the language facts of the co-occurrence in the text, and as the linguistic facts of the language system itself. The data of the quantitative analysis revealed the following performance parameters of menippean satire: the phonetic means of expression constitute ≈ 5,5%, morphological ones ≈ 13,8%, lexical ones ≈ 66,6%, syntactic ones ≈ 13,8%. Thus, the results of the analysis of the linguistic material suggests that the characteristic language means of expression of menippea are most clearly revealed on the lexical level. The analysis of genre and style features of the story "A Dog's Heart" made it possible to distinguish proper names possessing Christian semantics and Church terminological words as functionally important units in terms of decoding the communicative intentions of the sender. The pragmatic significance of these means is detected, mainly in the key stages of the literary work and in creating verbal portraits of the characters.

The story contains a large number of stylistic devices and techniques to create satire: metaphors, similes, different style layers, ironic nominations, grotesque. Bulgakov's similes and metaphors are inherent in playing an important role in the substantive-conceptual and implicit information disclosure in the story. The comic speech of Bulgakov's characters is the result of combining different styles and contrasting layers – the standard language of pre-revolutionary intelligentsia, stock phrases of "new people" and vulgarisms of semi-criminal elements. The over-saturation of the speech full of bureaucratic words does not decorate the manner of speaking, but this trend reflects the peculiar

language of the Soviet age and it extremely intensifies the characters' speech. In the story special attention is devoted to associative irony. Actualized in various nominations, it is a productive way to create satirical images, the characterization of characters and the expression of the author's subjective modality. In this regard, "A Dog's Heart"'s grotesque actively attracts readers' attention. According to the menippean tradition, grotesque is one of the expressive means of expression of reality. The distinctive feature of this satirical device is his short-term character: the author uses the grotesque as the principle of simultaneous text-building.

On the whole, the menippean principle organizes the total story on the level of the plot, the system of images and language. The story "A Dog's Heart" is a bright timeless tragicomedy, where the author tries to understand the modern world through his comic images and language of carnival forms. The author uses the linguistic means of expression of menippea as the identifiers of "like-minded people" in the world of each of the social classes and as instruments of cultural revolution.

Analyzing the language means and techniques of satirical images in the different versions of the story, we drew attention to the fact that the translator Glenny intentionally uses the device of stylistic neutralization against the connotative component of the stylistically marked units of the primary text. This transformation does not affect the accuracy of the translated information, as the denotations of the source and target texts' units coincide. In addition, there are objective prerequisites for the use of this technique: mismatch of stratification structures of the two languages under study, the national differences, moral and ethical concepts, temporal distance, etc. However, the systematic neutralization of the evaluative component of the original stylistically marked units leads to the deformation of the pragmatic level of a target text, resulting in the confluence of the subjective authorial modality with the neutral background of the new informative speech production. The objects of the total analysis of the translation are 85 units of study. The connotative component of 40 stylistically marked units underwent the neutralization in the Version by Glenny, which represents 51% of a pragmatic correlation of the primary and secondary texts. The evaluative units of the source language greatly contrast the correspondences of the secondary language. This conclusion suggests the potential for changing the story's perception, i.e. the source recipient's perception will not be identical with the target recipient's perception, and as a consequence, the fate of the literary product in the host culture (Galinskaya, Belicheva, 2001, 27-28). Therefore, the Version by Michael Glenny should be recognized as a pragmatically inadequate. For the translator Andrew Bromfield the degree of pragmatic correlation is 80%, that one for Volkoff – 88%. We associate the success of Bromfield's and Volkoff's Versions of Bulgakov's story with properly selected translation strategies aimed at preserving the intensity of the evaluative criterion.

REFERENCES

- 1) Arnold, I.V. Stylistics of modern English: A Textbook for University Students. – 9th ed. - M. Flinta: Nauka, 2009. – 384 p.
- 2) Babenko, L.G. Linguistic Analysis of Art Text: Theory and Practice: Textbook / L.G. Babenko, U.V. Kazarin. – 4th ed., rev. – M. Flinta: Nauka, 2006. – 496 p.
- 3) Bakhtin, M.M. Problems of Dostoyevsky's Poetics. – [5th ed., ext.]. – Kiev: "NEXT", 1994. – 509 p.

Journal of International Scientific Publications:
Language, Individual & Society, Volume 6, Part 2
ISSN 1313-2547, Published at: <http://www.scientific-publications.net>

- 4) Belicheva, I.V. Translations of Mikhail Bulgakov's works into foreign languages. Perception of Mikhail Bulgakov's works abroad, // 2d Fedorov Readings. University translation studies. Issue 2. St. Petersburg, 2001.
- 5) Bulgakov M.A. Coeur de chien [Texte] / M.A. Bulgakov.; traduit en français par Vladimir Volkoff. – Paris: Librairie Générale Française, 1999. – 168 p.
- 6) Boyko, L.B. Clash of Mentalities and Translation // 2d Fedorov Readings. University translation studies. Issue 2. St. Petersburg, 2001.
- 7) Bulgakov, M.A. The Heart of a Dog [Text]/M.A. Bulgakov.; translated into English by Michael Glenny. – London.: Vintage, 2005. – 128 p.
- 8) Bulgakov, M.A. A Dog's Heart, An Appalling Story [Text] / M.A. Bulgakov.; translated and edited with notes by Andrew Bromfield with an Introduction by James Meek. – London: the Penguin Books Ltd, 2007. – 117 p.
- 9) Bulgakov, M.A. The Heart of a Dog. Diaboliad: Stories [Text] // Mikhail Bulgakov. – M.: AST MOSCOW, 2007. – 189, [3]. – (Classical and modern prose).
- 10) Chudakova, M.O. The Sovlex in "The Master and Margarita". Electronic resource:
http://www.gramotey.com/?open_file=1269044110
- 11) Galinskaya, I.L. Mikhail Bulgakov and his Time through the Eyes of a New Generation. Electronic resource: http://ilgalinsk.narod.ru/bulgakov/b_novpok.htm/
- 12) Garbovsky, N.K. Theory of Translation: a Textbook [Text] / N.K. Garbovsky. – Moscow: Moscow University Press, 2004. – 544 p.
- 13) Marugina N.I. Metaphor in Terms of Textual Derivation: based on the Story "A Dog's Heart" by Mikhail Bulgakov and its Translation: Dis .. Candidate of Philological Sciences: 10.02.01. – Tomsk, 2005.
- 14) Norman, B.Y. Language: Familiar Stranger [Text] / B.Y. Norman. – Mn.: Vshkola, 1987. – 222 p.
- 15) Sadchenko, V.T. Secondary Semiosis in the Art Text [Text] / V.T. Sadchenko. – Bulletin of the Chelyabinsk State University. Philology. Arts. – Vol. 31. – 2009. – № 13. – pp. 106-111.
- 16) Salmon, Laura The Machinery of Humor: On the Works of Sergei Dovlatov [Text] / Laura Salmon. – Moscow: Progress-Traditsiia, 2008. – 256 p.
- 17) Vstavsky, A.N. Connotative Components: Problem of Interpretation. Bulletin of Omsk State Pedagogical University / A. Vstavsky // Electronic version. – 2006. www.omsk.edu.
- 18) Sannikov, V.Z. The Russian Language in the Mirror of Linguistic Play. – 2d. rev. and enlarged [Text] / V.Z. Sannikov. – M.: Languages of Slavic Culture, 2002. – 552 p. – (Language. Semiotics. Culture).
- 19) Semeniuk, O.A. The Era Language and its Reflection in the Satirical and Comic Text [Text] / O.A. Semeniuk. – Kirovograd: Vinnichenko RITs KGPU, 2001. – 368 p.
- 20) Solodub, Y.P. Theory and Practice of Literary Translation: textbook for students of linguistic departments for higher educational institutions [Text] / Y.P. Solodub, F.B. Albrecht, A.Y. Kuznetsov. – M.: Academia, 2005. – 304p.

Journal of International Scientific Publications:
Language, Individual & Society, Volume 6, Part 2
ISSN 1313-2547, Published at: <http://www.scientific-publications.net>

- 21) Shon, E.B. Lingvostylistic means of realization of humor, irony and satire in American stories Author's Abstract ... dis ... Candidate of Philological Sciences: 10.02.04 / E.B. Shon, Ivan Franko National University of L'viv. – L., 2003. – 20.: Table. – Eng.
- 22) Tboeva, Z.E. Means of Representation Jonathan Swift's Satire: based on the Comparative Analysis of the Novel "Gulliver's Travels" and its Translations into Russian: Author's Abstract ... dis ... Candidate of Philological Sciences: 10.02.20 / Z.E. Tboeva; [Place of defense: Hetagurov North Ossetian State University]. – Vladikavkaz, 2011.
- 23) Vlahov, S.I., Florin, S.P. Untranslatable in the Translation [Text] / S.I. Vlahov, S.P. Florin. – 4th ed. – M.: "R.Valent", 2009. – 360 p.

LANGUAGE REFLECTION OF MODERN BRITISH

SLANG'S DIALECT DETERMINATION

Sofia G. Agapova, Ekaterina A. Redkozubova

South Federal University Pedagogical Institute Russia, Rostov-on-Don

Abstract

The modern language situation in Great Britain is characterized by many factors, among which the following two are considered to be of great importance: 1) popularity of slang and 2) existence of various dialects. The analysis of Modern British Slang shows that this language subsystem is determined by peculiarities typical of different dialects. The study of British slang and British dialects can help to understand the laws governing slang functioning and to see the tendencies of slang's development.

Язык представляет собой сложное явление, существующее в человеческом социуме. Языковая система реализуется в реальной ежедневной речевой практике людей, говорящих на том или ином языке и принадлежащих к различным возрастным, социальным, профессиональным, а также территориальным формациям. Поскольку говорящий относит себя одновременно к нескольким из перечисленных групп (человек характеризуется возрастом, родом деятельности, социальным положением, проживает на определенной территории и т.д.), своеобразие его речи соответственно определяется целым комплексом факторов. В этой связи представляется интересной и показательной языковая ситуация, наблюдаемая в современной Великобритании, на диалектной карте которой можно найти более четырех десятков территориальных диалектов (Маковский, 2005). Кроме того, современный английский язык характеризуется активным функционированием и распространением в нем субстандарта, в частности сленга.

Исследование сленга как некодифицированной системы, как реализации отклонения от нормы позволяет увидеть наиболее современные тенденции словообразования языка, актуальные, «модные» тематические группы, то есть увидеть, что происходит с самой современной частью языка. Изучение диалектов представляет собой интереснейший материал не только для проникновения в историческое прошлое языка, но и дает возможность глубже оценить и понять особенности становления и развития литературной нормы, различных социальных и профессиональных диалектов, а также языковых вариантов. По справедливому мнению М.М. Маковского, учет диалектных данных позволяет понять не только так называемые «отклонения» от правил произношения и грамматики, но и сами эти правила, и может служить прочной основой для исследования становления и развития значений слов (Маковский, 2005, 15). Следовательно, можно полагать, что изучение ареальной (диалектной, территориальной) детерминированности сленга сочетает в себе все выше названные преимущества.

Широкое распространение литературного стандарта по всей территории Великобритании, активизация субстандарта, междиалектные контакты, влияние профессиональных и социальных языковых образцов, присущих определенным слоям говорящих, воздействие радио и телевидения - все это определяет в конечном итоге речь носителей современного английского языка.

Journal of International Scientific Publications:
Language, Individual & Society, Volume 6, Part 2
ISSN 1313-2547, Published at: <http://www.scientific-publications.net>

Существуют различные классификации современных территориальных диалектов Великобритании, например, классификация, основанная на административном делении страны, классификация, построенная с учетом исключительно географической принадлежности диалектов. Одна из наиболее серьезных попыток классификации диалектов была предпринята А. Эллисом. Хотя эта классификация и не лишена недостатков, она в целом довольно точно отражает диалектную карту современной Великобритании и принята за основу многими диалектологами. Принимая за исходную схему А.Эллиса, современные английские диалекты исследователи-диалектологи, например М.М. Маковский, предлагают классифицировать следующим образом:

северные диалекты, подразделяющиеся на три подгруппы – 1) Нортамберленд, сев. Дарем, 2) южн. Дарем, большая часть Камберленда, Уэстморленд, сев. Ланкашир, холмистая часть Вест-Райдинга в Йоркшире, 3) Ист-Райдинг и Норт-Райдинг в Йоркшире;

средние диалекты, подразделяющиеся на десять подгрупп: 1) Линкольншир, 2) юго-вост. Ланкашир, сев.-вост. Чешир, сев.-зап. Дарбишир, 3) сев.-зап. Ланкашир, южн. Рибл, 4) средний Ланкашир, остров Мэн, 5) южный Йоркшир, 6) большая часть Чешира, сев. Стаффордшир, 7) большая часть Дарбишира, 8) Ноттингемшир, 9) Флинт, Денбай, 10) вост. Шропшир, южн. Стаффордшир, большая часть Уорикшира, южн. Дарбишир, Лестершир;

восточные диалекты, подразделяющиеся на пять подгрупп: 1) Кембриджшир, Ратленд, сев.-вост. Нортхемптоншир, 2) большая часть Эссекса, Хартфордшира, Хантингдоншира, Бедфордшир, средняя часть Нортхемптоншира, 3) Норфолк и Саффолк, 4) большая часть Бакингемшира, 5) Миддлсекс, юго-вост. Бакингемшир, южн. Хартфордшир, юго-зап. Эссекс;

западные диалекты, подразделяющиеся на две подгруппы: 1) зап. и южн. Шропшир (к западу от реки Северн), 2) Херфордшир, кроме восточной его части, Рэндфорд, вост. часть Брэкнока;

южные диалекты, подразделяющиеся на десять подгрупп: 1) часть Пемброкшира и Гламорганшира, 2) Уилтшир, Дорсетшир, сев.и вост. части графства Сомерсетшир, большая часть Глостершира, юго-зап. Девоншир, 3) большая часть графства Хемпшир, остров Уайт, большая часть Беркшира, южная часть Саррея, зап. часть Сассекса, 4) сев. Глостершир, вост. Херфордшир, Вустершир, южн. часть графства Уорикшир, север Оксфордшира, юго-запад Нортхемптоншира, 5) большая часть графства Оксфордшир, 6) север графства Саррей, северо-зап. Кента, 7) большая часть графства Кент, восток графства Сассекс, 8) зап. Сомерсетшир, сев.-вост. Девоншир, 9) вост. Корнуолл, большая часть Девоншира, 10) зап. Корнуолл.

Анализируя англоязычный сленг, функционирующий на территории Великобритании, мы выделили следующие локально-территориальные виды сленга:

1. Сленг, использующийся в разных территориально-административных частях Великобритании: А) англо-ирландский сленг: whack, n. A pickpocket: Anglo-Irish c.: C. 19; Б) сленг Англии: boozier. A public-house: English c. since late C. 19; В) ирландский сленг: counsellor. A barrister: Irish. (-1969); Г) шотландский сленг: kid's-eye. A fivepenny piece: Scottish c. of ca. 1900;

2. Сленг, использующийся в разных городах Великобритании: А) ливерпульский сленг: briffen (-fin). Bread and dripping: Liverpool street arabs', and tramps' c.: since ca. 1900; Б) Дартмурский сленг: slop. A prisoner's over coat: Dartmoor c.: C.20; В) сленг Норвича(Норвича): heigh-ho. Stolen yarn: Norwich c 1910; Г) сленг Глазго: jostler. A swindler: Glasgow c.: mid-C. 19–20; Д) сленг Лондона: fox, v.t. and v.i., to watch closely though slyly:London c. (-1959); retriever. A

Journal of International Scientific Publications:
Language, Individual & Society, Volume 6, Part 2
ISSN 1313-2547, Published at: <http://www.scientific-publications.net>

'verser' (q.v.): local c. of ca. 1950; side! Yes; B) сленг Ист-Энда: bawl. 'To suck or swallow':East End of London.

Локально-территориальная мобильность сленгизмов прослеживается на материале анализа словарей современного английского сленга (конец XX – начало XXI веков) и словарей, отражающих языковую ситуацию 19 века и ранее. В этой связи целесообразно рассмотреть следующие основные типы локально-территориальной мобильности сленгизмов: 1. Переход сленгизмов из шотландского диалекта в Ирландию: counsellor. A barrister: Irish c. (-1889). ExScots (C. 19–20); 2. Переход сленгизмов, существовавших изначально в северной части Англии в качестве диалектизмов, в использование в Великобритании повсеместно: crash,v. To kill: c.: C. 18-19. Prob. ex N. Countrydial. crash, to smash; 3. Переход сленгизмов, изначально бывших в употреблении только в шотландском диалекте, в использование на территории всего британского ареала: snell. A needle: c.: from ca. 1945. Ex Scots snell,sharp; 4. Переход сленгизмов, первоначально существовавших в качестве диалектизмов в шотландском и английском диалектах, в повсеместное использование в британском сленге: yegg. A traveling burglar or safe-breaker:c., anglicised by 1932. Possibly ex Scottish and English dial. yark or yek, to break.

Исследователи сленга от Эрика Партидж до современных социолингвистов, таких, например, как Виолетта де Клерк, Тони Торн, Джон Эйто, рассуждая о природе сленга, истории его возникновения и формах его существования / бытования, подчеркивают, что самобытность или этноспецифика сленга напрямую зависит как от социальных факторов, так и от места его происхождения в сочетании с ареалом его распространения. Обратимся, например, к высказыванию В. де Клерк: «It (the slang) is also typically localized, both geographically and socially, and will only be recognized in certain areas or institutions, where people are in regular and close contact with each other, such as schools, prisons, army camps, and the like. Thus, anyone seeking to make generalizations about slang faces the inevitable problem that such linguistic usage is inherently colored by the social, cultural, geographical, and temporal context of users.» (de Klerk 2006, 346).

Авторы предисловия к словарю современного сленга под редакцией Тони Торна прямо указывают на преимущественно региональный характер сленгизмов, тем самым подчеркивая, что самобытность вербального творчества в сленгизированной коммуникации ареально обусловлена («It is regional and shifting vocabulary») (Торн, 1999).

Тед Дакуорт (Ted Duckworth) в предисловии к своему онлайновому словарю британского сленга, который он так и именует – «a reference guide to the many slang and informal expressions heard in the United Kingdom» – также обращает внимание читателей на то, что при большой распространенности американского сленга в Великобритании следует говорить о значительном количестве сленгизмов, характерных именно для диалектов Британских островов: «The listing of a slang expression is determined by its use beyond that of the localised employment of a few friends; in due course these localised expressions may gain greater popularity and achieve expanded regional, national or even global recognition, however it is only at that time that they will be included here. We should be aware that there is a large volume of slang we encounter through the media such as television, film and press, which invariably increase our reference points but genuinely remain outside of personal use. These media promoted expressions may in due course be adopted into our vernacular, and as such, when they can be confirmed as in use, then they will be listed at that time. With repeated exposure, via film, television and music, the volume of North American slang we hear in the UK is vast, but a large percentage is still to make inroads into the forefront of British use. Slang we have

adopted that originates outside the U.K. is indicated where known»(www.peevish.co.uk/slang).

Соответственно, можно говорить об особом, характерном только для определенной местности Британских островов, когнитивном и семиотическом механизме означивания окружающей жителей этой местности действительности. В основу означивания кладутся свои, характерные только для данного ареала или места когнитивные образы явления, события, предмета или свойства / качества, которые, соответственно, являясь в принципе одинаковыми по своему материальному или сущностному параметру, разнятся друг от друга по способу репрезентации в языке.

Поскольку Британские острова отличаются особенной социолектной и диалектной «раздробленностью», то когнитивное освоение окружающей действительности и ее вербализация при помощи сленговых языковых средств оказывается различной. На этот факт обратил внимание Г.В. Дмитриенко: при изучении британского субстандарта исследователь выяснил, что территориально-диалектная лингвистическая дифференциация оказывает существенное влияние на когнитивную дифференциацию при создании национальной субстандартной лексики. Так, значительно различаются сленгизмы-инвективы в локализованных социолектах британского варианта английского языка, таких как кокни, скауза и Estuary English, причем различия носят формально-когнитивный, но не семантический характер. Это положение дел наглядно иллюстрирует ниже приводимая сравнительная таблица, в которой отчетливо просматривается явная социолектная разница в денигративном означении ментального свойства, черты характера, женщины:

значение	Кокни	Скауз	Эстуари
<i>idiot</i>	<i>buckwit</i>	<i>Gobshite</i>	<i>tosser</i>
<i>lazy</i>	<i>Daisy</i>	<i>Kirtch</i>	<i>gopping</i>
<i>woman</i>	<i>Chiv</i>	<i>Baggage</i>	<i>can</i>

Особенности британского сленга детерминированы локальными условиями денотации и сигнификации, при этом важно отметить такое свойство сленговой ареальной номинации, как дифференцированная когнитивная оценка действительности говорящим. Так, предельно позитивная оценка по-разному семантически выражается в разных британских диалектных сленгизмах, ср.:

bazzin' Adj. Excellent. E.g."That was a bazzin cricket match." (Midlands/North use); *belter* Noun. An excellent thing or event. (Orig.Northern dialect); *bran new* Adj. Excellent, respectable. (Scottish/Glasgow use); *canny* Adj. Good, nice, pleasant. E.g."She was a canny lass." (Scottish/North-east use); *diamond* Noun. Wonderful, excellent. (Orig.London); *gradeley* Adj. Good, excellent. Old fashioned Northern use. E.g."That cup of tea was gradely." (North Dialect).

Этот тезис справедлив также и по отношению к сленговым названиям крайне отрицательной оценки в британских диалектах:

bowfin Adj. Disgusting, unpleasant. (Scottish use); *clingin* Adj. Unpleasant, disgusting. (Scottish use); *goppin'* Adj. Disgusting, ugly. Actually a shortening of gopping. (North-west use); *hangin'* Adj.

Journal of International Scientific Publications:
Language, Individual & Society, Volume 6, Part 2
ISSN 1313-2547, Published at: <http://www.scientific-publications.net>

Unattractive, nasty, unsavoury. Usually pronounced 'angin' (N.W.England use).

В разных диалектах Великобритании сленговая номинация происходит с использованием отличных друг от друга лексических единиц, обозначающих разные образы. Например, дифференцированное восприятие пьяного разными субэтносами Британских островов порождает семантически общие, но коннотативно дифференцированные сленговые единицы. К их числу относятся такие:*brahms (and list)* Adj. Drunk, intoxicated with alcohol. Rhyming slang on 'pissed' (London use); *bobbinsed* Adj. Drunk, intoxicated. (Manchester use); *blootered* Adj. Drunk. (Scottish use); *airlocked* Adj. Drunk, intoxicated. (N.Ireland use).

Подавляющее большинство различий в сленговой номинации обнаруживаются при денотации тематического поля «Человек»:

– при денотации состояния голода

(*Hank Marvin* Adj. Starving. From the Cockney rhyming slang as starvin'; *clemmed* Adj. Hungry. Also spelt 'klemp' (Wigan use. Dialect));

– денотации состояния удивления

(*By gum!* Exclam. An exclamation of surprise or amazement. (Northern dialect); *By (h)eck!* Exclam. An exclamation of surprise. Dialectically the h is dropped. (Northern English use); *ecky thump!* Exclam. An exclamation of surprise or shock. Often used to mock the Northern dialects of Lancashire and Yorkshire; *Ee bah gum!* Exclam. Expressing surprise or wonderment. Mimicked by many as the archetypal Yorkshire phrase. Also *ee by gum.* (Dialect/Yorks use);

– в оценках ментального состояния человека

(*fannybaws* Noun. An idiot, fool. (Glasgow use); *head-the-ball* Noun. A lunatic, an idiot. (Irish/Scottish use); *dinlo* Noun. An idiot, a contemptible person. (Portsmouth use); *bumbaclot* Noun. An idiot, an objectionable person. Also occasionally spelt bumbaclat or bumbaclut. (Orig. W.I.); *bam* Noun. A foolish and objectionable person. Abbreviated form of 'bampot'. Derog. (Scottish use); *barmcake* Noun. A lighthearted term for a fool or idiot. (North-west use); *batty* Adj. crazy, eccentric (Orig. W.I.); *culchie* Noun. A rural dweller, an idiot, a bumpkin, a yokel. Mainly derog. (Irish use); *daft as a brush* Phrs. very silly, crazy. (Mainly Northern use);

– в денотации физиологических отправлений

(*boak* Verb. To vomit. (Mainly N.England/Scottish use); *boke* Verb. To vomit. (Scottish/Northern Irish use); *baba* Verb. To defecate. (Yorks/Hull/Notts use) Noun. Faeces. (Yorks/Hull/Notts use). Also spelt babber; *brad pitt* An act of defecation. Rhyming slang on 'shit'. When plural, as Brad Pitts, meaning a bout of diarrhoea. Rhyming slang on 'shits'. (1990s); *brace and bit* Noun. An act of defecation. Rhyming slang on 'shit');

– в денотации сексуальной ориентации

(*batty boy* Noun. A homosexual male. From batty meaning buttocks. Also battyboy, battyman. Derog. (Orig. West Indies) *buftie* Noun. A homosexual male. Also bufty. (Scottish use) *carpet muncher* Noun. 1. A lesbian. 2. A person who performs cunnilingus. (London use); *chutney ferret* Noun. A homosexual male. Derog. (London use); *cock jockey* Noun. A homosexual male. Derog. (Northern dial.); *duke* Noun. A homosexual. Rhyming slang on Duke of Kent meaning 'bent'; *harry hoofter* Noun. A homosexual male. Rhyming slang on 'poofter' (Glasgow use);

– в денотации органов человеческого тела, а также их функций

Journal of International Scientific Publications:
Language, Individual & Society, Volume 6, Part 2
ISSN 1313-2547, Published at: <http://www.scientific-publications.net>

(*bahookie*Noun. The backside, the bottom, the buttocks. (Glasgow use); *batty* Noun. Buttocks, bottom. (Orig.W.I.) *baw-bag* Noun. The scrotum. From 'ball-bag'. (Scottish use) *beakie* Noun. The dirt or bodily secretions (Scottish use); *boaby* Noun. Penis. (Glasgow use); *council gritter* Noun. Anus. From the rhyming slang on 'shitter'; *fud* Noun. The female genitals. (Scottish use); *Hampton (wick)* Noun. The penis. Rhyming slang on 'prick'; *Gary Glitter* Noun. The anus. Rhyming slang for 'shitter'; *front bottom* Noun. The vagina, the female genitals. A euphemism used mainly by females. (London use; 1980s); *happy sack* Noun. The scrotum/testicles (Yorks/Hull/Notts use); *cheese* Noun. Smegma. Alluding to the look of this male bodily secretion and perhaps the smell (Northern dialect); *hit and miss* Noun. Urine. Rhyming slang on 'piss');

— в денотации сексуальных отношений (*chieftain (tank)* Noun. An act of sex. Rhyming slang on wank. (Mainly London use); *have it off* Verb. To have sexual intercourse (London use); *hand-shandy* Noun. An act of masturbation (Portsmouth use); *hand-job* Noun. An act of sex. The expression usually represents the activity given by another person. E.g."She wouldn't go all the way so she gave me a quick hand-job instead." (Glasgow use); *frigging* Adj./Adv. Euphemism for 'fucking', used as a general intensifier. E.g."There's no frigging way that I'm lending you any money (Dialect/Yorks use); *diddy ride* Noun. An act of sex. Also diddyride. (N.Irish use).

Слэнг британских наркоманов также предельно ареально детерминирован: в анализируемом материале лексические единицы сленгизованной речи наркоманов различались от диалекта к диалекту именно своими локально детерминированными образами потребляемых наркотических веществ:

- кокаина (*gak* Noun. Cocaine. (Mainly London use); *beak* Noun. Cocaine. (Irish/Scottish use); *Gianluca (Vialli)* Noun. Cocaine. Rhyming slang on Vialli, for 'charlie'. Gianluca, a successful Italian football player, arrived in UK in the mid 1990s to play for, and subsequently manage Chelsea FC.. Departed in the year 2000, eventually going on to manage Watford FC. See 'charlie' (1990s);

- синтетического наркотика «экстази» (*gary* Noun. A tablet, usually the drug MDMA. A shortening of the rhyming slang Gary Ablett; the name of a professional English footballer. (Orig.Liverpool); *disco biscuit* Noun. An ecstasy (MDMA) pill. Within the UK club scene it was originally a specific type of ecstasy pill, however, in the U.S. in the 1970s disco biscuits were qualudes. (Early 1990s);

- марихуаны (*bun* Noun. A smoke, particularly marijuana. From burn. (Orig W.I.)); *bunning* Noun. Smoking marijuana or cannabis. (Orig.W.I.); *chong it* Verb. To smoke marijuana/cannabis constantly. Possibly from the series of movies featuring the characters Cheech and Chong, both heavy marijuana smokers. (North West use); *ganja* Noun. Marijuana. (Orig.W.I.).

Безусловной базовой отличительной характеристикой ареальной детерминированности британского сленга является рифмованность кодированной речи носителей главной вербально-социальной достопримечательности Лондона — диалекта кокни. Фактически значение сленгообразований в форме рифмы представляет собой сложный код, природа которого преимущественно образная. За образами, создаваемыми в результате языкового креатива этого социального слоя британского этноса для номинации вполне привычных и потребностно-мотивированных вещей, предметов, объектов / субъектов и событий материальной повседневности, «стоят хорошо знакомые этносу люди, события и явления, которые, будучи переосмыслены и употреблены в ситуации, в контексте, получают шифрованную вербальную экспликацию» (Редкозубова, 2011, 105).

Изначальная шифрованность / кодированность рифмованного сленга не подлежит сомнению: многочисленные исследователи (Partridge, Spears и др.), дискутируя о размытости истории его

Journal of International Scientific Publications:
Language, Individual & Society, Volume 6, Part 2
ISSN 1313-2547, Published at: <http://www.scientific-publications.net>

происхождения, сходятся во мнении, что он создавался именно с целью герметизировать коммуникацию в профессиональном сообществе:

«The origins of rhyming slang are disputed. It remains a matter of speculation as to whether it was a linguistic accident or whether it was developed intentionally to confuse non-locals. If deliberate, it might have simply been used to maintain a sense of community; or to be used in the marketplace for vendors to talk amongst themselves without customers knowing what they were saying; or it may have been used by criminals ... to confuse the police» (Partridge 1971, 59).

Хотя традиционно рифмованный сленг считается исключительно ист-лондонским приоритетным типом коммуникации, во второй половине XX века границы его распространения значительно раздвинулись, но только в пределах Британских островов: попытки других англоязычных этносов в «колониальных» ареалах английского языка (Австралия, Канада, Новая Зеландия и ЮАР) использовать рифмованную вербальную структуру в коммуникации предпринимались, но не увенчались успехом. Заимствованные из лондонского кокни языковые единицы не прижились, а этносы этих ареалов не смогли создать нечто столь же успешное, что было изобретено в социуме кокни, поэтому рифмованная форма сленга стала не более чем игрой в слова. Интересно по этому поводу высказывание автора статьи о рифмованном сленге из онлайновой энциклопедии «Википедия»: «Creation of rhyming slang has become a word game for people of many classes and regions».

Использование рифмованного сленга в речи кокни может быть также расценено как феномен двойного кодирования: как правило, полностью рифмованное словосочетание не используется в речи, употребляется только первый элемент, например.: *Porkies* = pork pies = lies; *Apples* = apples and pears = stairs; *Barnet* = Barnet Fair = hair; *Brass* = Brass Nail = "Tail" = Prostitute; *Dog* = dog and bone = telephone; *Jam* = Jam jar = Car; *Water* = Water bottle = throttle

China = China plate = mate; *Pony* = pony and trap = crap (to defecate); *Saucepan* = Saucepan Lid = Kid; *Frog* = frog and toad = road; *Rosie* = Rosie Lee = tea/gypsy

J. Arthur = J. Arthur Rank = bank; *Trouble* = trouble and strife = wife; *Tom* = Tom Tit = Shit (to defecate); *Tom Foolery* = Jewelry; *Skin* = Skin and blister = Sister, и т.д. Такое словоупотребление порождает еще большее непонимание в коммуникации.

Если у ранних исследователей сленга (например, у Э. Патриджа) сложилось представление о рифмованном языке кокни как об арго, т.е. как о максимально секретном типе закрытой коммуникации, то в XX столетии этот феномен получил статус полноценного сленга, поскольку «значительное число кодированных выражений было декодировано повседневным и широким словоупотреблением» (Редкозубова, 2011,109).

Внутри Великобритании рифмованный стиль кокни перестал быть локализованной манерой общения населения лондонского Истенда и дал жизнь рифмованному сленгу в целом ряде британских диалектов:

«The term 'Cockney' rhyming slang is generally applied to these expansions to indicate the rhyming style; though arguably the term only applies to phrases used in the East End of London. Similar formations do exist in other parts of the United Kingdom; for example, in the East Midlands, the local accent has formed "Derby Road", which rhymes with "cold": a conjunction that would not be possible in any other dialect of the UK» (Partridge, 1971, 77).

Следует заметить, что современный британский сленг является не только ареально/территориально детерминированным и дифференцированным. Анализ фактического материала показал наличие сленгизмов, одинаковых во многих территориальных диалектах, а именно: Ланкашир, Йоркшир, Стаффордшир, Кембриджшир, Бакингемшир, Миддлсекс, юго-

Journal of International Scientific Publications:
Language, Individual & Society, Volume 6, Part 2
ISSN 1313-2547, Published at: <http://www.scientific-publications.net>

вост. Бакингемшир, зап. и южн. Шропшир, Рэндфорд, Уилтшир, Дорсетшир, юго-зап. Девоншир, Вустершир, Оксфордшир.

Такие сленгизмы-диалектизмы в большинстве своем антропоцентричны и относятся к тематической группе «человек». Эти сленговые единицы характеризуют людей по следующим критериям:

1) по принадлежности к той или иной национальной группе/pace: orlando – rural black person ; ho – a young African men as offensive; slant – someone of chinese origin; kike – jewish person (rhymes with bike); wetback/Los Mojados; cracker– white person. honkey – white person. poor white trash or p.w.t.;

2) по половому признаку: fish– woman (women); chick – sexually attractive woman; can be offensive; asswife – human male; butch – masculine; dipshit– any male person.; fucker– a male person. Следует отметить, что среди подобных лексических единиц немало таких, которые направлены на «описание» внешности человека, как отрицательное (Barge-ass /ass and corporation/TV behind/shuttle butt – an obese person; Dracula/tuta-baga/gar-bage can/piglet /sad sack/lemonette – an ugly woman; offensive), так и указывающих на внешнюю привлекательность адресата, что также может быть воспринято как оскорбление или попытка сексуального домогательства (chick/bait/stuff/ sugar/Able Grable/leggy femme – sexually attractive woman; can be offensive);

3) по возрасту: old fart– an older male person. Usually used humorously, though could be considered offensive; dino – dinosaur, an older person; old hat– an older male person;

4) по тому или иному заболеванию/недееспособности/пороку: Schizo Spastic Nutter Retard – a mentally deranged person; dumbstick / monkey farting / shithead / dumbo / titty – a silly person; barrel house bum / piss-artist / pisso / rat-assed – a drunkard or drug-addicted person;

5) группа «религиозных» сленгизмов является самой малочисленной: Christacrutchian – any Christian; Papist – a Catholic, Jesus H. Christ /Bastard God – profanity could be offensive; Jesus Shitting Christ – profanity, very offensive.

В ходе исследования территориальной детерминированности современного британского сленга удалось установить не только отличия и сходства сленгизмов, функционирующих в одном диалекте, от единиц другого диалекта, но и увидеть признаки, общие практически для всех сленгизмов-диалектизмов, отражающие ценностно-культурные установки жителей Британских островов.

Так, во многих диалектах имеются сленговые единицы, отражающие высокую ценность личности, индивидуальности, неприятие толпы. Для англичанина толпа – это mob (от латинского mobile vulgus, буквально «движущаяся чернь», отсюда и пример: Mob is a crowd which is up to no good (B.Reeves)), кодекс поведения заставляет носителя данной культуры держаться дальше от толпы.

В коллективном сознании английской нации отношение к коллективизму противоречиво: с одной стороны – Two heads are better than one; United we stand, divided we fall, с другой стороны – He travels the fastest who travels alone; You have to blow your own horn. Следовательно, можно вполне справедливо отметить, что английской (британской) культуре дух коллективизма, в принципе, чужд, ценностной доминантой является индивидуализм, из чего следует самодостаточность и способность постоять за себя.

Анализируя ценностно-ориентированные сленгизмы в английских диалектах, можно выделить те, что нацелены именно на эти доминанты: так, например, английскими эквивалентами русского «маменькин сынок» (несостоятельный, несамостоятельный, неспособный постоять за

себя человек) могут служить: Willy-boy, percy boy, goodie, cream puff, или даже более грубое fish. Русское «рохля» в английском языке приобретает больший оскорбительный оттенок: dead-head, ho- dad / ho- daddy.

Труд является одной из наиболее значимых культурных доминант для английской культуры. Следовательно, наиболее оскорбительными (из ценностно-ориентированных сленгизмов) будут считаться единицы, подразумевающие неумение и нежелание человека трудиться, его праздность. Проведенный анализ материала позволил сленговые лексические единицы разделить на две группы: 1) с одной стороны – непосредственно «называющие» лентяя или неумеху («лентяй»: bunk lizard, dead-beat, lard-ass, lazy bugger, poop-but (сл.), slob, fiddler; «неумеха»: tawpie, butters, goof-up; «халтурщик»: hack, schlockmeister); 2) с другой –сленгизмы, описывающие праздное времяпрепровождение человека (bugger about / off, fool around, louse around, fuck around, fart around, piss around).

Специфика интеллектуальной оценки для англичан проявляется в следующем: 1) прежде всего, выделяется результативность умственной деятельности; 2) благородумие ассоциируется с безэмоциональной практичностью и трезвым расчетом; 3) остроумие связывается с хитростью, включающей в себя дипломатичность; 4) разумность – это умение контролировать свои эмоции.

«Глупый» и «нелепый» для англичан означает смешной, причем в данном случае смех оскорбителен: носители «английской» культуры смеются над человеком, не соответствующим стереотипу благородумия. Отсюда и значительное количество субстандартных единиц, порой ироничных, а порой и грубых, оскорбительных, функционирующих в различных ареалах Великобритании: dope, bone-head , wise man of Gotham, Gothamite, prize idiot (Эссекс.), arse, ass, asshole, yock (Бакингемшир), dickhead, bed-wetter (Рэнфорд), horse's ass, dumbass, dumb-bell (зап. и южн. Шропшир), bampot/radge (шотл.), slowpoke (Рэнфорд).

Характерной особенностью лингвистической ситуации, сложившейся в различных диалектах, является разновременно зарегистрированные сленговые новообразования, что указывает на развитие и активное функционирование языковых словообразовательных процессов в британском сленге. Современные словари английского языка фиксируют новые сленговые единицы, сопровождающиеся пометами об их территориальной дифференциации, что подтверждает идею ареальной детерминированности современного британского сленга.

REFERENCES

- Маковский М.М. Современный английский сленг (онтология, структура, этимология): Учебное пособие . – М.: КомКнига, 2005.
- Редкозубова Е.А. Этноспецифические характеристики англоязычного сленга. - Germany: LAP LAMBERT, 2011
- Торн Т. Словарь современного англоязычного сленга . – М.: Астрель: ACT, 2010
- De Klerk V. Slang: A Male Domain? // Sex Roles. 22: 9/10:2006.
- Partridge E. Slang To-day and Yesterday. – L., 1971.
- Partridge E. A. Dictionary of Slang and Unconventional English / ed. by Paul Beale. – New York: Macmillan Publishing Co., 1984.
- www.peevish.co.uk/slang

MEDIATIZATION OF POLITICS IN THE LINGUOCULTURAL ASPECT

Victoria A. Borisenko

The Pedagogical Institute, Southern (Uzhny) Federal University, Russia, Rostov-on-Don,
B. Sadovaya, 33

The mediatization of politics is a central topic in current debates on the role of media in society. The paper discusses the relation between factors that maintain observable tendencies of mediatization effects, suggesting a more levelled approach in the study of media and politics.

The article takes a closer look into linguocultural aspect within mediatization of politics. Media logic consists of a form of communication. Elements of this form include the various media and the formats used by these media. The format consists of how material is organized, the style in which it is presented.

Key words: mediatization; mediated politics; media logic; political logic; linguocultural aspect.

Любой дискурс о реальности предполагает выбор одной из систем координат и невозможно ничего сообщить о мире вне конкретной системы координат [Гудмен 2000]. Это утверждение также относится и к деятельности политических акторов, которые при формировании собственных политических повесток дня после отбора [Kingdon 1984] конкретных проблем представляют общественности в ходе публичной политической коммуникации специфические решения. Граждане не в состоянии самостоятельно ранжировать по социальной значимости многочисленные затруднения в своей жизнедеятельности, поскольку не располагают исчерпывающей информацией. Согласно Далю, « интерес или благо личности есть все то, что эта личность выбрала бы, максимально полно понимая опыт, проистекающий из этого выбора и релевантных альтернатив» [Dahl 1989, 180]. Этим объясняется, «почему одни условия определяются как проблемы, приковывая к себе самое серьезное общественное внимание, тогда как другие, одинаково пагубные или опасные, остаются без подобного определения» [Хилгартнер, Боск 2000, 18]. Иначе говоря, «определение альтернатив – высший инструмент власти» [Schattschneider 1960]. Согласно гипотезе «зависимость от меню», граждане делают политический выбор, исходя из наличного «меню опций», и политическая элита маркирует как социальные проблемы те вопросы, которые волнуют граждан, но интерпретирует их выгодным для себя образом [Sniderman, Bullock 2004]. Значит, статус социальной проблемы, который приобретают сбои в социальной жизни, в значительной степени есть продукт коммуникативной деятельности конкретных акторов [Спектор, Китсюз 2001], каждый из которых продвигает «единственно верные варианты» их решения [Шматко 2001].

С точки зрения дискурса обеспечен тот факт, что любой спорный вопрос может рассматриваться в разных аспектах, в силу чего любая публичная политика должна иметь и имеет много измерений. Баумgartнер и Махоуни подчеркивают: «То, какие измерения будут доминировать в коллективных политических дебатах в данный момент, определяется не только эндогенным фактором лоббирования, но и экзогенным фактором случайных событий, кризисов, научных открытий, а также событиями в сообществах, затрагиваемых политикой» [Baumgartner, Mahoney 2008, 435]. Хотя «защитники конкретных политических курсов выбирают аргументы в

выгодном для себя измерении, они ограничены в выборе действиями других политических акторов» [Baumgartner, Mahoney 2008, 435]. В фокусе внимания любого актора может одновременно находиться ограниченное число вопросов, и повышение ранга одного ведет к снижению ранга другого [Walgrave, Nuytemans 2004]. Следовательно, и орган власти вынужден формировать представляющую собой конечный список ранжированных по значимости вопросов фактическую повестку дня, которая по сути дела является его проблемным полем деятельности в фиксированный период времени, или политическим курсом. Спиллер [Spiller et al. 2003] называет следующие параметры оптимального политического курса:

- долговременная стабильность для институционализации новых правил;
- гибкость для внесения необходимых корректировок при появлении новой информации или обстоятельств;
- согласованность, или координация действий разных политических акторов на разнообразных стадиях процесса принятия решений;
- капиталовложения в бюрократические структуры для реализации политического курса;
- продвижение идеи общественного блага, а не выгоды для индивидов, фракций или регионов.

Выделяют три эндогенных фактора [Walgrave, Nuytemans 2004], влияющих на формирование фактической повестки дня.

Во-первых, это рентабельность инвестирования ресурсов влиятельных чиновников в решение проблемы. В более общем виде: «Политика X в большей степени отвечает интересам A, чем политика Y, если A, располагая возможностью ощутить последствия X или Y, выбрал бы X как предпочтительное для себя самое» [Connolly 1972, 472]. Во-вторых, это наличие опробованных технологий решения сходных проблем [Protess et al. 1987]. Как образно выразился Кингдон, «ресурсы ищут проблемы, для разрешения которых они могут быть использованы с выгодой для чиновников» [Kingdon 1984, 91]. В-третьих, это трансформация управленческой структуры, создающая возможность для решения новых проблем [Пономарев 2008]. Экзогенные факторы распадаются на четыре группы:

1. фиксируемые посредством «индикаторов реальности» социальные проблемы как сбои в социальной системе («рельефные вопросы» [Soroka 2002]);
2. экстраординарные ситуации («фокусирующие события» [Cobb, Elder 1971]);
3. лоббистская деятельность групп интересов;
4. давление устойчивого общественного мнения;
5. подстройка под медиаэтика.

Рассмотрим некоторые факторы более подробно. Как известно, внешней средой политической системы является публичная сфера, представляющая собой совокупность автономных образований граждан как основы существования гражданского общества, противостоящего централизованной власти [Хабермас 1993]. В общедоступной публичной сфере протекает публичный дискурс, в котором разнообразные социальные субъекты вырабатывают по поводу общезначимых вопросов общественное мнение, руководствуясь убедительностью эксплицитных доводов, а не объемом властных полномочий [Трахтенберг 2006]. По мнению Фукса, степень чуткости органов власти к общественному мнению, с одной стороны, является

Journal of International Scientific Publications:
Language, Individual & Society, Volume 6, Part 2
ISSN 1313-2547, Published at: <http://www.scientific-publications.net>

демократической нормой, а с другой – рациональной необходимостью для удержания власти [Fuchs 1996]: «В свете центральной значимости народа в демократии... общественное мнение и его влияние на политические решения должны рассматриваться как оценка степени демократичности любой политической системы» [Finifter 1995, 1027]. Более того, «режим взаимодействия власти и общественного мнения» [Гавра 1998] должен рассматриваться как критерий степени включенности граждан в принятие политических решений. Общественное мнение является базой легитимности власти и в то же время ограничивает ее возможный произвол, а борьба за власть есть не только борьба за собственность на средства материального производства, но и борьба за «средства производства общественного мнения» [Грачев 2005]. Пфеч считает, что публичное информирование необходимо власти для легитимации своей деятельности в глазах общественности: «Пытаясь сохранить и усилить общественную поддержку с учетом перспективы следующего избирательного состязания, высшие должностные лица намеренно влияют на общественное мнение в политических целях» [Pfetsch 1999, 4]. Роджерс и Диэринг пришли к следующему выводу: «Общественная повестка дня, однажды установленная посредством СМИ или отраженная в медиаповестке, влияет на политическую повестку принимающей решения элиты, и, в некоторых случаях, исполнителей политических решений» [Rogers, Dearing 1988, 579]. Однако Энтман не усматривает прямой зависимости политической повестки от общественных настроений: «Ничто не попадает в политическую повестку дня без согласия восьми человек – главных редакторов «Ассошиэйтед Пресс», «Нью-Йорк Таймс», «Вашингтон Пост», «Тайм», «Ньюсик», Эй-Би-Си, Эн-Би-Си и Си-Би-Эс...». Эти ключевые политические акторы неоспоримо являются частью медиа-элиты, которая не представляет собой поперечный разрез граждан США» [Entman 1993, 52]. Лински продемонстрировал, что в США политики часто отождествляют медиаповестку с общественным мнением и ошибочно оценивают приоритеты общественности, ориентируясь на СМИ, а не на социологические опросы [Linsky 1986]. Луман назвал реагирование политической системы на общественное мнение как «реального властелина, намекающего на разные шансы переизбрания» [Luhmann 1986, 175], «политическим резонансом». Вышеупомянутая фактическая повестка дня предъявляется гражданам в виде декларируемой повестки дня, содержание которой выявляется при анализе распространяемых органом власти в публичном информационном пространстве сообщений. В декларируемую повестку дня отбираются вопросы, которые либо касаются большого числа граждан, либо успешно решаются, либо легко поддаются медиации, т.е. трансформации в новости [Пономарев 2008].

Декларируемая повестка дня напрямую или опосредованно (через средства массовой информации) предъявляется гражданам, чтобы повлиять на локальную общественную повестку дня как верхушку ранжированного списка вопросов, рассматриваемых большинством членов конкретной административно-территориальной общности (или местного сообщества) как приоритетные в фиксированный период времени. Так осуществляется настройка политического резонанса. Декларируемая повестка дня состоит из ресурсных вопросов (вещественных вопросов) и символических вопросов. Ресурсные вопросы требуют для своего решения выделения значительных материально-финансовых ресурсов, в силу чего «как правило, политическая повестка правительства [по сравнению с парламентом] менее гибкая, больше скомпонована предыдущими договоренностями и искусно сбалансированными соглашениями» [Walgrave, Van Aelst 2004, 20]. Символические вопросы продвигаются, прежде всего, в медиаповестку дня, чем в общественную повестку: «В действительности, цель всей «символической политики» – вставить сообщение в СМИ» [Walgrave, Van Aelst 2004, 9]. Например, публичные высказывания или поступки высших должностных лиц адресованы журналистам и «по большей части носят символический характер» [Walgrave, Nuytemans 2004,

Journal of International Scientific Publications:
Language, Individual & Society, Volume 6, Part 2
ISSN 1313-2547, Published at: <http://www.scientific-publications.net>

13], ибо всего лишь сигнализируют об их намерении решать социальные проблемы. Впрочем, затраты на продвижение символических вопросов иногда сопоставимы с расходами на решение социальных проблем.

Возрастание роли СМИ повлекло за собой «медиатизацию политики» [Thompson 1995], содержание и форма которой во многом стали определяться правилами, целями, логикой и процедурами СМИ [Altheide, Snow 1979]. Именно эта сторона политического дискурса актуализирует его характеристику как лингвокультурного пространства.

Медиатизация политики – это «процесс, при котором политическая жизнь перемещается в символическое пространство средств массовой информации» [Засурский 1999, 29]. Таким образом, рост доли символических вопросов в декларируемой повестке дня есть одно из следствий преимущественной ориентации публичной политики на медиалогику в ущерб политической целесообразности. Некоторые авторы предлагают различение «медиалогики» и «политической логики» [Stromback 2008]. Под медиалогией понимается система принципов и технологий масс-медиа для отбора и интерпретации событий как новостей. Иначе говоря, медиалогика – это стратегия деятельности, включающая в себя медиаформат как набор специфических рамок для презентации и интерпретации событий [Altheide, Snow 1979]. Социальные ситуации рассматриваются журналистами, прежде всего, как сырье для новостей в виде увлекательных историй в конкуренции с другими СМИ за привлечение внимания аудиторий. При этом используются «техники рассказывания», включающие как минимум упрощение, поляризацию, усиление, персонализацию, визуализацию и стереотипизацию [Mazzoleni 1987]: «Медиатизация обозначает процесс, благодаря которому ядерные элементы социальной или культурной деятельности (работы, досуга, игры и т.п.) принимают медиаформы» [Hjargard 2004, 48]. Политическая логика – это принципы и технологии, которые политические акторы используют для отбора приоритетных проблем и вариантов их решения [Patterson 1993]. Стромбек выделяет четыре фазы медиатизации политики [Stromback 2008]: Масс-медиа становятся доминирующими источниками информации о политике и обществе, важнейшим каналом коммуникации между правителями и управляемыми. СМИ генерируют в картинах мира адресатов «медийные когниотипы» как структуры познания и представления реальности [Рогозина 2003] и в конечном итоге формируют символическую среду [Липпман 2004], на сигналы которой адресаты реагируют как на объективную реальность. Медиалогика начинает восприниматься другими акторами как совокупность требований, которым должно соответствовать сообщение для попадания в медиасферу, что провоцирует разработку технологий менеджмента новостей и спин-контроля. При принятии решений политические акторы как минимум учитывают требования медиалогики: «Сегодня все социальные институты – это медиа-институты» [Altheide, Snow 1991] и далее: «темы, организации и вопросы, о которых журналисты сообщают, сами по себе являются продуктами медиаформата и журналистских критериев» [Altheide, Snow 1991]. Однако на этой стадии политические акторы еще отдают приоритет политической логике.

Кепплингер утверждает: «Из-за растущей зависимости от освещения в СМИ политики, партии, парламенты и правительства адаптируют свое публичное поведение к потребностям масс-медиа даже тогда, когда это противоречит их текущим целям» [Kepplinger 2007, 13]. Стратегию отказа от действий, рассматриваемых актором как необходимые, из-за опасений их негативного освещения во влиятельных СМИ он называет стратегией «политического отсекания» [Kepplinger 2007]. В результате власть часто принимает неоправданно рискованные решения, поскольку, согласно «теории перспективы» [Kahneman, Tversky 1979], большинство индивидов (включая чиновников) больше озабочены реальным уроном, чем потенциальной выгодой [Jervis

Journal of International Scientific Publications:
Language, Individual & Society, Volume 6, Part 2
ISSN 1313-2547, Published at: <http://www.scientific-publications.net>

1989]. С еще большей вероятностью на деле успешный политический курс может подвергнуться реформированию, если он негативно представлен в информационном пространстве [Ellwood 1988]. Ширальди и Макаллэр напомнили о том, как власти Сан-Франциско отказались от программы борьбы с юношеской преступностью под давлением масс-медиа, которые изобразили эту программу как предвыборные манипуляции политиков [Schiraldi, Macallair 1997].

По существу, доминирующие в СМИ схемы интерпретации определяют границы легитимных действий политиков. Например, если снижение налогов необходимо с экономической точки зрения (реальной повестки дня), но критикуется большинством влиятельных СМИ как несправедливое, то политики с большой вероятностью откажутся от этой меры: «Итак, масс-медиа действуют как «ограничитель» политических акторов» [Kepplinger 2007, 10]. Опасения политиков вполне оправданы, ибо согласно гипотезе «экономического голосования», граждане награждают или наказывают действующую власть, основываясь как на реальном состоянии экономики, так и на ее освещении в СМИ [Hetherington 1996]. Известно, что с ростом числа криминальных историй в СМИ усиливается обеспокоенность граждан своей безопасностью вне зависимости от реального положения дел [Walgrave et. al. 2008]. Также подчеркиваются другие негативные последствия медиатизации: «Во всяком случае, нарастающая медиатизация публичной сферы значительно уменьшает шансы для рядового обывателя когда-либо оказаться полноправным участником рациональной дискуссии, хоть как-то критически оценить реальное положение общественных дел» [Маклюэн 2003, 10]. Калхун отмечает: «Публичная сфера стала скорее ареной для рекламы, чем для рациональных/критических дебатов. Законодатели ставят спектакли для избирателей. Организации с особыми интересами используют паблисити для усиления престижности собственных позиций, игнорируя темы настоящих дебатов. Массовая коммуникация используется как повод, чтобы дать потребителям возможность солидаризироваться с публичными позициями или имиджами других. Все это равносильно возвращению версии репрезентативной публичности, на которую общественность реагирует скорее шумным одобрением или отказом одобрять, чем критическим дискурсом» [Calhoun 1992]. Кац подчеркивает: «Политические институты ослаблены, а сама публичная сфера (как она воплощена в масс-медиа, по крайней мере) подвержена коммерциализации, обращаясь к аудитории скорее как к потребителям, чем гражданам... Люди больше доверяют коммерческим, а не политическим организациям... Сегодня даже лидеры потеряли моральный авторитет» [Katz 2000, 129]. Более того, гражданским активистам крайне сложно повлиять на официальный политический курс, если он поддерживается масс-медиа.

Итак, для легитимации самого института власти, автолегитимации и легитимации политического курса любой орган власти должен предпринимать меры, чтобы сблизить содержание медиаповестки и общественной повестки с собственной фактической повесткой за счет ее презентации в публичной сфере как набора социальных проблем [Spector, Kitsuse 1977]. По мнению Томсона, присвоение действиям или событиям публичного статуса медиафакта коренным образом изменяет саму природу происходящего [Thompson 1990]. Следовательно, медиалегитимация является одной из главных стратегий легитимации. Медиалегитимация власти представляет собой комплекс реализуемых органами власти во взаимодействии со средствами массовой информации пропагандистских кампаний для укрепления собственной легитимности [Березняков 2002]. Базовая коммуникативная стратегия медиалегитимации – установка повестки дня, в ходе которой органы власти частично или полностью инкорпорируют декларируемые повестки в медиаповестки дня. Иначе говоря, они навязывают средствам массовой информации «дискурсивные рамки» описания реальности [Дьякова 2005].

Journal of International Scientific Publications:
Language, Individual & Society, Volume 6, Part 2
ISSN 1313-2547, Published at: <http://www.scientific-publications.net>

Речь идет о массовой коммуникации, состоящей из дискурсов разных акторов, которые предлагают целевым группам «в форме символически-знаковых образований (вербальных и невербальных) различные интерпретации феноменов и процессов», а также осуществляют самопозиционирование, саморепрезентацию и самоидентификацию [Русакова, Русаков 2008, 5]. Стратегическая цель каждого из этих акторов – воздействовать на «образы мысли, картины мира, ценностные ориентации, формы и способы идентификации, мнения, символические и таковые миры» целевых групп для формирования ментальных образов и «оценочных матриц» социальной реальности в своих интересах [Русакова, Русаков 2008, 109]. Впервые идею о том, что средства массовой информации определяют приоритеты общественности, выдвинул Липпман, сформулировавший эффект фотографии, согласно которому медиатексты воспринимаются аудиторией как зеркальное отражение действительности [Липпман 2004]. Коэн уточнял, что прессы «не может быть успешной большую часть времени, говоря, что людям думать, но она на удивление успешна в том, чтобы говорить читателям, о чем думать» [Cohen 1963, 13]. Если Уайт восхищался могуществом прессы: «Пресса в Америке изначально обладает могуществом. Она устанавливает повестку дня общественной дискуссии, и эта всеохватная политическая сила неограничена никаким законом. Она определяет, что люди говорят и о чем думают – это власть, которая у других наций зарезервирована за тиранами, священниками, партиями и мандаринами» [White 1973, 327], то Лазарсфельд и Берельсон были менее категоричны: «Если средства массовой информации вообще в состоянии способствовать смене позиций, то это происходит благодаря переопределению проблем... Проблемы, относительно которых люди думали очень мало или не думали вовсе, вследствие предвыборной пропаганды могут приобрести особую важность» [Lazarsfeld, Berelson 1948]. Клаппер отводил СМИ еще более скромное место: «Массовая коммуникация обычно не служит необходимой и достаточной причиной воздействия на аудиторию, но скорее функционирует в связке с другими опосредующими факторами» [Klapper 1960, 8], при этом СМИ являются всего лишь «усилиителями» существующих ценностей и аттитюдов. В попытках избежать крайностей, Берельсон иронично сформулировал СМИ так: «Определенные виды коммуникации по отношению к определенным темам, привлекая внимание определенных групп людей, при определенных условиях способны оказать определенное воздействие» [Berelson 1951, 122]. Все последующие исследования роли и функций СМИ были посвящены тому, чтобы расширить и конкретизировать предложенную им схему.

Итак, степень социального влияния СМИ ограничена рядом факторов. Медиатексты, «маскируясь под реальность повседневной жизни» [Ясавеев 2006], влияют на восприятие аудиторией событий лишь за пределами «ближнего круга»: чем больше дистанция между медиареальностью и жизненной реальностью индивида, тем больше эффективность медиавоздействия: «Истина об отдаленных событиях или сложных проблемах вовсе не самоочевидна, а средства сбора информации о них носят специализированный технический характер и стоят больших денег» [Липпман 2004, 319]. В противоположной ситуации медиа-эффекты резко ослабевают [McQuail 1996], особенно если индивид лично участвовал в конкретном событии или если ежедневно сталкивается с освещаемыми в СМИ проблемами [Zucker 1978]. Усиление социального влияния СМИ во многом объясняется «социальной виртуализацией», которая частично стирает грань между коммуникацией с самими социальными субъектами и операциями с их образами или, когда речь идет о массовой коммуникации, ведет к отождествлению сообщений о событиях с самими событиями: «Вследствие того, что наши знания о реальности опосредованы СМИ, стало бессмысленным отличать отображение от отображеного явления... Что есть тот или иной политик или событие – это вообще можно понять лишь в их медиальной инсценировке. То, что реально происходит,

Journal of International Scientific Publications:
Language, Individual & Society, Volume 6, Part 2
ISSN 1313-2547, Published at: <http://www.scientific-publications.net>

становится общественным событием только через свое медиальное отображение» [Bolz 1995, 26]. Если СМИ не сообщили индивиду о событии, участником или очевидцем которого он лично не был, это событие нереально для него (и никак не влияет на его картину мира) до тех пор, пока он не столкнется с соответствующими последствиями в сенсомоторном пространстве. И, наоборот, реальность медиасобытия как инсцинированного или нереального события с высоким рангом в медиаповестке дня не подвергается аудиторией сомнению. Конечно, по силе воздействия медиасобытия уступают событиям с личным участием или присутствием индивида, но СМИ сводят это различие к минимуму, поскольку «виртуализация социального пространства посредством СМИ» [Назаров, Медиков 2001] приводит к тому, что зритель воспринимает себя реальным участником освещаемых событий.

Одновременно СМИ усиливают социальный конформизм, ибо продвигаемые ими мнения воспринимаются аудиторией как позиция большинства. В результате инакомыслящие либо воздерживаются от публичного высказывания собственных взглядов, либо меняют свои мнения из опасения подвергнуться общественному осуждению: «Не желая оказаться в изоляции, люди постоянно следят за своим окружением, подробно регистрируя, какое мнение убывает, а какое распространяется, усиливается» [Ноэль-Нойман 1996, 345]. Эффект «спирали умолчания» заключается в том, что индивиды, которые рассматривают СМИ как достоверные и объективные источники сообщений, предпочитают не высказывать публично свое мнение по спорному вопросу, если это мнение расходится с доминирующей в СМИ интерпретацией. Иллюзия всеобщности конкретного мнения, формируемая СМИ или посредством СМИ, может превратить молчаливое большинство в реальное меньшинство, еще сильнее раскручивая «спираль умолчания».

Элитные масс-медиа очерчивают общие рамки публичного дискурса, определяя, какие темы, проблемы и события и в какой интерпретации должны рассматриваться и обсуждаться масс-медиа нижнего эшелона как новости [Chomsky 1989]. Редактор каждого издания вынужден сообщать о событиях, которые уже освещаются влиятельными СМИ, из-за опасений потерять часть аудитории, ожидающей от СМИ информационной адекватности и оперативности (эффект медиаконформизма [Пономарев 2008]).

Специалистами по политическому медиадискурсу выявлена устойчивая система медиатопиков как регулярно воспроизводимых в средствах массовой информации тем [Добросклонская 2008]. К маргинализации мнений меньшинств ведет и создающая у граждан иллюзию объективности журналистская практика «проблемного дуализма» как редукция многочисленных позиций по спорному вопросу к двум полярным мнениям, которые продвигаются «двумя известными, предсказуемыми и легитимными группами или акторами» [Bennett 1984, 119].

Итак, будучи и технологическими каналами коммуникации, и информационными акторами, СМИ задают контекст дискурса, самим выбором и интерпретацией событий в виде новостей влияют на общественное мнение, укрепляют социальный консенсус и одновременно подвергают маргинализации диссидентов. Как заметил Хиршман, идеальный гражданин – это гражданин, который формирует свое мнение на основе разнообразной информации, терпимо относится к альтернативным мнениям и готов изменить мнение, получив убедительные эксплицитные доводы [Hirschman 1989]. Значит, в зависимости от того, чьи интерпретации будут услышаны и станут доминирующими, существенно зависят политические и экономические возможности любых социальных групп, ибо общественное мнение и политический курс во многом формируются под воздействием тех акторов, дискурсы которых «оказались наиболее убедительными, впечатляющими, эмоционально и интеллектуально

Journal of International Scientific Publications:
Language, Individual & Society, Volume 6, Part 2
ISSN 1313-2547, Published at: <http://www.scientific-publications.net>

заряженными, энергетически емкими» [Русакова, Русаков 2008, 102]. Поскольку в пространстве массовой коммуникации подобное доминирование возможно только при взаимодействии со СМИ, то акторы предпринимают попытки влиять на медиаповестку [Norris 2006]. Хотя «пресса всегда принимает форму и окраску тех социальных и политических структур, в рамках которых она функционирует», новости суть «продукт организованного производства, которое предполагает практическую точку зрения на события с целью связать их воедино, сформулировать простые и ясные утверждения относительно их связи и сделать это в развлекательной форме» [Altheide 1976]. В общем смысле решение осветить некий вопрос в СМИ принимается под влиянием идеологических, внешних, организационных, рутинных и индивидуальных стимулов [Shoemaker, Reese 1991]. Чой утверждает: «Освещение в выпусках новостей определено следующими факторами: правило объективной журналистики вынуждает журналистов придерживаться профессиональной нейтральности, правило мониторинга власти поощряет роль «сторожевого пса» по отношению к правительству, а мотив прибыли вынуждает новостные структуры конкурировать друг с другом на медиарынке» [Choi 2004, 45-46]. Однако собственникам СМИ вовсе необязательно вмешиваться в процесс отбора новостей или диктовать редакционную политику: достаточно назначить редактором своего единомышленника.

Отдельные филологи вводят понятие «медиация», понимаемое как «проявление преобразующей функции СМИ, которые в процессе сбора, обработки («фильтрации») и передачи информационных данных о фактах реальности способны их видоизменять (или исказять), придавая им свои медиативные значения, возникающие в ходе фабрикации мнимых образов (событий) реальности» [Землянова 2002, 84]. Проще говоря, медиация – это трансформация реального события в коммуникативное событие [Fairclough 1995]. Левин предположил, что в каналы массовой коммуникации (в число которых входят СМИ) «встроены» «привратники», пропускающие информацию со специфическими свойствами [Lewin 1947]: репортеры, авторы и редакторы «действуют как «стражи ворот» на пути информации, делая выбор о том, что сообщать и как сообщать. Знания общественностью состояния дел в любой момент времени есть по большей части продукт их деятельности. События или проблемы, которые не соответствуют этим стандартам, игнорируются, несмотря на свою политическую, общественную или объективную значимость в реальной повестке дня как иерархии социальных проблем, определяемой значениями индикаторов реальности в фиксированный период времени [Пономарев 2008]. Бейтсон иронически замечает: «Мы все слишком часто автоматически реагируем на газетные заголовки, как если бы эти стимулы были прямыми объектными маркерами событий в нашем окружении, а не сигналами, измышляемыми и передаваемыми существами, столь же сложно мотивированными, как и мы сами» [Бейтсон 2000]. В процессе медиации сообщение постоянно трансформируется по пути от «привратника» к «привратнику», сохраняя новостное ядро по формуле «что, где и когда произошло».

Рассмотрим корпоративные принципы деятельности СМИ и соответствующие социальные последствия. Остановимся на двух комплексных критериях, которыми руководствуются средства массовой информации при отборе событий как сырья для новостей. Во-первых, событие отвечает редакционной политике как стратегии достижения целей собственников и редакции СМИ в некоторых сферах, новостному формату как корпоративному идентификатору новости, а также графику выхода, специфике производства и содержания конкретного СМИ. Во-вторых, источник информации рассматривается СМИ как легитимный, или как заслуживающий уважения в доминирующей ценностной системе [Blumler, Gurevitch 1986, 89].

Начнем с первого критерия. Кобб и Элдер называют события, которые легко преодолевают медиаконтролёров, «пусковыми событиями» [Cobb, Elder 1971], а Алтейд вводит понятие «формат события» [Altheide 1979], которому в журналистской практике соответствует понятие «информационный повод». Информационный повод – это физически и содержательно яркое для журналиста и/или редакции СМИ событие в актуальном событийном контексте [Entman 2007], поскольку журналисты ориентируются на массовую аудиторию, которая уделяет внимание только интересным и ярким сообщениям [Blumler, Katz 1974]. Иначе говоря, «выпуклость» зависит от свойств самого события, а также от количества и «выпуклости» одновременно происходящих (и наблюдаемых) событий. Например, военная агрессия затмевает церемонию открытия Олимпийских игр, а информационный вакуум во время летних отпусков вынуждает репортеров перерабатывать корпоративные пресс-релизы в «аналитические обзоры». К числу идентификаторов информационного повода относятся следующие признаки события [McNelly 1959], [Луман 2005], [Прохоров 1995], [Стриженко 2003]:

- событие строго соответствует или наоборот резко противоречит паттерну новостного выпуска, который представляет собой порядок следования / размещения, соотношение объемов и степень визуализации единичных новостей;
- событие, один из участников которого ведет себя необычным образом (курьезное событие);
- событие соответствует ценностям «привратников»;
- событие отвечает актуальным информационным запросам аудитории (уместное событие);
- событие, главный герой которого достиг значительного успеха (сенсация);
- событие, главный герой которого – референтная или статусная фигура;
- событие ведет к негативным социальным последствиям;
- событие, которое воспринимается как маловероятное;
- событие как конфликтное взаимодействие;
- событие с непредсказуемым и стремительным развитием (интрига);
- событие с большим количеством участников или охватывающее большую территорию (масштабное событие);
- событие с предполагаемыми серьезными последствиями для аудитории;
- событие, участники которого грубо нарушают социальные нормы (скандал);
- событие соответствует актуальному социокультурному контексту;
- событие легко вписывается в ряд уже прошедших событий;
- событие соответствует медиаформату;
- событие, участники которого высказали интересные мнения;
- событие поддается однозначной интерпретации.

Таким образом, идеальный информационный повод – это неожиданное, сенкционное и/или

скандальное, курьезное и/или, зрелищное, драматичное, социально негативное и/или масштабное событие, которое содержит в себе конфликтное взаимодействие и центрируется вокруг главного героя. Выявлены не всегда осознаваемые журналистами правила «совместимости событий» [Bennett 1984]:

- негативные события вытесняют позитивные: сообщения о негативных событиях привлекают у аудитории СМИ больше внимания по сравнению с сообщениями о позитивных событиях, что объясняется активацией дискомфорта, от которого индивиды стремятся избавиться [Pratto, John 1991];
- однотипные события при повторении игнорируются;
- неожиданное событие вытесняет прогнозируемое;
- из важного события «вырывается» наиболее яркий эпизод;
- перформансы затмевают спонтанные события, рассматриваемые аудиторией как функциональные или неконтролируемые;
- событие подается в контексте серии ярких событий;
- в описании событий делается акцент на конкретных участниках (персонализация события);
- социальные проблемы часто интерпретируются как частные вопросы (нормализация события);
- на первый план выдвигаются те признаки события, которые усиливают его зрелищность, а не социальную значимость (драматизация события). В результате при освещении политики часто преобладают скандальные сюжеты, в то время как технические, нарастающие или хронические проблемы игнорируются, поскольку с трудом поддаются персонификации или драматизации.
- новости часто подаются журналистами в виде сжатых и разрозненных сводок (фрагментация события): «Реальность нельзя упаковать в сюжеты продолжительностью в две или три минуты, подлинная история состоит из противоречий, острых краев и пороков... В результате любое событие реального мира, каким бы необычным или отталкивающим оно ни было, оказывается втиснутым в заранее приготовленные формы». Журналисты склонны осмысливать драматическое событие как типичный пример уже признанной социальной проблемы и далее рассматривать его в широком социальном контексте, связывая с аналогичными, по их мнению, событиями [Snow, Benford 1988]. Однако «новость обычно не является обособленным единичным событием, хотя телевизионные новости часто оставляют именно такое впечатление. Новость – это процесс, который начался в недавнем прошлом, существует в настоящем и будет продолжаться в будущем. Следовательно, подоплека новости и ее контекст важны в той же мере, что и последующие сообщения... Новость имеет долгую интересную историю; то, что является новостью для одного человека, для другого может быть развлечением, вдохновением, пропагандой или отвлекающим фактором».

Перейдем ко второму критерию. Преимущественное право доступа на редакционные площади или в редакционный эфир (значит, возможность доминировать в публичном дискурсе) получают те организации (или индивиды), которые обладают максимальной легитимностью, измеряемой пятью показателями [Shoemaker 1982a]:

- законность – адекватность целей и средств организации социальным правилам и нормам;
- оценка – эмоциональная ориентация журналистов по отношению к организации;
- жизнеспособность – объем финансовых ресурсов, опыта, компетенции, политического влияния, а также количество членов и союзников организации;
- стабильность – корпоративная сплоченность, последовательность стратегии и коммуникативная активность организации;
- достоверность – соответствие сообщений организации реальному положению дел.

Институциональные источники журналисты склонны рассматривать как легитимные [Hall et al. 1978]. Однако даже группы меньшинств могут нарастить свою легитимность за счет активизации медиаполитики [Miller 1994], а также «создания альянсов с другими организациями... для совместных усилий по предоставлению [журналистам] информационных дотаций». Регулярное нарушение журналистами прескриптивного требования объективности, порождающее пристрастные новости, объясняется не только вышеперечисленными принципами и практиками, но и такими факторами как включение в медиатекст собственного мнения журналиста, выбор цитируемых экспертов, защита корпоративных интересов, разный объем новостей с изложением разных мнений по одному вопросу [Tan, Weaver 2007, 8]. Как отмечает Кэрретерз, во время войны журналисты сами отказываются от объективности, беспристрастности и нейтральности, чтобы выглядеть патриотами [Carruthers 2000, 197]. В частности, американские СМИ концентрируются на «подобающих жертвах» врагов, игнорируя «неподобающие жертвы» союзников. Первые облагораживаются, а вторые лишь вскользь упоминаются: «Тогда как освещение подобающих жертв изобиловало кровавыми подробностями и содержало выражения негодования и требования справедливости, освещение неподобающих жертв было приглушенным, чтобы скрыть эмоции и вызвать полные сожаления философские утверждения общего характера о вездесущности насилия и изначальной трагедийности человеческой жизни» [Herman, Chomsky 1988, 39]. Выборочно представляя аудитории информацию, СМИ поневоле или намеренно манипулируют общественным мнением, что вынудило Лумана подвергнуть сомнению достоверность новостей: «Вопрос в том, как можно принимать информацию о мире и обществе в качестве информации о реальности, если мы знаем, как эта информация производится» [Луман 2005, 215]. И далее: «Мы сопротивляемся их [масс-медиа] воздействию, подозревая, что наши манипулируют, но по существу это ничего не меняет, потому что знания, полученные нами из масс-медиа, словно сами собой складываются в замкнутый каркас, элементы которого укрепляют друг друга» [Луман 2005, 9].

Дьякова и Трахтенберг подчеркивают противоречивость отношения граждан к деятельности СМИ: «Отношение общественного сознания к новостям является весьма амбивалентным: с одной стороны, производство и распространение новостей признается важнейшим элементом структуры современного демократического общества, а с другой – постоянно высказываются опасения, что существующие его формы подрывают самые основания этого общества и сводят на нет идеалы представительной демократии» [Дьякова, Трахтенберг 1999, 18]. Найссер высказывает более оптимистично: «Вообще каждое новое знание, приобретаемое человеком, делает его менее подверженным контролю. Образованными людьми, несомненно, труднее манипулировать, чем теми, кто лишен знаний,... потому что образование... позволяет... увидеть больше альтернативных возможностей действия» [Найссер 1998, 195]. Впрочем, нельзя

не согласиться с тем, что «любое событие в сообщении может принимать множество самых различных форм и приобретать радикально различный облик... не существует одного единственного верного способа сообщать о событиях... сами события вовсе не определяют с неизбежностью форму, в которой о них будет сообщено». Поскольку любое описание ситуации или события неизбежно является его интерпретацией [Баранов 2003], то самим выбором и аранжировкой новостей СМИ навязывают аудитории свои когнитивные схемы интерпретации событий или, по крайней мере, задают критерии для их оценки. Однако о предвзятости конкретного средства массовой информации можно говорить лишь в тех случаях, когда в выпусках новостей выявляются отчетливые паттерны, которые «мобилизуют пристрастность» по отношению к конкретным акторам, помогая им регулярно доминировать над другими, либо, наоборот, создавая им помехи [Entman 2007, 166]. Пристрастные описания утрачивают убедительность по мере увеличения доступных для граждан альтернативных интерпретаций. К тому же необъективность серии пристрастных новостей одних СМИ уравновешивается пристрастными публикациями других СМИ [Chong, Druckman 2007].

Рассел косвенно оправдывает журналистов: «Вы не можете просто назвать факт. Единственное, что вы можете сделать, это принять его, или отрицать его, или восхититься им, или внушить его, или захотеть его, или спросить о нем, но все эти обстоятельства входят в понятие пропозиции» [Russell 1971, 188], а Базылев указывает на лингвистическую неизбежность порождения «причастных» текстов: «Язык определяет идеологическую сетку, которую та или иная социальная группа помещает между индивидом и действительностью; она принуждает его мыслить и действовать в определенных категориях, замечать и оценивать лишь те аспекты действительности, которые эта сетка задает в качестве значимых» [Базылев 1994, 183-184]. И более того: «Всякий текст – если не эксплицитно, то по крайней мере имплицитно – аксиологичен, он вольно или невольно манифестирует некую систему ценностей [Лукьянова 2006, 17].

Вышеприведенные обобщения свидетельствуют о том. Что дискурс политики играет в информационном пространстве роль регулятора информационных обменов, контролируя доступ в рассмотренное пространство социальным субъектам. Социальная и функциональная значимость взаимодействия органов власти с медиа акцентируется в классических политических, социологических и когнитивистских теориях. Все они обладают лингвокультурными характеристиками. В кибернетических моделях медиа рассматриваются как важнейший инструмент политической социализации граждан и легитимации власти. В конструктивистском русле подчеркивается, что сообщения средств массовой информации активно участвуют в конструировании социальной реальности. делают закономерным переход к характеристике когнитивных механизмов политики в лингвокультурологическом плане.

REFERENCES

1. Баранов, А.Н. Введение в прикладную лингвистику. – М., 2003. – 360 с.
2. Бейтсон, Г. Теория игры и фантазии / Г. Бейтсон. Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии. – М., 2000. – 476 с.
3. Березняков, Д.В. Медиалегитимация и российский политический контекст / Международный конгресс «300 лет Российской газете. От печатного станка к электронным медиа». Сб. материалов. – М., 2002.

Journal of International Scientific Publications:
Language, Individual & Society, Volume 6, Part 2
ISSN 1313-2547, Published at: <http://www.scientific-publications.net>

4. Гавра, Д.П. Социально-коммуникативные технологии: обоснование категории / PR-технологии в информационном обществе: материалы II Всероссийской научно-практической конференции. – СПб., 2004.
5. Грачев, М.Н. Политическая коммуникация: Теоретические концепции, модели, векторы развития. – М., 2005. – 328 с.
6. Гудмен, Н. Способы создания миров. – М., 2000.
7. Добросклонская, Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. – М., 2008. – 264 с.
8. Дьякова, Е.Г. Конструирование и легитимация социальных проблем в процессе установления повестки дня / Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук 6 (2005), 188-211.
9. Дьякова, Е.Г., Трахтенберг, А.Д. Массовая коммуникация и проблема конструирования реальности: анализ основных теоретических подходов. – Екатеринбург, 1999. – 130 с.
10. Засурский, И.И. Масс-медиа Второй республики. – М., 1999.
11. Землянова, Л.М. Медиатизация культуры и компаративизм в современной коммуникативистике / Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2002. – № 5.
12. Липпман, У. Общественное мнение. – М., 2004. – 384 с.
13. Лукьянова, Н.А. Роль коммуникативного события в пространстве коммуникаций / Вестник Красноярского государственного университета: Гуманитарные науки. Вып. 6 (2006), 15-18.
14. Луман, Н. Медиа коммуникации. – М., 2005. – 280 с.
15. Маклюэн, Г.М. Понимание медиа: внешние расширения человека. – М., 2003. – 462 с.
16. Назаров, М.М., Медиков, В.Я. Массовые коммуникации и виртуализация социального пространства в современном обществе / Социально-гуманитарные знания 1 (2001), 233-247.
17. Найссер, У. Познание и реальность. Смысл и принципы когнитивной психологии. – Благовещенск, 1998. – 224 с.
18. Ноэль-Нойман, Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания. – М., 1996. – 351 с.
19. Пономарев, Н.Ф. Информационная политика органов власти: теории, технологии, планирование. – Пермь, 2008. – 329 с.
20. Прохоров, Е.П. Введение в теорию журналистики. – М., 1995.
21. Рогозина, И.В. Функции и структура медиа-картины мира / Методология современной психолингвистики. Сб. статей. – М., 2003. – С.121-137.
22. Русакова, О.Ф., Русаков, В.М. PR-Дискурс: теоретико-методологический анализ. – Екатеринбург, 2008. – 340 с.
23. Спектор, М., Китсюз, Дж. Конструирование социальных проблем / С.А. Ерофеев (сост. и ред.). Контексты современности – II: Хрестоматия. – Казань, 2001. – С. 160-163.
24. Стриженко, А.А. (ред.). *Зарубежная и российская журналистика: трансформация картины мира и ее содержания.* – Барнаул, 2003. – 470 с. [Электронный ресурс]

Journal of International Scientific Publications:
Language, Individual & Society, Volume 6, Part 2
ISSN 1313-2547, Published at: <http://www.scientific-publications.net>

<http://evartist.narod.ru/text5/78.htm>

25. Трахтенберг, А.Д. Рунет как «публичная сфера»: хабермасианский идеал и реальность / Политэкс 2 (2006) [Электронный ресурс] <http://www.politex.info/content/view/232/30/>
26. Хабермас, Ю. Теория коммуникативного действия / Вестник МГУ. Сер. 7. Философия. – 1993. – № 4. – С. 43-63.
27. Хилгартнер, С., Боск, Ч.Л. Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен / И.Г. Ясавеев (сост.). Средства массовой коммуникации и социальные проблемы: Хрестоматия. – Казань, 2000.
28. Шматко, Н.А. Феномен публичной политики / Социологические исследования 7 (2001), 106-112.
29. Ясавеев, И.Г. Конструирование «не-проблем»: стратегии депроблематизации ситуаций / Журнал социологии и социальной антропологии 34 (2006), 91-102.
30. Altheide, D.L., Snow, R.P. Media logic. – London: Sage, 1979. – 256 p.
31. Altheide, D.L., Snow, R.P. Mediaworlds in the post journalism era. – N.Y.: Aldine de Gruyter, 1991.
32. Baumgartner, F.R., Mahoney, C. Individual-level framing and collective issue definition in the European Union / European Union Politics 9 (2008), 435-449.
33. Bennett, W.L. News: the politics of illusion. – N.Y.: Longman, 1984.
34. Berelson, B.R. Communication and public opinion / Communication in Modern Society 3 (1951), 122.
35. Blumler, J.G., Gurevitch, M. Media change and social change: linkages and junctures / J. Curran, M. Gurevitch (eds.). Mass media and society. – London: Arnold, 1986.
36. Calhoun, C. (ed.). Habermas and the public sphere. – Cambridge: The MIT Press, 1992.
37. Carruthers, S.L. The media at war. – N.Y.: St. Martin's Press, 2000. – 321 p.
38. Choi, Y.J. Rules of the agenda game: President's issue management, media's agenda setting and the public's representation. Dissertation for the degree of doctor of philosophy. – The University of Texas at Austin (May 2004).
39. Chomsky, N. Necessary illusions: Thought control in democratic societies. – Toronto: CBC Enterprises, 1989.
40. Chong, D., Druckman, J.N. A theory of framing and opinion formation in competitive elite environments / Journal of Communication 57 (2007), 99-118.
41. Cobb, R.W., Elder, C.D. The politics of agenda-building: an alternative perspective for modern democratic theory / Journal of Politics 33 (1971), 892-915.
42. Cohen, B.C. The press and foreign policy. – Princeton: Princeton University Press, 1963. – 288 p.
43. Connolly, W.E. On interests in politics / Politics and Society 2 (1972), 459-477.
44. Dahl, R.A. Democracy and its critics. – New Haven: Yale University Press, 1989.
45. Ellwood, D.T. Poor support: poverty in the American family. – N.Y.: Basic Books, 1988.

Journal of International Scientific Publications:
Language, Individual & Society, Volume 6, Part 2
ISSN 1313-2547, Published at: <http://www.scientific-publications.net>

46. Entman, R.M. Framing: toward clarification of a fractured paradigm / Journal of Communication 43 (4) (1993), 51-58.
47. Entman, R.M. Framing bias: Media in the distribution of power / Journal of Communication 57 (2007), 163-173.
48. Fairclough, N. *Media discourse*. – London, 1995.
49. Finifter, A. Public opinion / S.M. Lipset (ed.). *The encyclopedia of democracy*. – London: Routledge, 1995. – P. 1027-1035.
50. Fuchs, D., Pfetsch, B. The observation of public opinion by the governmental system. Discussion paper FS III 96 – 105 (December 1996). Wissenschaftszentrum Berlin fur Sozialforschung gGmbH (WZB).
51. Herman, E.S., Chomsky, N. *Manufacturing consent: The political economy of the mass media*. – N.Y.: Pantheon, 1988.
52. Hetherington, M.J. The media's role in forming voters' national economic evaluations in 1992 / American Journal of Political Science 40 (1996), 372-395.
53. Hirschman, A.O. Having opinions – one of the elements of well-being / American Economic Review 79 (1989), 75-79.
54. Hjarvard, S. From Bricks to Bytes: The Mediatization of a global toyIndustry / I. Bondebjerg, P. Golding (eds.). *European culture and the media*. – Bristol: Intellect Books, 2004.
55. Jervis, R. *The meaning of the nuclear revolution*. – Ithaca: Cornell University Press, 1989.
56. Kahneman, D., Tversky, A. Prospect theory: An analysis of decision under risk / Econometrica 47 (1979), 263-291.
57. Katz, E. Media multiplication and social segmentation / Ethical Perspectives 7 (2-3) (2000), 122-132.
58. Kepplinger, H.M. Reciprocal effects: Toward a theory of mass media effects on decision makers / The Harvard International Journal of Press/Politics 12 (2) (2007), 3-23.
59. Kingdon, J.W. *Agendas, alternatives and public policies*. – N.Y.: Harper Collin, 1984.
60. Klapper, J.T. *The effects of mass communication*. – Glencoe: Free Press, 1960. – 302 p.
61. Lazarsfeld, P.F., Berelson, B., Gaudet, H. *The peoples choice. How the voter makes up his mind in a presidential campaign*. – N.Y., 1948. – 187 p.
62. Lewin, K. *Channels of group life* / Human Relations 1 (1947), 143-153.
63. Linsky, M. Impact: how the press affects federal policymaking. – N.Y.: W.W. Norton and Company, 1986. – 260 p.
64. Luhmann, N. *Okologische Kommunikation. Kann die moderne Gesellschaft sich auf okologische Gefuhrdungen einstellen?* – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1986.
65. Mazzoleni, G. Media logic and party logic in campaign coverage: The Italian general election of 1983 / European Journal of Communication 2 (1) (1987), 81-103.
66. McNelly, J.T. Intermediary communicators in the flow of news / Journalism Quarterly 36 (1959), 23-26.

Journal of International Scientific Publications:
Language, Individual & Society, Volume 6, Part 2
ISSN 1313-2547, Published at: <http://www.scientific-publications.net>

67. McQuail, D. Mass communication theory. – London, 1996.
68. Norris, P. Did the media matter? Agenda-setting, persuasion, and mobilization effects in the British General Election Campaign / British politics 1 (2006), 195-221.
69. Miller, D. Don't mention the war: Northern Ireland, propaganda and the media. – London: Pluto, 1994.
70. Patterson, T.E. Out of order. – N.Y.: Knopf, 1993.
71. Pfetsch, B. Government news management – Strategic Communication in Comparative Perspective. Discussion Paper FS III 99-101. Science Center Berlin for Social Research. – Berlin: WSZ, 1999.
72. Pratto, F., John, O.P. Automatic vigilance: The attention-grabbing power of negative social information / Journal of Personality and Social Psychology 61 (1991), 380-391.
73. Protess, D.L., Cook, F.L., Curtin, T.R., Gordon, M.T., Leff, D.R., McCombs, M.E., Miller, P. The impact of investigate reporting on public opinion and policymaking: Targeting roxic waste / Public Opinion Quarterly 51 (1987), 166-185.
74. Rogers, E.M., Dearing, J.W. Agenda-setting research: Where has it been! Where is it going? / J.A. Anderson (ed.). Communication yearbook II. – Newbury Park: Sage, 1988. – P. 555-594.
75. Russell, B. The philosophy of logical atomism / B. Russell. Logic and Knowledge. Essays 1901-1950. – Capricorn Books: N.Y., 1971. – P. 175-282.
76. Schattschneider, E.E. The semi-sovereign people: A realist's view of democracy in America. – Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1960.
77. Schiraldi, V., Macallair, D. Framing the framers: changing the debate over juvenile crime in San Francisco / S. Iyengar, R. Reeves (eds.). Do the media govern? Politicians, voters, and reporters in America. – Thousand Oaks: Sage, 1997.
78. Shoemaker, P.J. The perceived legitimacy of deviant political groups: Two experiments on media effects / Communication Research 9 (2) (1982a), 249-286.
79. Shoemaker, P.J., Reese, S.D. Mediating the message: Theories of influences on mass media content. – White Plains: Longman, 1991. – 233 p.
80. Snow, D.A., Benford, R.D. Ideology, frame resonance and participant mobilization / K. Klandermans, N. Tarrow (eds.). Structure to action. – Greenwich: JAI, 1988. – P. 197-219.
81. Soroka, S.N. Agenda-setting dynamics in Canada. – Vancouver: UBC Press, 2002.
82. Spector, M., Kitsuse, J. Constructing social problems. – Menlo Park: Cummings Publishing, 1977. – 184 p.
83. Spiller, P.T., Stein, E., Tommasi, M. Political institutions, policymaking processes and policy outcomes. An intertemporal transactions framework. – Washington: Inter-American Development Bank, 2003.
84. Stromback, J. Four phases of mediatization: An analysis of the mediatization of politics / The International Journal of Press/Politics 13 (3) (2008), 228-246.
85. Tan, Y., Weaver, D. Local media, public opinion, and state government policy: Second-level agenda Setting and political bias. Paper presented at the annual meeting of the Association for

Journal of International Scientific Publications:
Language, Individual & Society, Volume 6, Part 2
ISSN 1313-2547, Published at: <http://www.scientific-publications.net>

Education in Journalism and Mass Communication, The Renaissance, Washington, DC. August 08, 2007.

86. Thompson, J.B. The media and modernity. A Social theory of the media. – Stanford University Press, 1995.
87. Thompson J.B. Ideology and modern culture. Critical Social Theory in the Era of Mass Communication. – Oxford, 1990.
88. Walgrave, S., Nuytemans, M. Specifying the media's political agenda-setting power / Media, civil society, parliament and government in a small consociational democracy (Belgium, 1991-2000). Prepared for delivery at the ECPR joint sessions of workshops, Uppsala (Sweden), 13-18 April 2004, workshop 15. Media and political agenda-setting.
89. Walgrave, S., van Aelst, P. The mass media's political agenda-setting power. Towards an integration of the available evidence / Prepared for delivery at the APSA political communication pre-conference September 1st, 2004, Chicago.
90. Walgrave, S., Soroka, S., Nuytemans, M. The mass media's political agenda-setting power: A longitudinal analysis of media, parliament, and government in Belgium (1993 to 2000) / Comparative Political Studies 41 (6) (2008), 814-836.
91. White, T. The making of the president. – N.Y.: Bantam, 1973.
92. Zucker, H.G. The variable nature of news media influence / B.D. Rubin (ed.). Communication yearbook 2. – New Brunswick: Transaction, 1978. – P. 225-245.

**THE TRANSLATION AND APPRECIATION OF KORNEY CHUKOVSKY'S WORK FOR
CHILDREN AND YOUNG ADULTS IN 20TH CENTURY BULGARIA**

Margarita T.Terzieva

University „Prof. d-r AssenZlatarov“ –Burgas, Bulgaria

Abstract

The paper deals with the methodological and bibliographical aspects of the translation and appreciation of Korney Chukovsky's work for children and young adults in Bulgaria in the 20th Century. The appendices contain data about publications, translations and translators collected by the author.

Key words: *translation, translators, appreciation*

Поводом для реализации данного исследования послужило необъяснимое отсутствие творчества Корнея Чуковского в „Переводческой рецепции европейских литератур в Болгарии. Том 2. Русская литература“, где присутствуют наиболее яркие представители русского художественного слова. И как автор литературных произведений для детей, и как литературный критик Корней Чуковский завоевал право присутствия в данном и подобных авторитетных изданиях.

Переводческая рецепция его произведений для детей в Болгарии имеет свою десятилетнюю историю. Она датируется началом 30-х годов XX века, когда появляются его первые сказки и стихотворения, удачно получившие определение сказочных поэм. Первоначально они публикуются на страницах периодической печати для детей – „Детская радость“, „Воробышек“, „Веселая дружина“, а в дальнейшем печатаются в самостоятельных изданиях и сборниках. Сравнительно слабее рецепция представлена в загадках (в связи со спецификой отражения в них реалий) и адаптированных английских текстах песенок и прибауток (присказок). Но пересказанный и адаптированный текст „Робинзона Крузо“ по Даниелю Дефо радуется долгой жизни и интересу со стороны читателей наравне с переводом самого оригинала.

Библиография творчества для детей и юношей Корнея Чуковского в Болгарии до конца XX века (см. Приложение №1) включает около 30 заглавий со следующим пространственным распределением во времени (без переизданных):

- 30-е годы XX века – 12 книг и 2 сборника;
- 40-е годы XX века – 2 книги;
- 50-е годы XX века – 2 книги;
- 60- е годы XX века – 3 книги и 1 сборник;
- 70- е годы XX века – отрывки в одной хрестоматии;
- 80- е годы XX века – 2 книги и 1 сборник;
- 90- е годы XX века – 5 книг.

Journal of International Scientific Publications:
Language, Individual & Society, Volume 6, Part 2
ISSN 1313-2547, Published at: <http://www.scientific-publications.net>

Данная нестабильность имеет свое культурно-историческое объяснение: постепенно книги с одной сказкой в стихах уступают место более объемным изданиям, которые включают разнонаправленные жанровые поиски Корнея Чуковского и обогащают представления читателя. Все переводы сделаны с оригинала; нигде не е открыта роль языка-посредника между автором и переводчиком.

Интерес представляют два издания произведений К.Чуковского, опубликованные на Украине (1936) и в московском издательстве „Малыш“ (1981, 1989), которые имеют различную рецепцию – первое предназначено для детей болгарских политических эмигрантов в СССР, а второе и третье отличаются хорошими полиграфическими качествами, и болгарские читатели удостоили их радушным приемом.

Наиболее яркое извлечение самой большой части переведенной литературы писателя представляют издания софийских издательств, среди которых главное место занимает „Хемус“ – лидер в издании детской литературы в 30-е – 40-е годы прошлого века. За ним следуют „Иван Коюмджиев“, „Искра“, а во второй половине прошлого столетия – „Народная культура“, „Народное просвящение“, „Народная молодежь“, „Отечество“. В 90-е годы в этот список включаются пловдивское издательство „Хермес“ и русенское „Парнас“.

Среди переводчиков Корнея Чуковского в Болгарии есть профессиональные писатели, в том числе и утвержденные детскo-юношеские творцы, а также и известные переводчики (см. Приложение №2). Работа над произведениями русских писателей для некоторых из них является случайным попадением (Н.Хрелков), а для других – творческой судьбой (Хр. Радевский). Характерно за Христо Радевского, например, желание отразить изменения в литературном болгарском языке в, уже ставших популярными, стихах собственного перевода, например:

Табл. №1.Переводческая рецепция сказки в стихах „Кузнечище“

„Сказки“ – 1972 г.	„Доктор Айболит“ – 1987 г.
c.12 премряха	c.6 примряха
c.12 Крокодилът беден/ жабата изеде.	c.6 Крокодилът сиромах/ гълтна жабата от страх.
c.12 Не боят се раците,/ в боя са юнаците.	c.6 Само раците юнаци/ от заплахи не боят се.
c.12 можеме и ние	c.7 можем и ние
c.16 Сепна се Хипопотама/ и зашепна: „Да те няма!“	c.10 Конят речен зъби точи/ и му рече: „Стига вече!“

Примечание: Сказка в стихах „Кузнечище“ впервые переведена на болгарский язык Христо Радевским в 1938 г.. Она существует в самостоятельных изданиях, переизданных изданиях и сборниках в 1949, 1954, 1972, 1981, 1987 г.г..

Учитывая и вероятное редакторское вмешательство, мы считаем, что последний переработанный перевод имеет больше художественных достоинств по сравнению с предыдущим; данная констатация не касается цитированного случая, приведенного выше, она

относится как к отдельным произведениям („Мойдодыр“, „Айболит“, „Украденное солнце“, „Беспорядок“), так и к отдельным переводческим неологизмам („пучеглазая“ – бълг. „копчеока“).

Другим вызовом для переводчиков является автоцитирование, которое использует Корней Чуковский в отдельных своих произведениях. Так, например, в „Телефоне“ лирический герой говорит: „Мойдодыру ишу квартиру!“, здесь автор прямо называет персонаж из другой сказки в стихах. Единственным переводчиком, которому удалось справиться с проблемой объяснения под линией, доступной маленьким читателям, является Христо Радевский. Вклад переводчиков в это богатое идеями творчество реализуется в двух направлениях: в количестве переведенных произведений и в авторстве их первых переводов.

Табл.№2. Переводчики – переведенные заглавия и первые переводы

Переводчик	Переведенные заглавия детско-юношеских произведений К.Чуковского (количество)	Первые переводы (количество)
Д.Подвързачов	1	1
Н.Хрелков	1	1
Хр. Радевски	44	40
Ас. Босев	2	1
Г.Жечев	1	0
Кр. Станишев	8	3
И.Жечев	1	0
Сл. Донков	38	16
С.Яневска	1	0
П.Чернева	1	0

Примечание: Некоторые произведения переведены более чем одним переводчиком.

В переводческой рецепции произведений К.Чуковского наибольшую заслугу имеет Хр. Радевский, который перевел 44 из 62 написанных писателем произведений для детей, известных у нас, причем, право первого перевода имеют 40 заглавий. После него известным переводчиком творчества К. Чуковского является Славчо Донков, который обогатил данную рецепцию 16-ю заглавиями, преимущественно это загадки в стихотворной форме. Третье место в своеобразной иерархии занимает Кръсте Станишев переводом трех новых заглавий стихотворений исследованного автора.

Проведенное методико-библиографическое исследование рецепции детско-юношеских произведений Корнея Чуковского в Болгарии позволяет сделать следующие выводы:

Болгарская рецепция произведений К.Чуковского показывает этапы изменения и неустойчивости в распространенных переводах в отдельные хронологические периоды XX века. Она наиболее интенсивна в 30-е годы, а в 80-е годы XX века становится самой

полноценной по отношению к количеству включенных произведений в отдельные самостоятельные сборники.

Богатейшая и продолжительная работа в плане поиска и реализации – это переводческая и редакторская деятельность Хр. Радевского, который в период с 1936 года по 1987 год обнародовал 15 книг с произведениями русского писателя.

Судя по русским библиографическим справочникам, творчество К.Чуковского для детей включает около 28 сказочных поэм в различных вариантах, 4 произведения в прозе для детей, 25 загадок и 11 обработок фольклорных источников, т.е около 70 произведений с указанным адресатом. Идиоматика в некоторых из них основана на реалиях русского фольклора, а также и откровенно пропагандистский характер в написанных во время Второй мировой войны стихотворениях, делают их непереводимыми, что является основанием избегать работы над этими текстами со стороны переводчиков.

Руководствуясь данными соображениями, можем с основанием утверждать, что переводческая рецепция произведений Чуковского в Болгарии является полноценной и художественно значимой для адресата, которому она предназначена.

Приложение №1

Библиография творчества для детей и юношеской Корнея Чуковского в Болгарии до конца XX века

Приключенията на Крокодил Крокодилов Крокодилски. Поема за малките деца. Прев. Д.Подвързачов. С., Хемус, 1930.

Мий до ох. С., Ив. Коюмджиев, 1933 (преводач е Н.Хрелков).

Лимпопо. Приказка в стихове и картинПрев. Хр. Радевски. С., Искра, 1936.

Бармалей. Приказка в стихове. Прев. Хр. Радевски. С., Хемус, 1938.

Бърканица. Приказка в стихове. Прев. Хр. Радевски. С., Хемус, 1938.

Краденото сълнце. Приказка в стихове. Прев. Хр. Радевски. С., Хемус, 1938.

Мий безспир. Приказка в стихове. Прев. Хр. Радевски. С., Хемус, 1938. (2 изд. – 1949)

Скакалечище. Приказка в стихове. Прев. Хр. Радевски. С., Хемус, 1938.

Телефон. Приказка в стихове. Прев. Хр. Радевски. С., Хемус, 1938.

Тодорина мъка. Приказка в стихове. Прев. Хр. Радевски. С., Хемус, 1938. (2 изд. – 1962)

Хубавицата мушица. Приказка в стихове. Прев. Хр. Радевски. С., Хемус, 1938.

Д-р Охболи. По „Доктор Дулитъл“ от Хю Лофтинг. Прев. А.Босев. С., Златна библиотека №100, 1940.

Д-р Охболи. Прев. Хр. Радевски. С., Хемус, 1945. (2 изд. – прев. Хр. Радевски и А.Босев – 1947; 3 изд. – прев. А.Босев – 1950; 4 изд. – 1953; 5 изд. – прев. И.Жечев – 1972)

Избрани приказки. Прев. Хр. Радевски. С., НК, 1949 (2 изд. – 1954; 3 изд. – 1972)

Чудо-дърво. Приказки, песни, гатанки. Прев. Хр. Радевски. С., НП, 1951.

Journal of International Scientific Publications:
Language, Individual & Society, Volume 6, Part 2
ISSN 1313-2547, Published at: <http://www.scientific-publications.net>

Робинзон Крузо (по Д. Дефо). Прев. Г. Жечев. С., НМ, 1954 (2 изд. – 1956; 3 изд. – 1961; 4 изд. – 1964; 5 изд. -1966; 6 изд. – 1969; 7 изд. – 1983; 8 изд. - 1997)

Бъркотия. Прев. Хр. Радевски. С., НК, 1961.

Бърборана. Малки стихотворения. Прев. Кр. Станишев. С., НМ, 1964.

Краденото слънце. Поема за деца. Прев. Хр. Радевски. С., НК, 1965 (2 изд. – 1974).

Радост. Стихотворения и гатанки. Прев. Сл. Донков. М., Малыш, 1981.

Д-р Охболи. Избрани приказки и стихове. Прев. Хр. Радевски. С., Отечество, 1987.

Пиленцето. Прев. Пенка Чернева. М., Малыш – С., Отечество, 1989.

ДокторОхболи. Приказка в стихове. Прев. Кръстьо Станишев. С., Христо Ботев, 1996.

Доктор Охболи. Прев. София Яневска. Пловдив, Хермес, 1998.

Бармалей.Прев. Христо Радевски. Русе,Парнас, 1999.

Доктор Охболи. Прев. Христо Радевски. Русе, Парнас, 1999.

Телефон. Прев. Христо Радевски. Русе, Парнас, 1999 .

Публикации произведений К.Чуковского для детей и юношей, найденные в сборниках на болгарском языке

Слънчева. Държ. изд. на нац. малцинства на УССР. 1936, 84 с.

Весели приказки за деца. Прев. Хр. Радевски. С., Хемус, 1938, 126 с.

Песен мълния. Стихотворения за деца от съветски автори. Сборник. Съст. и ред. Кр. Станишев. С., НМ, 1970.

Христоматия по детска литература за институтите за начални учители. С., НП, 1979.

При вълшебниците. Из съветската поезия за деца. Съст. ипрев. Хр. Радевски. С., Отечество, 1981.

Приложение №2

Переводчики, которые переводили произведения для детей и юношей Корнея Чуковского на болгарский язык

Димитър Подвързачов (1881 – 1937)

Поет, фейлетонист и преводач. През 1934-1936 г., заедно с Елин Пелин и Йордан Сливополски, е редактор на детското вестниче "Пътека". Написва редица произведения за деца, сред които: "Приключенията на Крачун и Малчо в София" (кн. 1-2, 1933-1934), поемата "Война в джунглите" (1934).

Николай Хрелков (1894-1950)

Известен като симпатизант на левите идеи, социален поет и преводач, емигрант.

Христо Радевски (1903-1996)

Поет, публицист, мемоарист, сатирик, автор на произведения за деца, преводач на поезия. Завърши Държавно педагогическо училище „Княз Борис Търновски“ в Ловеч през 1923 г. Следва романска филология в Софийския университет. Известен е като преводач на руската класическа поезия. Автор на няколко книги за деца.

Асен Босев (1913-1997)

Автор на детско-юношеска литература, учител, журналист и преводач от руски език. Един от учредителите и първи председател на Българската секция на Международния съвет по детската книга към ЮНЕСКО.

Иван Жечев

Известен преводач от руски език на произведения на М. Салтиков-Щедрин, Л. Толстой, И. Бунин, М. Шолохов, А. Толстой, на руски писатели фантасти.

Кръстьо Станишев (1933)

Поет, преводач на поезия, автор за деца. Издал е над четиридесет книги за деца и няколко десетки – преводна поезия от руски и немски. Отличаван е с множество български и международни награди за поезия, поетически превод и детска литература.

Славчо Донков (1942-1997)

Завърши българска филология в СУ, писател и журналист, редактор във в-к „Септемврийче“, главен редактор в издателство „Отечество“.

София Яневска

Псевдоним на София Атанасова Георгиева, преводач и редактор в пловдивските издателства „Христо Г. Данов“ и „Хермес“.

Георги Жечев (1897-1965)

Български писател и преводач, анархист, редактор на забранени от властта издания.

Пенка Чернева

Писателка, преводач от руски език

Приложение №3

Заглавия переведенных на болгарский язык произведений для детей и юношей Корнея Чуковского

Бармалей

Бечко (Агънчо)

Бърборана (Кречетало)

Бъркотия (Бърканица)

Вървял Кондрат (гатанка)

Гребен (гатанка)

Детски обувки (гатанка)

Доктор Охболи – прозаичен вариант (по произведения на Хю Лофтинг)

Доктор Охболи (Охболи, Лимпопо) – стихотворен вариант

Дреболийка за една лакомийка (Лакомница)

Барабек (английска народна песничка)

Дървото-чудо (Чудо-дърво)

Доктор (Жабчето)

Джени (английска народна песничка)

Ежковците се смеят (Таралежите се смеят)

Елха (Елхичка)

Ехо (гатанка)

Игла (и конец) – гатанка

Какво направи Мура, когато прочете приказката „Чудо-дърво“

Камион (гатанка)

Килим (гатанка)

Колко (Виж, Марюшка...) - гатанка

Коприва (гатанка)

Крадено(то) слънце

Кран (Подемен кран) - гатанка

Крака (Два крака върху три крака) - гатанка

Костенурка (та)

Котауси и Мауси

Кънки (гатанка)

Кокошчица чудна (английска народна песничка)

Ледена висулка (гатанка)

Мий безспир (Мий до ох)

Мушицата хубавица (та) (Муха на баня)

Мецана и Лиса

Мецана и луната

Огледало (гатанка)

Охболи и врабецът

Параход (гатанка)

Парашути

Пиленцето - проза

Плашило (Птици и бостанско плашило) – гатанка

Подводница

Попови(а) лъжички(а)

Праско (Прасенце)

Приключенията на Крокодил Крокодилов Крокодилски

Радост

Салюст (гатанка)

Скакалечище

Сльнчевият лъч на земята (Петачето) - гатанка

Страшилище

Слоницата чете

Свинки

Сандвич

Така и не така

Танкове

Таралаж (гатанка)

Телефон

Устни и зъби (гатанка)

Усукана песен (английска народна песничка)

Федотка (Тодорина мъка; Тодорина горест)

Храбреци (английска народна песничка)

Яйце и пиле (гатанка)

Литература:

Александров, В. К.Чуковски. – Родни простори, 1960, бр.15.

Александров, В. Корней Чуковски. Библиографска справка. С., НМ, 1962, 31 с.

Александров, В. К.И.Чуковски – Детска литература. С., НП, 1972, с.220-224.

Александров, В. съветската детска литература в България 1917-1967. Био-библиография. С., ДЛИДЮ, 1977.

Ангелов, Цв. Среща с К.Чуковски. – Родни простори, 1969, бр.45.

- Димитров-Рудар, П. К.И.Чуковски. – Какво да четат децата. С., НМ, 1956, с.224-226.
- Жизнь и творчество Корнея Чуковского. М., Детская литература, 1978.
- Иванов, Сл. Детско-юношеска художествена литература и литературна критика 1944-1985. Том 2. Преводна детско-юношеска художествена литература. С., 1990.
- Ковачева, Н. 100 години от рожденията на К.Чуковски. – Деца. Изкуство. Книги, 1982, кн. 3, с.36-38.
- Осиковска, В. При К.Чуковски – Литературен фронт, 1960, бр.11.
- Петев, Н. Корней Чуковски. – Родна реч, 1989, кн.6, с. 36-38.
- Писатели на народите на Съветския съюз. Енциклопедичен справочник. С., 1989.
- Поглед към съветската литература за деца и юноши. Методически сборник. С., ДЛИДЮ, 1983, с.88-92.
- Преводна рецепция на европейските литератури в България. Том 2. Руска литература. С., АИ „Марин Дринов“, 2001.
- Свилев, Ат. Верността към литературата е до сетния дъх. – Пламък, 1969, кн.2, с.78-84.
- Табакова, Д. Вдъхновение и творчество. К. Чуковски на 80 години. – Литературни новини, 1962, бр.25, с.2.
- Терзиева, М. Борец за каузата на приказката. - Предучилищно възпитание, 1997, кн. 9-10, с. 74-75.
- Цонев, Й. Незабравимият Чуковски. – Деца. Изкуство. Книги, 1970, кн. 3, с.13-15.
- Янчев, Т. Корней Чуковски. – Съветска литература за деца. С., НП, 1984, с.96-103.

THE CONCEPT OF TEXT OF THE EPIC KUBAIR "URAL-BATYR"¹⁶

Gul'nur H. Bukharova

Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla, Ufa, Oktyabrskoy Revolyutsii st, 3A

Abstract

A pragmatic approach to the study of folklore texts assumes the study of its speech units in terms of their functioning in the text. "The concept of text" or the general sense of the text is created in the mind of the reader as a result of perception of his pragmatic-semantic kernel in the process of realizing its potential implications. The conceptual analysis aims to detect pragmatic-semantic kernel of the text, which caused the originality of its structure and semantic organization as a sign of culture. While analyzing the functioning of linguistic units of a text in terms of mental processes, cognitive structures of knowledge representation, which stand behind the linguistic forms, can be found.

Key words: cognitive linguistics, rhythm-phonetic organization of a folklore text, semantics and pragmatics of the text, the concept of text.

Реконструкция фрагментов мифопоэтической картины мира, отраженной в архаичном мифологическом эпическом кубаире, попытки взглянуть на дискурс с точки зрения когнитивных структур, лежащих в основе коллективного бессознательного, требует определения того прагматико-смыслового ядра, которое обусловило своеобразие структурно-семантической организации или концептуального пространства текста. Для этого можно применить два вида анализа – функциональный и когнитивно-концептуальный, которые тесно взаимосвязаны. Концептуальный смысл текста выявляется на основании анализа функционирования языковых единиц в тексте всех уровней. Задачей анализа является определение концепта, формирующего языковую единицу, а также выявление ее «встроенности» в систему национальной духовной культуры, соотношения с единицами других культурных кодов. Такой анализ направлен на обнаружение прагматико-смыслового ядра текста, обусловившего своеобразие его структурно-семантической организации как знака культуры. Поэтому при анализе концептуального пространства текста необходимо разграничить «концепт» как лингвоментальную единицу и «концепт текста» или некоторый общий смысл текста, который создается в сознании читателя в результате восприятия его прагматико-смыслового ядра, в процессе осознания его возможного подтекста. Если концепт как лингвоментальная единица носит мировоззренческий характер, то концепт текста – прагматический: его формирование всегда связано с реакцией на ситуацию. Эта реакция и формирует концепт текста. Концептуальное пространство текста обусловлено всей системой

---

¹⁶ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Концептосфера башкирского мифологического эпоса», проект № 11-14-02008а/У.

концептуальных отношений в ментальном пространстве (концептосферой). Концептосфера языка является базой для формирования концептосферы текста.

Таким образом, в когнитивно-дискурсивной парадигме описания языка текст рассматривается как цельное автономное речевое построение, обладающее смысловой, коммуникативной и структурной целостностью. Под смыслом текста понимается информация, базирующаяся на содержании текста, выраженная языковыми средствами в сочетании с контекстом и речевой ситуацией. Для понимания смысловой структуры текста необходимо, прежде всего, воспринимать текст как семантическое пространство. Оно представляется целостным и дискретным. Важнейшими составляющими семантического пространства текста выступают денотативное, концептуальное и эмотивное пространства текста, которые требуют специального рассмотрения и лингвистического анализа, интерпретации. В ходе этой интерпретации адресат включается в процесс обработки имеющейся в нем информации, в результате которой и формируется, по мнению Н.С. Болотновой, представление адресата о концептуальной структуре текста, т.е. взаимосвязи концептов разных типов, вербализованных в тексте и стимулированных им [Болотнова 2007: 225].

Попытаемся определить, как выявляется смысл текста. Текст является продуктом речемыслительной деятельности. По утверждению В.В. Красных, текст порождается как верbalная и знаково зафиксированная реакция на ситуацию. Текст ею провоцируется и ее отражает. Под *ситуацией* понимается фрагмент объективно существующей реальности, частью которой являются как экстралингвистические, так и собственно лингвистические феномены. Ситуация, вызывая определенную психическую реакцию, побуждает к некоторому действию: вербальному или невербальному. Данная реакция «оформляется» в *мотив*, который, в свою очередь, может воплотиться в *интенцию* вербальной реакции (отклика) на внешний раздражитель – ситуацию. Мотив, будучи импульсом создания речевого произведения (текста), воплощается в концепт порожденного текста. *Концепт текста* есть мыслительный сгусток, максимально свернутая глубинная смысловая структура, развертывание которой происходит в процессе порождения текста [Красных 2003: 141].

Таким образом, под *концептом текста* понимается глубинный смысл, свернутая смысловая структура текста, являющаяся воплощением мотива, интенций автора, приведших к порождению текста. Он характеризуется, по образному выражению В.В. Красных, как своеобразная «точка взрыва», вызывающая текст к жизни. По ее мнению, с одной стороны, концепт служит отправным моментом при порождении текста, а с другой – конечной целью при его восприятии. «Зарождение мысли» – порождение концепта – происходит в предметно-изобразительном коде, «представление» – концепт текста – может иметь бесконечное число вербальных выражений – собственно текстов. Концепт зарождается до порождения текста и «разворачивается» именно в процессе порождения последнего и существует в самом тексте, хотя и в скрытом зачастую виде [2003: 127].

Текст отражает и моделирует реальность, особым образом используя исходный материал – слова естественного языка. В процессе слияния базовых знаков в тексте создается и смысл текста, связанный с его *функцией*.

Для фольклорного дискурса важна *функция текста*. Как пишет Вяч.Вс. Иванов, «для фольклора на первый план выдвигается понятие функции. Все, что не функционально, коллективом отвергается, тогда, как в литературе сохраняются произведения или отдельные формы, функции которых коллективу в данный момент не ясны» [Иванов 1987: 9].

Journal of International Scientific Publications:
Language, Individual & Society, Volume 6, Part 2
ISSN 1313-2547, Published at: <http://www.scientific-publications.net>

Поскольку фольклорный текст является кодово-регламентированным, функционально определенным, то в нем при рассмотрении языковой формы, можно установить ее функцию и вывести выражаемый языковой формой концептуальный смысл. Поэтому анализ фольклорного дискурса, произведенный с позиций функционального и когнитивно-концептуального подходов, предполагает выяснение того, какая система языковых средств служит для народного мастера основой создания и воссоздания устно-поэтических произведений, и на основании анализа функций языковых единиц и категорий выявляется концептуальный смысл текста. Такой анализ дает возможность адекватно соотнести языковой факт с ценностной системой носителей языка и определенной моделью культуры, отраженной в фольклорном тексте. Проникнуть в глубь содержания текста, понять глубинный смысл, формируемый функцией текста, реконструировать концепт текста – прагматико-семантическое ядро – можно только разобравшись в соотношении формы и содержания в тексте, связывая формальные особенности высказывания с функциональной природой языка как средства передачи информации.

Таким образом, прагматический подход применительно к фольклорному тексту предполагает изучение его речевых единиц с точки зрения их функционирования в тексте. Концептуальный анализ текста представляет собой выявление и описание способов вербализации определенных концептуальных областей ментального пространства человека, являющегося следствием прагматических установок говорящего, т.е. выявление прагматико-смыслового ядра текста. Анализируя функционирование языковых единиц эпоса с точки зрения ментальных процессов, можно обнаружить стоящие за языковыми формами когнитивные структуры представления знаний.

Концепт текста воплощается во всех его разноуровневых элементах: фонетических, лексических, грамматических и синтаксических. Концептуальный смысл текста выявляется на основании анализа функционирования языковых единиц в тексте. Концепт текста, в отличие от концепта как лингвоментального понятия, не существует в этноментальном пространстве в виде абстрактной конструкции, а «живет» именно в тексте, хотя и обусловлен экстралингвистической реальностью. Поэтому в его выявлении необходим учет дискурса. Один и тот же фольклорный текст в зависимости от коммуникативной ситуации может выполнять разные функции.

Если прагматический уровень художественного текста понимается как способность вызывать эстетический эффект, предусмотренный интенцией автора, его коммуникативной стратегией и эстетическим отношением к действительности, то в изучении фольклорного текста все больше внимание уделяется его обрядовой и магической стороне, выяснению его происхождения и функционирования в обрядовом контексте. Если до недавнего времени фольклористы в своих интерпретациях опирались, прежде всего, на литературоведческий анализ, ставя во главу угла эстетическую природу текстов, рассматривая их как отражение мифопоэтического освоения действительности, и фольклорные тексты были представлены как примитивная «зачаточная» форма литературы, форма искусства, то в последнее время в изучении фольклорного текста наметился коренной поворот к изучению их функциональной природы, их прагматики в обрядовом контексте.

Если до настоящего времени под лингвистической прагматикой понимали только изучение функционирования языковых знаков в речи, а также исследование связи между речевым актом и значением языковых знаков, то в современной лингвистике под ней понимается когнитивное, социальное и культурное исследование языка и коммуникации. Понимание текста зависит от контекста в самом широком смысле слова. Рассмотрение фольклорных текстов в функционально-прагматическом аспекте, их анализ как речевых действий, регулирующих

определенную практическую деятельность, требует выяснения и описания социального, ментального и собственно коммуникативного контекстов, в рамках которых осуществляется фольклорная акция. При таком подходе фольклорный текст или фольклорное высказывание можно проанализировать в следующих аспектах: в отношении к социальной ситуации, вызвавшей к жизни данное высказывание; в отношении к сообщаемому в высказывании факту; в отношении к результатам данного высказывания или к ответной реакции слушающего; в отношении к используемым для создания данного высказывания языковым средствам.

На наш взгляд, происхождение эпического кубаира (эпоса) обусловлено социокультурной жизнью народа: функция текста эпического кубаира (его исполнение, произнесение) заключалась в решении определенной социально значимой задачи для коллектива. Функция текста определяется как его социальная роль, способность обслуживать определенные потребности создающего текста коллектива. При этом функция текста рассматривается с точки зрения той культуры, в которой он создавался. Если рассматривать *тобайыр* с точки зрения семиотики, то он является знаком, и тогда его смысл, «будет производным не только от его «содержания», но и от контекстуальной pragmatики. «Значение» исполняемого сказителем эпоса не только в его содержании, но и в его функции (с какой целью это делается), и само содержание текста совершенно не обязательно прямо связано с его функцией» [Неклюдов // Электронный ресурс]. Социальная роль текста, его функция напрямую связана с жанром произведения. Жанр как система обладает своей грамматикой, семантикой, лексикой, кодом (набором правил и норм) – всё это реализуется в текстах. Жанровая принадлежность текста является одновременно и его стилеобразующим фактором, так как каждый жанр задает определённую культурно-коммуникативную канву. Жанр является важнейшим фактором текстообразования: определяет структуру текста, его семантику и pragmatику.

Мы предполагаем, что тексты башкирского мифологического эпоса первоначально возникли и актуализировались в рамках обрядовой практики народа как реакция на определенную социальную ситуацию, как фольклорно-обрядовый дискурс. В архаичном обществе фольклорный текст, возникнув как знак, преследовал весьма конкретную цель – обеспечение благополучного существования людей в этом мире. Конкретность архаичного сознания диктовала сугубо pragматическое отношение к действительности и поэтому в изучении фольклорного текста его pragматико-семиотическая функция выступает определяющей и задает направление и ракурс всего исследования. В настоящее время в связи с утратой обрядовой функции эти тексты башкирского мифологического эпоса можно рассмотреть как фольклорно-речевой дискурс.

Вероятнее всего, тексты башкирского мифологического эпоса возникли как необходимое условие или необходимый элемент сопровождения обряда – сакрального действия, которое, возможно, было нацелено не на конкретного человека (людей), а направлено на высшие сакральные силы, чтобы тем самым воздействовать на окружающую действительность, на весь мир.

Исходя из вышесказанного, попробуем представить историческую динамику pragmatики такого фольклорного жанра, как эпический кубаир. Возможно, тексты эпического кубаира исполнялись в первую очередь в момент прощания с умершим героем. Исследователи отмечают, что кубаиры как песни-славы или хвалебные песни в честь вождей и храбрых воинов исполнялись также и на пирах. Жанр кубаира (песни-славы или хвалебные песни в честь вождей и храбрых воинов, а также посмертные славы-плачи о погибших героях), имеет исторические корни. Так, например, по мнению Р.С. Липец, отголосок песни-славы слышится как в орхонской надписи (VIII в.) –

Journal of International Scientific Publications:
Language, Individual & Society, Volume 6, Part 2
ISSN 1313-2547, Published at: <http://www.scientific-publications.net>

памятника в честь принца Кюль-тегина, так и в ее песенном складе. Интересно отметить, что башкиры племени *тангаур* считают его своим предком, в честь которого воздвигнут один из орхонских памятников [Кузеев 1974: 137].

Фрагменты такого рода сочинений можно найти в словаре Махмуда Кашгарского (Элегия на смерть Алл Эр Тонга, Элегия на смерть неизвестного героя). Прижизненные песни-славы исполнялись на пирах и празднествах, посмертные славы-плачи – на поминках. Существование погребальных плачей (посмертная слава), пишет Р.С. Липец, засвидетельствовано у кочевников издавна. Согласно Приску (V в.), при погребении гуннского вождя Аттилы всадники объезжали холм с телом умершего, «восхваляя Аттилу в искусственных песнопениях *canto funereo* («похоронной песне»)». «Такой обрядовый плач о герое, – подчеркивает Р.С. Липец, – служил у многих, в том числе и у тюркских народов, одним из источников развития эпической песни» [Липец 1984: 119-121].

Восхваление того или иного персонажа, описание его подвигов часто приурочивалось именно к погребению, что было вызвано естественным желанием увековечить имя умершего в коллективной памяти современников и потомков. Феномен похоронной песни, по Р.С. Липец, не был идентичен плачу, так как мог и не иметь трагического оттенка, а живо насыщался эпическими образами в силу того, что индивидуальная судьба становилась в его рамках судьбой «общенародной» [Липец 1984: 122].

Вероятна изначальная связь эпического кубаира с религиозными действиями коллектива и обрядом, который тесно связан с мифами и ритуалами. Миф может обосновывать происхождение обряда: мифотворчество – одна из форм мыслительной деятельности по созданию образа мира, и важнейшей ее функцией является объяснительная. Мифы обладали священным, сакральным характером, были тесно связаны с ритуалами и магическими действиями. По справедливому утверждению В.Я. Проппа [Пропп 2000: 30], как обряды, так и мифы имели целью воздействовать на природу. И, прежде всего, эта функция закреплялась за словом как орудием магического воздействия на окружающий мир. В этой связи представляет интерес так называемая обрядовая теория фольклора. В фундаментальной работе Дж. Фрейзера «Золотая ветвь» содержится положение о том, что обряд первичен, а миф как его интерпретация вторичен [Фрейзер 1998]. Сказание могло предназначаться для прославления деяний культурного героя и умилостивления его души после его смерти. Обрядовое происхождение фольклора не вызывает сомнения. Существует общее мнение, что первоначально фольклор представлял собой интегрирующую часть обряда, своего рода мнемонический символ. Возможно, с вырождением обряда фольклор отделился от него и начал жить самостоятельной жизнью. Если мифология как древнейшая картина мира имеет идеальную природу – знание о мире, то обряд, ритуал носят материальный характер. Они связаны с действиями социума. Первоначально элементы мифологического эпического кубаира могли складываться как словесное сопровождение мифо-ритуальных действ коллектива, в них, возможно, и не было эстетического начала. Исследователи отмечают, что подлинные мифы – это отнюдь не поэзия. Возможно, в архаическом обществе фольклорные жанры исполнялись не просто сами по себе, не ради красного словца, они имели тесную связь с тогдашней действительностью и приурочивались к каким-то реальным событиям. Обращение к функциональному аспекту связи эпического текста с внеtekстовой реальностью позволяет нам определить функцию кубаирского текста.

Как мы уже говорили, изначально исполнение *жобайыр* было связано с культом предков. Люди верили, что после смерти героя душа отделяется от тела и выполняет все функции героев-

тотемов. Память об умерших передавались из поколения в поколение в форме священосказаний – *кобайыр*. Потомки стремились к близости с предками, к поддержанию отношений, в которых, как считалось, были заинтересованы и мертвые, и живые [Традиционное...1990: 31].

Б.Б. Овчинникова, анализируя поминальный обряд древних тюрков Саяно-Алтая, пишет, что умершие мыслились как полномочные представители в ином мире, населенном божествами и духами, и их уход в иной мир не означал разрыва родственных отношений. У каждой стороны сохранялись обязанности по отношению друг к другу. В воображении древнего человека на основе космогонических представлений рождалась цепь образов и ассоциаций, заключающих путь от погребения к воскрешению и приобщению к Космосу. Обряд поминания рассматривается ею как сложное ритуальное действие, отражающее комплекс сложных космогонических представлений архаического общества, основанных на идее всеобщего возрождения в ином мире. Б.Б. Овчинникова выделяет две важнейшие функции обряда поминания:

во-первых, *связь с культом предка*. Умерший переходил в иной мир и получал новый, более ценный статус – статус предка. Смысл поминок сводился к помощи и заботе живых о переселении умершего в мир мертвых. Такие обряды периодически повторялись с завершением проводов спустя год и отражали представления о существовании души умершего после смерти;

во-вторых, *связь с институтом посредничества*. Если предок мыслился как полномочный представитель общины в ином мире со своим новым кругом обязанностей, связывая воедино два мира – мир людей и мир духов, то он являлся передатчиком информации из одного мира в другой [Овчинникова 2005: 153]. И в эпосе народный герой Урал-батыр выступает как предок, связывающий мир людей и духов, мир людей и богов. Он легко переходит из одного мира в другой. В мифологии многих народов мира предки также являются посредниками между первопредками и богами, с одной стороны, и людьми – с другой.

Как показывают лингвистические и экстралингвистические данные, т.е. языковой и социокультурный контекст бытования жанра, возникновение кубаира и его функционирование в народной среде изначально могло иметь связь с обрядом поминания и ритуальным действием, т.е. исполнением *кобайыр* – песни-обращения к духу умершего батыра, предка, божества.

Известно, что у предков тюркских народов были погребальные обряды, включающие насыпание кургана, установку памятной стелы и пение поминальной песни *һықтау*. Эпос «Урал-батыр» включает поминальные песни, а также множество аллюзий на этот жанр. Возможно, эпический кубаир «Урал-батыр» изначально связан с обрядом поминания и ритуальным действием, исполнением *кобайыр* – песни-обращения к духу умершего батыра, предка, божества. Об этом можно также судить по следующему фрагменту эпоса, где описывается сцена оплакивания смерти народного батыра народом и женой Хумай. Поминальную песню *һықтау* произносит супруга батыра Хумай. В ней говорится о великой утрате, о безмерном горе и страданиях Хумай, бывшей когда-то радостной и счастливой женой батыра. Она клянется в верности супругу. В конце прощальной песни *һықтау* произносятся восхваления в честь батыра и утверждается мысль о том, что добрая слава о нем будет жить в памяти народа и страны. *һықтап шлау* в данном контексте связывается с похоронной церемонией и соответствует обрядовому плачу по герою после его смерти. Как уже отмечалось, такой плач был в обычаях многих тюркских народов, а у некоторых сохранился и поныне.

Journal of International Scientific Publications:
Language, Individual & Society, Volume 6, Part 2
ISSN 1313-2547, Published at: <http://www.scientific-publications.net>

Поскольку, как мы уже отмечали, само слово *кобайыр* обнаруживает гетерогенные связи с погребальным обрядом, можно предположить, что изначально *кобайыр* создавался и воспроизводился в рамках специфической коммуникативной ситуации *кобайыр* и предназначался для его словесного сопровождения. Вероятно, исполнение *кобайыр* было связано с культом мертвых предков и заупокойными действиями. Люди верили, что после смерти героя душа отделяется от тела и выполняет все функции героев-тотемов. Как пишет выдающийся исследователь фольклора и мифологии О.М. Фрейденберг, «душа представлялась человекообразной именно в виде ее былой тотемной природы, и она являлась метафорическим дубликатом бога, былогоtotема, героя» [Фрейденберг 1998: 165]. Скорее всего, именно поэтому после смерти героя сакрализировались все этапы его жизненного пути: рождение, брак, зрелость, смерть. В башкирском эпосе Урал-батыр является предком, который связывает собой три мира: мир живых, мир мертвых и мир богов. Он как предок легко переходит из одного мира в другой, т. е. сам воспринимает *кобайыр* души, и отсюда ядерным понятием в эпосе является концепт «душа». Следовательно, *кобайыр* – это священное сказание, выполненное после смерти героя *коба*, в котором повествуются этапы его жизненного пути; песня, посвященная душе героя – *кобайыр*, во-первых, для ее умилостивления, успокоения и, во-вторых, для связи *кобайыр* героя с *кобайыр*ков. А происхождение самого термина *кобайыр* можно объяснить от *коба* «душа» и *айры* «песня» или «эпическая поэма», посвященная душе умершего батыра, предка, божества.

Для реализации своей pragматической функции, т.е. для эффективного воздействия на душу предка, кубайр должен был обладать особой ритмо-фонетической организацией, особым лексико-семантическим наполнением текста и т.д. Поэтому перейдем к описанию роли речевой структуры текста в реализации его pragматической функции.

Стиль кубайра характеризуется большой образностью: при помощи специальных фигур речи, тропов и др. стилистических средств в тексте образно отражается реальный и ирреальный миры, и у читателя создается различное представление о них, некий «образ мира». В нем воплощено народное осознание мира (психологическое, эстетическое, нравственное, философское) с позиций определенного идеала; его эмоциональность обусловлена насыщением текста эмоционально-оценочной лексикой, словами и выражениями с ярко выраженной эмоциональной коннотацией. В тексте эпоса художественно-эстетическое отображение мира развивается до уровня искусства слова, и фольклорный текст гармонично вписывается в общую художественную картину мира народа: он становится способным вызывать эстетический эффект, предусмотренной интенцией коллективной языковой личности (народа), ее коммуникативной стратегии и эстетическим отношением к действительности. В эпосе «Урал-батыр», который относится к наилучшим образцам поэтического творчества в башкирском фольклоре, реальная или ирреальная действительность, мифологические образы (как положительные, так и отрицательные) описаны на уровне искусства слова, и в силу этого текст эпоса несет огромный эстетический заряд, оказывает воздействие на ум и сердце читателя, т.е. на его интеллектуальную и эмоциональную деятельность. В эпосе представлены яркие, впечатляющие образы Хумай и Айхылу, Урал-батыра и боевого небесного коня Акбузат и т.д. Божественная красота девушек, красота боевого коня, душевная красота этического героя Урал-батыра, а также уродливость царя Катила, несущего людям смерть, безобразность старушки и вечно старого, но и в то же время вечно живого старика, испившего воду из Живого родника – *Иэншишме* и познавшего трагедию бессмертия и в результате этого осознавшего смысл жизни, описаны мастерски. Эстетический уровень текста эпоса создается при помощи экспрессивных, эмоционально-оценочных, стилистически-окрашенных языковых средств. Эстетическое воздействие текста эпоса также связано с его образностью и эмотивностью. Образность достигается способностью текста создавать различные представления о реалиях ирреального

(мифологического) и реального миров с позиций определенного эстетического идеала, а эмотивность создается путем описания чувств героев, изображения их внутреннего мира, эмоционального состояния. Благодаря вышеописанным лингвистическим и экстралингвистическим средствам текст эпоса «Урал-батыр» оказывает сильное эстетическое воздействие на адресата, вызывая его ответную лирическую эмоцию. Однако основная функция текста не эстетическая, а мифо-ритуальная. На наш взгляд, кубаир как фольклорный текст имел сугубо прагматическую направленность. Существуя в рамках ритуала и являясь манифестацией одного из множества кодов культуры, актуализируемых в обряде для достижения желаемой цели, он опирался, прежде всего, на ритмику текста, которая усиливала уровень его восприятия, оказывала эффективное воздействие не только на людей, но и на окружающую человека действительность, на мир. Невозможно свести структуру текста эпоса «Урал-батыр» к совокупности составляющих его формальных элементов. Они функционально обусловлены и участвуют в формировании единого жанра эпического *кобайыр* и общего смысла текста.

Стихотворный размер или ритмическая единица кубаира состоит из семи слогов в одной строке. Это создает четкую ритмику.

<i>Шулгэн буған олоho,</i>	4+3 (7)	<i>Шульгеном старшего нарекли,</i>
<i>Урал буған кесеhe;</i>	4+3 (7)	<i>Уралом младшего нарекли,</i>
<i>Бүтэн кеше курмәйсе,</i>	4+3 (7)	<i>Так и жили они вчетвером,</i>
<i>Тик йәшәгән дүртәүhe</i>	4+3 (7)	<i>Не видя людей, в местечке глухом.</i>

Подобная ритмика представлена и в стихах из «Дивана» Махмуда Кашгарского:

<i>tiirliig ciicakjazyldy, 4+3 (7)</i>	<i>«разные цветы расцвели,</i>
<i>barcyn jadym karildi 4+3 (7)</i>	<i>[словно] бархатный ковер расстелили,</i>
<i>ustaq jiri koruldi 4+3(7)</i>	<i>[стало] видно райское место,</i>
<i>tumluy jana kalgiisuz 4+3 (7)</i>	<i>холода теперь не придут»</i>

В ритмической организации текста эпоса «Урал-батыр» особую роль играют рифмы – зозвучия определенных рядов ритмических групп. Они создается путем повтора определенных единиц речи. Повтор выступает, в первую очередь, как структурно-семантический элемент и осуществляется во всех языковых уровнях: фонетическом (также и на интонационном), лексическом, морфологическом и синтаксическом. Как было показано выше, повтор на фонетическом уровне осуществляется за счет повторяющихся фонем и звукокомплексов. На лексическом уровне повтор осуществляется за счет последовательного дублирования одного и того же слова, на морфологическом – за счет деривационного повтора (повтора однокорневых слов, повтора определенных аффиксов), на синтаксическом – за счет повтора однотипных предложений. Например,

*Егет тә егет икәнһен,
Егет, батыр икәнһен;
Йөрәгенә таянып,
Беләгенде һығанып,
Беззәйәрзә кызығанып
Килгән егет икәнһен.*

*Егетем истинным ты оказался
Ничьих угроз не испугался
Сердце великое у тебя,
Сила могучая у тебя;
Нас желеючи и любя,
Ты явился сюда, батыр!*

Или:

*Ай һуғышкан, ти, Урал,
Йыл һуғышкан, ти, Урал.*

*Месяц, Урал, говорят, воевал,
Год, говорят, воевал Урал...*

В тексте эпоса «Урал-батыр» можно обнаружить различные виды повторов: *анафору* (греч. «несение назад») – повторение слова в начале ряда предложений или их частей), ее разновидности (анафору синтаксическую – использова; *этифору* – повторение слова или звукосочетания в конце нескольких фраз или частей предложения; градационный повтор слова (повтор слова с усилением его смысла дополнительно вводимым другим словом); синонимический повтор, синонимические пары; деривационный повтор (употребление в одном высказывании двух однокорневых слов); парные слова, и парные эпитеты и т.п. Например, для текста эпоса характерно употребление синтаксической *анафоры* (использование в начале частей высказывания одной и той же грамматической формы):

*Күрһәтегез Үлемде,
Танытығыз илемде,
Тиеп асыуланған, ти,
Батша фарман биргән, ти.
Или: Минә эйт һин барыны
Минә буләк кәрәкмәй,
Минә нарай кәрәкмәй,
Мин сыйкканмын илемдә
Коткарырға кешене.*

*Смерти лицо покажите ему,
Пусть запомнит мою страну!
Царь свирепо отдал приказ
Но только позволь мне в ответ
Поставь условие: примешь иль нет?
Не в чем золото мне увозить,
Некого жемчугом мне одарить,
Создан я лишь добро творить.*

В тексте эпоса используется *этифора* (повторение слова или звукосочетания в конце нескольких фраз или частей предложения) как один из самых часто употребляемых средств, определяющих особенность языка и стиля эпоса «Урал-батыр». Например:

*Донъяла мәнгө талыр эш –
Донъяны матур төзөгән,
Бағты мәнгө бизәгән –
Уза булна **якшылық**.
Күккә лә осор – **якшылық**,
Һыуга ла батмас – **якшылық**,
Утка ла яңмас – **якшылық**,
Телдән дә төшмәс – **якшылық**.*

*То, что на земле остается,
Чем все лучшее создается,
Сада краса и благоухание -
Это добро и благодеяние
В огне не сгорит – **благодействие**,
В воде не утонет – **благодействие**,
До неба возвышится – **благодействие**,
Останется в памяти – **благодействие**.
Оно – голова всех дел,
Для всех живущих на свете людей
Пребудет как мира высший удел...*

Можно привести множество примеров использования синонимов. Функционально они предназначены для более полного раскрытия обозначаемого явления, характеристики понятия и для эмфазы, выразительности:

*Тилберлектә, тизлектә,
Көслөлөктә, зурлыкта,
Түзәмлектә, нақлыкта,
Һизгерлектә – көндөз ژә,
Төндә йоклап ятканда –
Арықлан, болан, капланы,
Айыуы, тағы бутәне,
Алар бәззән кәмме ни?*

*В расторопности, быстроте,
В силе, росте иль красоте,
В осторожности и терпенье,
В чуткости каждого движенья,
Днем ли, ночью ли – каждый час -
Лев, сохатый или барс,
Дикий медведь или зверь любой -
Неужели они хуже нас?*

В тексте представлено и обилие синонимичных пар, сдвоенных синонимических существительных. Например,

катын-кызы, кызы-кыркын, ир-ат, ир-егет, егет-ир, куй-нарык, ен-дейеу, дейеу-ен, йылан-яуыз, эңи-мәрійен, булат-алмас, уйпат-сая, тау-таш, тирә-як, кайғы-этлек, ауырлыу-һыллау, илау-һыктау, уйын-көлкө, ауырлык-тарлык, исән-хаулык, койон-дауыл.

Являясь одним из средств словообразования, они придают речи ритмичность и оттенок разговорности и фольклорности.

В парных словах, так называемых словах-близнецах, повтор определенных звуков придает ритмичность, живость и красочность, оттенок непринужденности разговорной речи:

Journal of International Scientific Publications:
Language, Individual & Society, Volume 6, Part 2
ISSN 1313-2547, Published at: <http://www.scientific-publications.net>

кеше-мазар, дейеу-мазар, донъя-мазар, мыр-мазар, коза-казна, алмаш-тилмәш, ботон-ботса, уйтамастан-нитмәстән, уйтап-нитең, анламастан-нитмәстән, қыран-яран, алан-йолан, хәт-әхүәл, шау-шыу, сыр-сыу, қаскан-боскан, тапкан-таянған, барған-йөрөгән, калған-бүскан, аз-маз, тар-мар, ип-нил и т.д.

В тексте эпоса «Урал-батыр» встречаются сдвоенные антонимичные существительные, устойчивые антономичные пары: *йәш-карт, яман-якшы, яман-якшыны* и др., которые также придают речи ритмичность и оттенок разговорности.

В ритмической организации текста эпоса «Урал-батыр» особую роль играют рифмы – созвучия определенных рядов ритмических групп. Они создаются путем повтора определенных единиц речи. Повтор выступает в первую очередь как структурно-семантический элемент и осуществляется во всех языковых уровнях: фонетическом (также и на интонационном), лексическом, морфологическом и синтаксическом. Связь эпического текста с обрядом позволяет рассматривать повтор как знак, как магическое средство воздействия на мир, на окружающую действительность. Повтор в эпическом тексте «Урал-батыр» является не только средством фонетико-ритмической организации текста и украшением речи, создающей ее мелодику, но также связан со спецификой жанра *кубаира*, прагматикой обрядового текста и имеет явный знаковый характер. Обряд был нацелен на достижение какого-либо результата, то есть воздействия на действительность. Чтобы эффективно воздействовать на окружающий мир, текст эпического кубаира на всех своих уровнях (в речевой организации) должен был обладать и особым речитативным характером произнесения, и особой лексико-семантической структурой, и особой грамматикой как отточенным средством оптимальной передачи информации.

Таким образом, мелодика эпического кубаира создается также с помощью повторов, т.е. употребления одного и того же слова (словосочетания) на небольшом отрезке речи, с помощью повтора одних и тех же звуков, звукокомплексов в смысловых блоках текста. Это свидетельствует о том, что речь эпоса «Урал-батыр» народно-поэтическая. Его стиль характеризуется обилием просторечных слов, специфических приемов, придающих речи особую выразительность. В поэтическом тексте эпоса «Урал-батыр» выразительность звука достигает предела. Особенno велика роль созвучий в конце строк – рифм. Созвучия в поэтическом тексте «Урал-батыр» служат средством выделения, подчеркивания, эмфазы. Но не только.

Все это подтверждает наш вывод о том, что кубаирский стих как вербальный код культуры создавался и репродуцировался в рамках специфической коммуникативной ситуации – обряда, он предназначался для сопровождения обряда, действия. В обрядовом тексте одним из специфических фольклорных речевых приемов и эффективных средств воздействия на мир является его ритмо-фонетическая организация, которая формирует мелодику речи. Мелодика речи, прежде всего, основывается на фонетических законах самого языка. В башкирском языке большую роль играет закон сингармонизма, который выявляет богатую эвфонию (*от греч. euphónia — благозвучие*) и музыкальность этого языка.

Обозначая признаки архаического фольклорного текста эпоса «Урал-батыр», можно сделать вывод о том, что он, порожденный в определенный период истории башкирского народа как реакция на ситуацию, требующая определенного поступка коллектива, представлял собой определенным образом организованную и структурированную знаковую систему, необходимую для выполнения обрядовых функций. Прагматическая функция заключалась в общении коллектива с душой предка-героя для создания или воссоздания космического равновесия между человеком и окружающей действительностью.

Повтор в фольклорном тексте на всех своих уровнях (в речевой организации) может выражать также идею творения. Опираясь на существующее общее мнение, повтор можно рассматривать также в качестве своего рода «повторения» этапов сотворения мира, воспроизведения акта творения [Топоров 1980, Байбурин 1993, Бунчук 2003]. В эпосе «Урал-батыр», где описывается время «первотворения» современного состояния физического и духовного мира – ландшафта, рельефа и всей природы и культуры (ритуал, обряд, этические параметры), т.е. весь процесс создания мира, произнесение самого текста непосредственно могло отождествляться с процессом сотворения мира, сам акт произнесения мог совпадать с актом творения. В рамках обрядового текста этот прием должен был эффективно воздействовать на окружающую действительность.

Таким образом, на структурном, на фонетико-интонационном и морфологическом уровнях текст эпоса «Урал-батыр» представляет собой серию повторений. Какова же их функция в тексте?

Во-первых, связь эпического текста с обрядом позволяет рассматривать повтор как знак, как магическое средство воздействия на мир, на окружающую действительность. Известно, что большинство молитв и мантр в различных историко-культурных традициях опираются на этот ритмо-фонетический действующий эффект. В заговорах повторы являются одним из главных средств словесного колдовства. В древнеегипетских «Текстах пирамид» повторы слов служили усилению магического эффекта. Именно поэтому при исследовании текста его pragmatiko-semioticheskaya сторона и обуславливает ракурс наблюдений над ним.

Во-вторых, повтор в фольклорных текстах (в текстах космогонических мифов, заговорах) рассматривается также в качестве своего рода «повторения» этапов сотворения мира, воспроизведения акта творения [Топоров 1980]. Фольклорный текст изофункционален обряду, суть которого в репродукции первопоступка, ориентации на повторное творение действительности [Байбурин 1993].

Речевая организация текста эпоса «Урал-батыр» связана со спецификой жанра кубаира, pragmatikoy обрядового текста и имеет явный знаковый характер. Вследствие этого сам 7обайыр можно рассматривать как эквивалент действия, поступка.

Эпический кубаир «Урал-батыр», порожденный как вербальная и знаково зафиксированная реакция на ситуацию, на фрагмент объективно существующей реальности, как особый способ коммуникации с душой предков, представлял собой в первую очередь обрядово-фольклорный дискурс. Ныне текст эпоса не выполняет обрядовую функцию, поэтому воспринимается лишь как собственно устное фольклорное произведение, бытовавшее когда-то в устной народной традиции, зафиксированное на письме и таким образом получившее полноправный статус текста.

Текст эпического кубаира обладает всеми свойствами архаических фольклорных текстов: pragmaticheskoy заданностью – текст возник как реакция на ситуацию; перформативностью: текст есть поступок – исполнение обряда; специфической адресацией: текст ориентирован на восприятие высшими сакральными силами; цельюоформленностью: все уровни текста едины в выражении коммуникативного задания; сакральностью: текст есть предмет магического воздействия; вариативностью: текст есть, прежде всего, воплощение концепта смысла, а не формы.

Литература:

1. Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре: Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. – СПб.: Наука, 1993. – 237 с.
2. Болотнова Н.С. Филологический анализ текста: учеб. Пособие. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 520 с.
3. Бунчук Т.Н. Концептуальный анализ текстов традиционной культуры// Дисс. на соискание степени канд. филол. наук. – СПб., 2003. – 225 с.
4. Иванов Вяч.Вс. Поэтика Романа Якобсона // Якобсон Р.О. Работы по поэтике. – М.: Прогресс, 1987. – С. 5-22.
5. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность?. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.
6. Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. – М.: Наука, 1974. – 571 с.
7. Липец Р.С. Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. – М.: Наука, 1984. – 263 с.
8. Неклюдов/Электронныйресурс/www.ruthenia.ru/folklore/os04...program...neckludov.htm.
9. Овчинникова Б.Б. Поминальный обряд древних тюрков Саяно-Алтая // Тюркологический сборник/Ин-т востоковедения, С.-Петерб. фил. – М. : Вост. лит., 1970-. 2003-2004: Тюркские народы в древности и средневековье/ редкол.: С.Г. Кляшторный (пред.), Т.И. Султанов, В.В. Трапавлов. 2005. – С.152-165.
10. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2000. –333 с.
11. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / [отв. ред. Э.Р.Тенишев, А.В.Дыбо]. – М: Наука, 2006. – 908 с.
12. Топоров В.Н. О числовых моделях в архаичных текстах//Структура текста. – М.: Наука, 1980. – С. 3-58. – 227-284.
13. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал. – Новосибирск: Наука (Сибирское отделение), 1990. – 209 с.
14. Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательская фирма « Восточная литература» РАН, 1998.– 800 с.
15. Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии / Пер. с англ. – М.: ООО «Фирма «Издательство ACT», 1998. – 784 с.

Contents

DIALECT NEW GROWTHS AS RESULT OF THE INTERLINGUAL INTERFERENCE:

THE CONJUNCTIONS IN DIALECTS OF RUSSIAN NORTHⁱ

Elena R. Guseva

Karelian State Pedagogical Academy, Pushkinskaja str, 17, Petrozavodsk, Russia

4

HISTORY OF THE PROFESSIONALLY ORIENTED TRANSLATION

Nataliya Nikolaevna Gavrilenko

Peoples' Friendship University of Russia, 6, Mikluho-Maklaya st. , 117198, Moscow, Russian

16

MEANS OF DECTIC COHESION IN RUSSIAN AND FRENCH

Lina V. Dudnikova, Tatyana V. Milevskaya

Southern (Uzhny) Federal University, Russia, Rostov-on-Don, 33, Sadovaya St.

28

MODERN TECHNOLOGIES OF RESEARCH OF SPEECH DEVELOPMENT OF THE CHILD

Olga V. Epifanova

Public budgetary educational institution of additional professional education

(professional development) of specialists academy of professional development and retraining
of educators Policeman Buxanceva str., bl. 32, 400120, Volgograd, Russia

34

FEATURES OF THE OPERATION OF FOREIGN LANGUAGE VOCABULARY IN THE LANGUAGE OF MODERN PROFESSIONAL SPEECH LANGUAGE PERSONALITY OF THE JOURNALIST (BASED ON THE STUDENT NEWSPAPER "UNIVERCYTI")

Olga. G. Shchitova, Svetlana. L. Savilova

National Research Tomsk Polytechnic University, Russia, Tomsk, 30, Lenina St.

46

THE VISUAL LANGUAGE OF ADVERTISING COMMUNICATIONS

Svetlana V. Pryshchenko

Department of graphic design and advertising, National Academy of Managerial staff of culture and arts,
21 I.Mazepa str., Kyiv 01015, Ukraine

55

Journal of International Scientific Publications:
Language, Individual & Society, Volume 6, Part 2
ISSN 1313-2547, Published at: <http://www.scientific-publications.net>

THE PHILOSOPHY OF KYRGYZ PEOPLE THROUGH THE PRISM OF THE LANGUAGE

Zamira Derbisheva

Foreign Languages High School, Kyrgyzstan Turkey Manas University, Mira Avenue, 56 Bishkek, Kyrgyzstan
67

**НЕВЕРБАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ
В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ**

И. Ф. Турук, Е. И. Лобанова

85

EUROPEAN PHILOSOPHY OF LAW – IDEALOGICAL BASIS OF RUSSIAN STATEHOOD

Anastasia S. Zabolotnaya

Southern (Uzhny) Federal University, Russia, Rostov-on-Don, 33, Sadovaya St.

90

FIXED PHRASE SCHEME «HAD + N₁ [PRON₁] + V_{p.p.!}» IN THE SYSTEM OF THE ENGLISH LANGUAGE

Elena M. Slivnaya

The Pedagogical Institute, Southern (Uzhny) Federal University, Russia, Rostov-on-Don, B. Sadovaya, 33
99

ON THE INTERPRETATION OF SECONDARY SEMIOSIS IN A SATIRICAL LITERARY TEXT

(based on the material of the story “A Dog’s Heart” by Mikhail Bulgakov)

Marina V. Laskova, Yulia V. Novikova

South Federal University Pedagogical Institute Russia, Rostov-on-Don

Azov-Black Sea State AgroEngineering Academy Russia, Rostov region, Zernograd

113

LANGUAGE REFLECTION OF MODERN BRITISH SLANG’S DIALECT DETERMINATION

Sofia G. Agapova, Ekaterina A. Redkozubova

South Federal University Pedagogical Institute Russia, Rostov-on-Don

130

MEDIATIZATION OF POLITICS IN THE LINGUOCULTURAL ASPECT

Victoria A. Borisenko

The Pedagogical Institute, Southern (Uzhny) Federal University, Russia, Rostov-on-Don, B. Sadovaya, 33
139

**THE TRANSLATION AND APPRECIATION OF KORNEY CHUKOVSKY’S WORK FOR
CHILDREN AND YOUNG ADULTS IN 20TH CENTURY BULGARIA**

Margarita T.Terzieva

University „Prof. d-r AssenZlatarov“ –Burgas, Bulgaria

156

THE CONCEPT OF TEXT OF THE EPIC KUBAIR "URAL-BATYR"

Gul'nur H. Bukharova

Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla, Ufa, Oktyabrskoy Revolyutsii st, 3A

165